

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 6 (39)

Academic Journal

Part 2

Series:

History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 6 (39)

Научный журнал

Часть 2

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за вытукс: А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

История повседневности в культуре России

От редактора (<i>Андрей Л. Юрганов</i>)	161
<i>Андрей В. Каравашкин</i> Трактовки притчи о блудном сыне в поэзии и повестях XVII века	163
<i>Михаил П. Одесский</i> Москвич и море: ощущение водной стихии в панегирической пьесе «Слава российская» (1724 г.)	183
<i>Игорь В. Курукин</i> Повседневность кадетских корпусов конца XVIII – начала XIX в.: учение и учителя глазами воспитанников	192
<i>Юлия В. Ким</i> Повседневность молодого дворянина в городах России и Европы первой четверти XIX в.: по дневникам Александра и Владимира Мусиных-Пушкиных	215
<i>Алексей С. Гулин</i> «Во глубине сибирских руд...»: к вопросу о характере повседневных каторжных работ политических ссыльно-каторжных на Нерчинских рудниках в 60–70-е годы XIX в.	235
<i>Андрей Л. Юрганов</i> Метафизика гностического мироощущения в эпоху раннего модернизма: на примере творчества Марка Криницкого	252

CONTENTS

The history of everyday life in the culture of Russia

From the editor (<i>Andrei L. Iurganov</i>)	161
<i>Andrey V. Karavashkin</i>	
Renditions of The Parable of the Prodigal Son in the poetry and prose of the 17th century	163
<i>Mikhail P. Odesskii</i>	
A muscovite and the sea: the water element in the panegyrical drama «The Russian Glory» (1724)	183
<i>Igor V. Kurukin</i>	
The daily routine of the cadet corps of the late 18th – early 19th century. The teaching and teachers through the eyes of pupils	192
<i>Yuliya V. Kim</i>	
Daily life of a young nobleman in the cities of Russia and Europe in the first quarter of the 19th century. According to the diaries of Alexander and Vladimir Musin-Pushkins	215
<i>Aleksey S. Gulin</i>	
«In the depth of the Siberian mines...»: To the question of nature of the daily hard labor of political exiled convicts at the mines of Nerchinsk in the 60-70s of the 19th century	235
<i>Andrei L. Iurganov</i>	
Metaphysics of the Gnostic Worldview in the era of early modernism. Using the example of Mark Krinitsky	252

История повседневности в культуре России

От редактора

История повседневности в культуре... На первый взгляд, в этом союзе «трех» слов-понятий нет и не может быть ничего удивительного. По умолчанию считается, что культура это быт людей, а повседневность – осмысленная практика быта. «История» связывает эту осмысленную ежедневность с хронологией перемен. Вот и все. Есть ли тут проблема для исследователя? Кажется, нет никакой.

А теперь проведем мысленный эксперимент. Каждое из этих понятий попробуем переформулировать так, чтобы при максимальном расширении каждого из них расширялась и сфера их применения.

И тогда – вопрос: а что такое «культура»? Уж точно – не быт только, но и не достижения только, как обычно трактуют это понятие в школьных пособиях по истории. Соединение быта и высоких достижений возможно при условии, что культура мыслится как максимально расширенное понятие, обозначающее всякую мыслительную деятельность человека, безотносительно к результату. А потому эту деятельность можно определить как смыслополагание. Оно уже не может быть ограничено концепцией, не может быть ограничено рутиной; смыслополагание охватывает все сферы смысла, включая и тот, который можно определить как «интуиция смысла» (первичное схватывание, дорефлекторное сознание или узнавание).

А теперь – «повседневность»: разве она существует сама по себе? Она не может быть абстрактной, – и даже если она не замечается нами, это еще не значит, что ее существование отделено от сознания. Интуитивно мы всегда поддерживаем эту повседневность, но не вне сознания только, а внутри самих себя прежде всего. Поэтому повседневность не является «историей», которая существует сама по себе, ибо понятие истории в своем максимальном расширении не может не быть самосознанием человека... Как же снова соединить эти понятия?

Чтобы они сошлись вместе, необходим «четвертый» элемент – не присутствующий открыто, но необходимый как закваска к но-

вому синтезу, без которого все расширенные нами понятия могут лишь конкурировать между собой, но не совмещаться в единое целое. Четвертый элемент – это Наблюдатель, без которого нет и не может быть самоописания. Отношения между людьми и составляют основу всякой «повседневности»!

Иными словами, нет никакой повседневности «самой по себе», нет истории «самой по себе», – в узнавании ситуации происходит динамическая корректировка под взгляд «наблюдателя». Но тогда возникает естественный вопрос: как же возможна повседневность, если у каждого из нас «свой» взгляд, свое наблюдение? В том и дело, что «культура» – это всегда моделирующая система, она дает возможность людям общаться между собой, используя для этого общеупотребительные смыслы, общие внутри той или иной социальной страты. Поведенческая модель, обусловленная общими для тех или иных страт интуициями смысла, не может быть по определению моделью навсегда, ибо она не только корректируется наблюдателем, но и меняется им в результате новых смыслопорождений.

Таким образом, мы видим, что история повседневности в культуре – это взаимодействие наблюдателя с наблюдаемым, это взаимодействие, которое открывает «повседневность» в двух ипостасях сразу – и как смысл общеупотребительный, привычный, интуитивно-принятый, и как смысл индивидуальный (потенциально событийный). Между частью и целым происходит взаимодействие, которое определяет собой то, что мы и рассматриваем в качестве основной научной проблемы дополнительного шестого номера «Вестника» – это история повседневности в культуре России.

Андрей Л. Юрганов

УДК 821(470)-191

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-163-182

Трактовки притчи о блудном сыне в поэзии и повестях XVII века

Андрей В. Каравашкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, karavash2008@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается развитие популярного в Средние века мотива евангельской притчи о блудном сыне. Притча эта послужила отправной точкой в развитии темы послушания и доброго совета в поэзии и драматургии выдающегося представителя барокко Симеона Полоцкого и в русской повести второй половины XVII века. На примере усвоения притчи мы видим, что вечное содержание новозаветного сюжета приспособлялось к реалиям русской жизни. Коллизия, изображенная в русских произведениях «переходного» периода, в значительной мере отвечала конфликтам эпохи и была характерна в той или иной мере для повседневной жизни накануне Нового времени. Трактовка евангельской притчи и различия в ее разработке становятся главным предметом предлагаемого вниманию читателя исследования.

Ключевые слова: поэзия, драматургия, повесть, барокко, притча, повседневность

Для цитирования: Каравашкин А.В. Трактовки притчи о блудном сыне в поэзии и повестях XVII века // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 163–182. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-163-182

Renditions of The Parable of the Prodigal Son in the poetry and prose of the 17th century

Andrey V. Karavashkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
karavash2008@yandex.ru*

Abstract: This paper considers the evolution of the popular evangelical story of the Prodigal Son during the Middle Ages. The story answers for the rise of such themes as obedience and guidance, which would then go on to feature heavily in the poetry and plays of the noted baroque writer Symeon of Polotsk, as well as throughout Russian prose of the second half of the 17th century. We

shall see how this timeless parable of Biblical origin nevertheless managed to reflect and incorporate the day-to-day realities of Russian life. Conflicts taking place during Russia's 'Intermediate Period,' characteristic of the realities leading up to the New Age, saw their reflection and representation in Russian prose. The various renditions of this evangelical story serve as the primary focus of this research.

Key words: poetry, playwriting, prose, baroque, parable, everyday life

For citation: Karavashkin AV. Renditions of The Parable of the Prodigal Son in the poetry and prose of the 17th century. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*. 2018;6:163-82. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-163-182

Тема блудного сына занимает особое место в русской литературе так называемого переходного периода. Во-первых, она связана в той или иной мере с темой пастырства и власти: ведь отец, отдающий долю своего наследства сыну, выступает в качестве государя, который по доброй воле отпускает раба и предоставляет ему долгожданную свободу. Во-вторых, эта тема, безусловно, должна была напомнить о сыновнем долге. В-третьих, она была связана так или иначе с повседневностью, напоминая не только о бытовых и социальных неурядицах и подстерегавших молодых состоятельных людей опасностях, но и о конфликте поколений, борьбе старого и нового. Не будем забывать также и о том, что при любой трактовке притчи сохранялось ее метафизическое ядро, и за обычными житейскими конфликтами всегда стояла фигура Царя Небесного, который готов был проявить милость к раскаявшемуся грешнику и возрадоваться о его возвращении. Впрочем, развитие мотивов притчи привело русскую беллетристику к неожиданным открытиям, к созданию грандиозных обобщений как социального, так и философского уровня. Повесть XVII в. стала своеобразным ответом на смену культурно-исторических типов, на переход от Средневековья к раннему Новому времени.

Мотив пастырства и отцовства заявляет о себе в текстах московского барокко, которое стало западнорусским по своему генезису просветительским течением и важной стилиевой тенденцией в искусстве позднего Московского царства. Стихотворение Полоцкого «Началник» адресовано всем начальникам – так же, как и «Вертоград многоцветный», сборник, к которому оно относится, адресован не отдельным лицам, не элите, но всем христианам. Конечно, речь идет не о функционировании текста в системе литературной культуры, но о замысле автора, его творческой установке.

Из мира концептов и вечных истин и сущностей ученый стихотворец выбирает те, которые ближе всего к сфере порядка, гармонии, иерархического устройства мира:

Пастыр с овцами образ предлагает,
как нам жити в мире подобает [1 с. 11].

Разумное устройство жизни в то же время сочетается с правильным истолкованием нравственного поведения. Разрушающий порядок вступает в конфликт с разумностью мира как целого, задуманного Творцом. Поддерживающий гармонию находится на пути стяжания утраченного подобия Божия и духовной целостности¹.

Стихотворение «Началник» представляет собой трактат в миниатюре. Первая его часть восходит к новозаветной антитезе доброго пастыря и пастыря злонравного. Истинный и добронравный пастырь берет только руно и следит за стадом. Алчный хозяин состригает вместе с шерстью кожу и мясо. По сути, Симеон представил здесь неограниченный деспотизм с его кошмарными для холопов последствиями:

Да и впред мощно будет постригати,
дань, яко волну, праведно взимати.
Но оле времен разврщенных зело!
Режут днесь волну, и кожу, и тело [1 с. 13].

Вторая часть трактата представляет собой поучение, в котором перечислены основные заповеди начальника, опекающего многочисленных слуг, подданных, домочадцев, всех тех, кто и образует обширное мирское стадо. Начальнику необходимы шесть добродетелей: благочестие, смирение как признание равенства всех людей перед смертью, справедливость, способность прислушиваться к благим советам, отвержение страстей, кротость как подчинение воле Бога.

Отметим здесь, что Симеон невольно обращается к одному из важнейших топосов всей древнерусской книжности. Ведь оппозиция доброго и нерадивого пастыря применялась там издавна как для характеристики водительства духовного, так и для оценки деятельности светского владыки, великого князя и царя. Особое внимание этой метафорически-символической образности «пастыря» и «стада» уделила в своей известной монографии

¹ О концепции порядка в философии и эстетике барокко писал А.Н. Робинсон [2 с. 96–101].

«Очерки поэтического стиля Древней Руси» В.П. Адрианова-Перетц [3 с. 97–102].

Другое основанное на евангельском тексте произведение Симеона Полоцкого входило в сборник стихотворений панегирического содержания «Рифмологион» (1679 г.)². Эта пьеса – инсценировка притчи о блудном сыне (Лк. 15, 11–32). Сразу отметим, что мотив сыновства нередок и в дидактическом «Вертограде многоцветном». Например, в стихотворении «Сын благий» можно обнаружить такую сентенцию:

Аз же волю сын тебе всемирный быти,
нежели на царстве сын непокорный слыти.
О благоговеинства! О любви велики!
едва обретаемы между человеки [6 с. 225].

Благой сын, которого должен был венчать на царство отец еще при своей жизни, отказывается от власти, проявляя смирение. В этом поэт видит залог христианских доверительных отношений между отцом и сыном³. Особенно важно, что в этом случае сын проходит испытание свободой. Он добровольно выбирает послушание: настоящая свобода совместима только с ответственностью. Собственно, эта мысль становится ключевой и в инсценировке евангельской притчи.

В пьесе Симеон дает подробное изложение всей евангельской истории блудного сына, расставив необходимые акценты. В «Комидии» речь идет о знатной зажиточной семье. Отец не препятствует желанию сына быть самостоятельным, не лишает его свободного выбора, мягко предупреждая о возможных тяжелых для неопытного молодого человека последствиях. Мотив добровольности действий блудного сына присутствует в пьесе на всех этапах развития сюжета: герой не зависит от внешних темных сил. Он целиком пребывает в сфере «самовластия», которое, однако, легко может перейти в «самовольство», безрассудное поведение.

Вспомним, что в притче сын не просто покидает родительский дом, но получает при этом свою долю наследства. У Полоцкого сын

² Датировка И.П. Еремина, которая уточнена В.П. Гребенюком, полагающим, что «Рифмологион» был начат в 1678 г. [4, с. 262]. Л.И. Сазонова отмечает, что работу над этим собранием стихов поэт продолжал вплоть до своей кончины в 1680 г. [5, с. 22].

³ Сыновней любви посвящено стихотворение-притча «Сын праведный отца почитает, богатств ради в сердце не стреляет». Судья испытывает детей умершего богача, предлагая им стрелять в отцовское тело, извлеченное

просит свободы не ради вседозволенности. Им руководят благородные, казалось бы, стремления прославить свой дом, совершить нечто заслуживающее особой похвалы. Блудный сын тем не менее торопится получить свою часть отцовского богатства. Как затем выясняется, его привлекают не материальные блага, а сама возможность ими распоряжаться. До сих пор его угнетала несвобода в отцовском доме. Родителю, которого сын всячески превозносит в первой части пьесы, он затем заочно бросает довольно серьезные упреки, называя его мучителем, то есть тираном, отнимавшим независимость и волю:

Отец, яко мучитель, сына си томляше,
ничесо же творити по воли даяше.
Ныне, слава богови, от уз свободихся,
егда в чуждую страну едва отмолихся [1 с. 170].

Оказывается, родной дом был для блудного сына тюрьмой, из которой он бежал в мир под благовидным предлогом. Теперь он упивается самой возможностью отдавать распоряжения слугам, готов бездумно тратить огромные суммы, лишь бы обрести самоуважение.

Юноша, однако, не знает, что жизненный путь человека – это путь скорби, испытаний и лишений. Его губит доверчивость. Недаром мотив блудного сына в европейском искусстве раннего Нового времени связан с концептами обмана, двуличности и воровства. Слуги, которым молодой человек больше всего доверял, становятся причиной его несчастий. Блудный сын проматывает достояние отца. Слуги забирают у него последнее и уходят. Он же нанимается к богатому пасти свиней. В итоге несчастный смиряется и выбирает единственную спасительную дорогу – возвращение домой.

Надо сказать, что отец в пьесе символизирует милость Творца. Между старцем и Богом проводится весьма недвусмысленная параллель. Подобно Богу, отец радуется возвращению грешника. Отец устраивает пир в честь спасения своего заблудшего чада. Праведный сын, брат блудного, хотя и возмущен поначалу такой щедростью, затем прислушивается к настоятельным просьбам отца войти в дом и разделить радость единения и всеобщей любви. Восстановленная гармония, обретенное равновесие и мир – вот

из могилы. Итог столь невероятного судебного испытания предсказуем: праведный сын отказывается стрелять в умершего отца, предпочитая остаться без наследства и зарабатывать на жизнь тяжелым трудом. Судья отдает богатство праведному [6 с. 225–226].

что становится философским финалом «Комидии»⁴. В заключительном монологе блудного сына преобладает мотив божественного порядка, который торжествует над страстями и ошибками человечества:

Боже превечный! Буди слава тебе,
его же хвалят аггелы на небе!
Вся тварь да поет имени Твоему,
да творит почесть Господу своему,
Яко премудре вся устроил еси,
яже на земли и что на небеси.
Мерилом правым вся суть размеренна,
вся по естеству в чине положена [1 с. 186].

И.П. Еремин (статья «Симеон Полоцкий – поэт и драматург») рассматривал драматургию Симеона Полоцкого как явление, оторванное от реальной действительности, как текст и действо, которые разворачивались в абстрактной дидактической «пустоте» [1 с. 251–252]. Поэтика драматурга, по мнению исследователя, в полной мере соответствовала вневременной отвлеченной природе притчи и библейского повествования, рассчитанного на все времена, не привязанного к какой-то конкретной стране, реалиям ее быта, к характерам живых людей. Едва ли эта точка зрения могла оставаться неизменной и общепринятой. Иную трактовку предложил А.С. Демин, настаивающий на особом эффекте «обрусения», который замечен в барочном творчестве Симеона: «В первых пьесах русского театра 1670-х годов реалии, взятые из русского быта, встречаются очень редко, лишь случайно “проскальзывая” в пьесы. У Симеона Полоцкого эти реалии тоже специально не подчеркиваются. Но они настолько многочисленны, образуют тот постоянный фон вокруг персонажей пьесы, что можно говорить, если и не об осознанном намерении Полоцкого “держать” блудного сына в России, то об устойчивом представлении драматурга, что все изображаемое им происходит в России» [8 с. 156]⁵. Если это так – а мы склонным согласиться со вторым ученым, – то можно утверждать, что между драматургией придворного поэта и русской беллетристикой не проходит непреодолимая граница. «Комидия притчи о блудном сыне» вписывается в культурный контекст XVII в. как

⁴ Об оптимистическом финале «Комидии», в полной мере соответствующем духу евангельской притчи, пишет Н.С. Демкова [7 с. 138–139].

⁵ О смысловых уровнях и подразумеваемых семантических пластах пьесы Симеона подробно пишет Л.А. Итигина. [9 с. 50–85].

важный пример осмысления библейских моделей с точки зрения национального исторического опыта.

Иной аспект темы отцовства заявляет о себе в стихотворении Симеона Полоцкого «Слезы», которое также вошло в «Вертоград многоцветный». Здесь перед нами уже отец духовный и заблудший юноша, охваченный покаянным плачем. Сокрушение грешника так велико, что он не в состоянии прочесть перечень тех грехов, которые запечатлены на хартии. Пресвитер готов помочь духовному сыну, но чудесным образом лист с покаянным текстом очищен, грехи прощены. Этот эпизод находит параллель в известной русской «Повести о Савве Грудцыне». Герой после своих заключений и глубокого искреннего покаяния получил договор с дьяволом, очищенный от записи, т. е. перед нами еще один распространенный мотив литературы «переходного» века:

Юноша некто сердцем сокрушился,
отцу духовному слезен представися.
Написав грехи, хотяше являти,
За плачь же велий не може читати.
Видя презвитер то сокрушение:
Даждь ми, рек, да чту грехов списание.
Даде юноша, он хотя читати,
нача в хартию прилежно глядати,
Но ни же писмя на ней обретеса,
силою Бога дочиста сотреса
Во знамение грехов прощения
за покаянных слез источения [6 с. 120].

Беллетристика XVII в. была чрезвычайно разнообразна. Кроме известных древнерусских повестей историко-легендарного толка, в литературу хлынул целый поток текстов псевдоисторического, авантюрного, любовного характера, получил развитие и рыцарский роман. Конечно, многие из этих произведений были переводными или восходили к иноязычным образцам. Они не только меняли репертуар книжности, но и существенно ломали сложившийся литературный обычай, способствовали его преодолению и обмирщению. Однако имеет смысл остановиться на сюжетах, которые были связаны с традицией патериков, житий и религиозных легенд. Это поможет лучше представить себе, как типичные средневековые мотивы перестраивались, трансформируясь в соответствии с запросами времени.

Литературоведами давно отмечено влияние на беллетристику переходного века евангельской притчи, в основе которой лежит

сюжетная схема ухода и возвращения, потери и обретения утраченного [7 с. 136–143]. Эта схема оказалась очень продуктивной именно для повествования, основанного на эстетическом принципе художественного вымысла. Если в XV–XVI вв. в историко-легендарной повести и публицистике вымысел был не столь очевидным для читателя, то в новую эпоху он оказывается важнейшей предпосылкой как восприятия текста современниками, так и его функционирования в системе литературной культуры [10 с. 27–35]. Иными словами, вымысел становится конвенциональной эстетической установкой.

Известная евангельская притча о блудном сыне выступает теперь не в качестве основного источника произведения, но лишь в виде фона, на котором разворачивается вполне, казалось бы, самостоятельное повествование, предполагающее и оригинальный сюжет, и множество исторических и бытовых подробностей, и предельно разработанную систему образов, где наряду с главным героем (героями) действует множество второстепенных и эпизодических лиц. Бытовая повесть привязана к конкретным условиям жизни, реалиям повседневности, российскому культурному и социальному контексту. Более того, представленные в произведениях характеры до известной степени этим контекстом обусловлены. Важной приметой многих сюжетов становится испытание главного героя свободой. Он всякий раз вольно или невольно оказывается перед выбором.

Наиболее ярко эту связь с сюжетом и философским звучанием притчи о блудном сыне демонстрируют две повести второй половины XVII в., которые давно уже вошли в круг самых популярных и хорошо изученных шедевров древнерусской словесности. Это «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть о Горе-Злочастии». Если первая близка агиографии с ее мотивами бесовского искушения, то вторая относится к числу памятников допетровской поры, испытавших влияние фольклора. По форме «Повесть о Горе-Злочастии», написанная народным стихом, близка эпическо-былинной традиции и фольклорным духовным песням.

В «Повести о Савве Грудцыне» молодой купеческий сын, отправленный отцом в «Усолский град Орел» для обучения торговому делу, попадает в ловушку дьявола. Орудием гибели становится молодая жена горожанина Бажена Второго, в доме которого и живет Савва. Женщина «начать уловляти юношу лстивыми словесы к грехопадению» [11 с. 45]. Савва не устоял перед искушением, и вся последующая его история почти укладывается в схему религиозного чуда или повествования о прельщенном отроке. В «Господский праздник» Вознесения Христа юноша от-

казывается разделить ложе со своей любовницей. Та решает отомстить ему. После литургии Бажен и Савва за праздничным столом выпивают чары с вином. В напиток Саввы подмешено волшебное приворотное зелье, которое приготовила лукавая женщина. Тут же «начать яко огонь горети в сердце его» [11 с. 46–47]. С этого момента блудная страсть овладела Саввой окончательно. Жена Бажена стала клеветать и «нелепо глаголати», требуя от мужа изгнать юношу. Бажен уступает настойчивости своей супруги. Савва чувствует себя несчастным. Ради того, чтобы снова оказаться в объятиях любовницы, он готов даже отдать душу дьяволу. И однажды в пустынном месте он слышит голос, который звал его: «Савва! Савва!» Явившийся молодой человек называет себя «братом» Саввы и в обмен на исполнение желаний просит лишь подписать договор. Герой, не догадываясь о демонической природе собеседника, легко соглашается. При этом акцент делается на неискущенности Саввы: он не знает, с кем связался, да и пишет договор под диктовку, «еще и писати и ниже слагати совершенно не умея» [11 с. 48]. Недолго утешается Савва в объятиях подруги. Вскоре бес предлагает купеческому сыну посетить город своего отца: ведь «названный брат» вовсе не родня Савве, а сын могущественного царя. В тронном зале царь получает рукописание молодца, а тот дивится небывалому облику свиты: среди подданных царя есть люди с синими, багряными и черными, как смола, лицами. Известно, что в древнерусской литературе темнообразный облик бесов является одним из распространенных обозначений демонического мира. «Названный брат» просит не удивляться – его отцу верно служат персы, турки, арабы и многие другие племена и народы. От Саввы спутник требует послушания в обмен на дальнейшую помощь и поддержку. Так начинается путешествие по русским городам, которое приводит друзей в Шую и Москву, где слухи о Савве доходят до самого царя Михаила Федоровича, а затем в Смоленск. Именно здесь намечается кульминация повествования, ведь бес способствует воинским приключениям героя, его будущему возвышению. Однако читательское ожидание обмануто. Воевода боярин Шеин, который руководит осадой Смоленска, не хвалит Савву за ратные подвиги, но с гневом приказывает ему покинуть поле боя и отправляться домой. Бес советует юноше вернуться в Москву. Местом своего московского пребывания путешественники избирают дом стрелецкого сотника Якова Шилова. Днем «названный брат» находится рядом с Саввой, а ночью удаляется в «пропасти адские» (деталь эта намеренно подчеркнута автором, так как приближается развязка). На Савву нападает внезапный тяжелый недуг. Благочестивая жена сотника советует юноше исповедаться. Тот сначала отказывается,

но болезнь не отступает. Во время исповеди комната наполняется бесами, и священник в страхе оставляет спальню. Савва между тем подвергается страшному нападению бесов. О страданиях Саввы становится известно царю, и тот присылает караул, чтобы больной в приступе беснования не бросился в огонь или воду. Однажды Савве является сама Богородица, сопровождаемая Иоанном Богословом и митрополитом Петром. Савва кается, а Богородица обещает избавить его от дьявольского рукописания на праздник Казанской иконы Божьей Матери, но с условием, что юноша примет постриг и проведет оставшуюся жизнь в монастыре. Савва с радостью соглашается и в назначенный день на литургии во время Херувимской получает лист договора. Рукописание «заглажено», т. е. освобождено от письменного обещания служить дьяволу.

В «Повести о Савве Грудцыне» реализуется один из распространенных средневековых сюжетов о договоре с дьяволом. Вероятнее всего, на автора могло повлиять «Чудо о прельщенном отроке» св. Василия Великого, хоть там и отмечен несколько отличный вариант сюжета о соглашении с нечистой силой. Тем не менее общее сюжетное сходство не дает возможности считать этот памятник единственным источником. Одним из литературных образцов Повести мог быть библейский текст, легендарная история об Иосифе Прекрасном (Быт. 39, 6–23). Впрочем, в Повести заметно отступление от известной библейской канвы. Ряд стилистических особенностей «Повести о Савве Грудцыне» позволяет сделать вывод о ее сходстве со «Словом об Иосифе Прекрасном» Ефрема Сирина [12 с. 145–152].

«Повесть о Горе и Злочастии» (так именно названо произведение в заголовке рукописи) сохранилась в единственном списке XVIII в. [13 с. 142–144] и представляет собой своеобразный духовный стих, открываясь экспозицией на тему Священной истории:

Изволениемъ Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа Вседержителя,
от начала века человеческого.
А в начале века сего тленного
сотворил Бог небо и землю,
сотворил Богъ Адама и Евву,
повелель имъ жити во святомъ раю,
дал имъ заповедь божественну:
не повелел вкушати плода винограднаго
от едемскаго древа великаго.
Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
прелстился Адамъ со Еввою,

позабыли заповедь Божию,
вкусили плода виноградного
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
Господь Богъ на них разгневался,
и изгнал Богъ Адама со Еввою
из святаго рая изъ едемского,
и вселил он их на землю на нискую,
благословил их раститися-плодиться
и от своих трудов велел имъ сытымъ быть,
от земных плодов [11 с. 31].

Дальнейшая драма человечества заключена в том невероятном упорстве, которое смертные проявляют на пути греха. За несмирное поведение Бог наказывает людей, насылая на них скорби, походы супостатов, «наготу и босоту». Попуская несчастья, Бог ожидает покаяния, приводит тем самым род людской на «спасенный путь».

Молодец как один из многих потомков Адама должен следовать заповедям, которые и внушают ему родители. Но как только он оставляет отчий дом, то сразу же идет по широкому пути греха. «Мил надежен друг», «названный брат» зазывает молодца в «ызбу кабацкую» и угощает «зеленым вином», обещая стеречь молодца и даже довести до дома. Молодец просыпается, покрытый «гункой кабацкой», ограбленный. Ему становится совестно возвращаться к родителям и друзьям, и он в лаптях направляется в «чюжу страну, далну, незнаему», где нет у него знакомых. Там хорошие люди учат молодца уму-разуму, юноша встает на путь исправления, обзаводится друзьями, богатеет и находит себе суженую. Однако «по Божию попущению» и «действию дьяволу» перед «любовными своими гостями и други и названными браты» похвалился. За этот грех к молодцу привязывается Горе-Злочастие, которое не отпускает его от себя до тех пор, пока грешник не уходит в монастырь.

Как и в «Повести о Савве Грудцыне», в «Повести о Горе-Злочастии» соединяются книжные и фольклорные традиции. Родительские наставления, адресованные молодцу, находят параллели в Книге Притчей Соломоновых, в «Измарагде», «Пчеле» и «Виршевом Домострое» [14 с. 22–67]. Общая идея Повести может быть понята на основе широкого привлечения учительной традиции древнерусской литературы. Вместе с тем давно отмечено сходство поэтики «покаянных стихов», созданных по канве притчи о блудном сыне, и Повести о Горе [15 с. 142–148].

Самым сложным, пожалуй, вопросом остается генезис образа Гора-Злочастия. Полагаем, что пред нами персонификация внутрен-

него состояния человека, когда он собственными деяниями и мыслями предопределяет свою судьбу. Горе – и демоническая сила, и сам человек, эту силу вызвавший. В свое время Л.И. Алехина высказала мысль о близости образа Горя именно демоническому началу: «Принципиальные различия мировоззрения автора Повести и народных песен очевидны. Можно предположить, что как в языческих идолах и кумирах христиане видели жилище бесов, так и в народном образе Горя автор Повести рассмотрел одно из воплощений ангелов тьмы» [16 с. 321]. В то же время, на что также обращает внимание исследовательница, в русской народной традиции Горе привязывается к людям без всякого повода, словно оно предназначено им от рождения [16 с. 314]. Игнорируя средневековое учение о «самовластии», народ дает свое фаталистическое объяснение тем несчастьям, которые обрушиваются на человека.

Нельзя исключать соединения в одном образе всех этих представлений. В контексте литературной традиции XVII в. такое взаимопроникновение книжного и народного было вполне возможно. Во всяком случае, текст «Повести о Горе-Злочастии» дает для этого все основания. «Часть» в древнерусском языке означает и 'долю', и 'судьбу', и 'наследство', и 'призвание', 'назначение' [17 с. 1476–1479]. Одним из важнейших свойств Горя оказывается его неизбывность в сочетании с упреками беспокойной совести. Итак, перед молодцем предстала его злая доля, злая участь, о чем сам герой толкует в «напевочке»:

Беспечална мати меня породила,
 гребешкомъ кудерцы розчесывала,
 драгими порты меня одеяла
 и отшед под ручку посмотрела,
 хорошо ли мое чадо въ драгих портахъ? –
 А въ драгихъ портахъ чаду и цены нетъ.
 Какъ бы до веку она такъ пророчила!
 Ино я самъ знаю и ведаю,
 что не класти скарлату без мастера,
 не утешыти детяти без матери,
 не бывать бражнику богату,
 не бывать костарю въ славе доброй.
 Завечен я у своих родителей,
 что мне быти белешенку,
 а что родился головенкою [11 с. 41].

Однобокая интерпретация образа Горя как исключительно бесовской силы противоречит сюжету повести. Именно Горе пре-

дотвращает самоубийство героя, именно оно выступает носителем самосознания, памяти о всех неблагоприятных поступках:

Спамятуй, молодець, житие свое первое,
и какъ тебе отец говорил,
и какъ тебе мати наказывала!
О чемъ тогда ты их не послушалъ,
не захотель ты имъ покоритися,
постыдился имъ поклонитися,
а хотель ты жить, какъ тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушаетъ,
того выучю я, Горе злочастное... [11 с. 40].

Наконец, именно Горе «доводит» молодца «во иноческий чин», оставшись у ворот монастыря, словно туда ему вход заказан. Тому, кто умер для мира, распрощался со своим земным прошлым, роковая сила уже не грозит. Отметим, что в средневековой традиции монашество не уводит человека от бесов. Напротив, борьба, искушения, опасность духовной гибели не менее реальны в монашеской жизни, чем в миру. Противостояние бесов и аскетов – общее место всей агиографической традиции. Об этом свидетельствует в том числе и патерикография. В Повести же Горе властвует и распоряжается молодцем ровно столько, сколько сам молодец пребывает среди людей в обычной повседневной жизни. Это и понятно. Судьба или злая доля могут быть исчерпаны в момент смерти. Но ведь и монашеский постриг становится смертью при жизни. Подталкивая молодца к разбою и убийству, Горе делает неизбежным уход подопечного в монастырь и словно выполняет свое обещание: остается у ворот монастыря, то есть на символической могиле молодца, который теперь свободен от преследований и прещений. Он может забыть о своем горе. На этом драматическая история навязчивого присутствия темной сущности (второго Я) завершается:

Молодець пошель пешь дорогою,
а Горе под руку под правую,
научаеть молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили
или с камнемъ въ воду посадили.
Спамятуеть молодець спасенный путь,
и оттоле молодець в монастырь пошел постригатися,
а Горе у святых воровъ остается,
к молотцу впредь не привяжетца.

А сему житию конец мы ведаемъ.
Избави, Господи, вечныя муки,
а дай намъ, Господи, светлы рай.
Во веки вековъ. Аминь [11 с. 42–43].

Все сказанное не перечеркивает ценных наблюдений, относящихся к демонологической составляющей образа «нечистого» Горя. Она, несомненно, в Повести есть. Ведь литературный обычай Древней Руси, с которым связаны многие произведения XVII в., давал о себе знать повсеместно. Конечно, явление Горя в образе архангела Гавриила заставляет вспомнить о поучениях отцов Церкви и патериках [16 с. 316]. В Киево-Печерском и Скитском патериках ангелы тьмы являются в образе ангелов света.

Старое и новое, отжившее и нарождающееся, освященное традицией и эту традицию самовольно ниспровергающее – вот начала, которые сталкиваются в рассмотренных нами произведениях XVII в., организуя основной конфликт, в основе которого лежит довольно архаичный для мировой художественной культуры мотив нарушенного запрета [18 с. 284–320]. Впрочем, было бы неправомерно игнорировать другие тексты, основанные на сходной системе координат. Плутувская новелла о дворянине Фроле Скобееве строится, казалось бы, по тождественному принципу. Но сравнивая три повести, нельзя не заметить принципиального различия⁶. Если Савва Грудцын и молодец из Повести о Горе переживают личную драму (отвержение родительских наставлений не проходит для этих персонажей без тяжелых последствий), то Фрол, являясь хозяином своей судьбы, не оглядывается на прошлое вовсе. В этой жизни он может рассчитывать только на самого себя. Он ловко манипулирует родительскими чувствами стольника Нардина-Нащокина, добивается примирения с ним, согласия на брак с похищенной Аннушкой, получает в придачу высокое положение и богатство. История блудного сына никак не подходит в качестве прототипа этого сюжета, который в значительной степени принадлежит обмирщенной плутовской традиции, получившей широкое распространение в европейском романе. Фролу Скобееву неведомы ни стыд, ни грех. Автор своей позиции не заявляет. Единственная форма его присутствия, пожалуй, заключается в объективном описании приключений героя, эффекте непреднамеренности [19 с. 61]. Однако эта беспристрастность не исключает определенного любования ловкостью плута.

---

⁶ Основанием для сравнения служат сходство героев по возрасту (молодые люди), конфликт поколений (старое и новое), резкие изменения в судьбе героев, ставшие предметом изображения в повестях.

Савва и молодец, напротив, детерминированы внешними силами. Герои не в состоянии достойно распорядиться свободой и вынуждены искать спасения, скрываясь за стенами монастыря. Впрочем, с точки зрения традиционного сознания, этот выход вполне годится для раскаявшегося грешника, потерпевшего житейскую катастрофу. И в «Повести о Савве Грудцыне», и в «Повести о Горе-Злочастии» еще торжествует средневековая метафизика, предполагающая и странствия, и духовное падение, и путь к Отцу Небесному.

Вместе с тем нельзя не заметить принципиальных расхождений между двумя сюжетами о купеческих детях. «Повесть о Савве Грудцыне» основана на иллюзии документальности, подлинности разворачивающихся событий. Отсюда стремление привязать текст к конкретной исторической эпохе, известным событиям и местам. Отец Саввы переселяется из Устюга в Казань в правление Лжедмитрия I (1605–1606 гг.), а само действие разворачивается во время русско-польской войны. Действующими лицами в произведении становятся царь Михаил Федорович и воевода Шеин. Чудо об освобождении Саввы от договора с дьяволом происходит в Москве. Это лишь малая часть исторических реалий, которые мы находим в памятнике.

Иначе построена «Повесть о Горе-Злочастии». История молодца – предельно обобщенное повествование, отвечающее во многом вневременному характеру притчи. В «Повести...» на примере горемычного юноши речь идет о человеке вообще. Герой выступает представителем человеческого рода как такового. Только по отдельным оговоркам можно догадаться, что молодец принадлежит к купеческому сословию (в тексте упомянуто «платье гостиное», а сам молодец садится за стол среди «детей гостиных»).

В «Повести о Савве Грудцыне» сюжет раскрывается через многочисленные социальные взаимодействия героев. Каждый этап его так или иначе мотивирован тем, что Савва вынужден считаться с реальным биографическим контекстом своего бытия: отсюда такое количество сюжетных линий, связанных с родителями героя, «гостинником», у которого живет Савва в Орле, Баженом Вторым, московскими знакомыми молодого человека. Привязанность Саввы к прошлому, обусловленность его поступков жесткими причинно-следственными связями дают о себе знать на каждом этапе повествования. Даже, казалось бы, такой алогичный ход, как странствия по русским городам в компании с бесом, оправдан психологически. Савва легко забывает о своей привязанности, ради которой он заключил роковой договор с дьяволом (жена Бажена Второго), поскольку его естество уже подчинено темной силе, он перестает быть хозяином своего слова, своих желаний, становясь игрушкой в руках мнимого брата. А бес уводит молодого человека подальше от Орла, потому

что слухи о распутном поведении Саввы доходят до его матери, и та пишет сыну письмо с требованием оставить Орел и вернуться в Казань. Затем вернувшийся из Персии отец, Фома Грудцын, отправляется на поиски сына. Но след юноши уже простыл. Никто не знает, куда он делся, – в том числе Бажен Второй и его супруга, сыгравшая роковую роль в судьбе Саввы.

Молодец в «Повести о Горе-Злочастии» действует в намеренно условном пространстве, которое создано для того, чтобы выявить наиболее важные стороны человеческой природы. Отсюда не исторический, а символично-метафорический характер сюжета, изображаемых обстоятельств, да и всей системы образов. Это не препятствует, разумеется, реконструкции художественных представлений и мироощущения автора Повести [20 с. 701–710].

Важна и природа волшебных помощников, которые сопровождают молодых искателей приключений. В случае с мнимым другом Саввы мы видим типичного представителя демонического мира религиозных легенд. То, что названный брат охотится за душой Саввы, понятно с самой завязки. Каждый дальнейший этап сюжета только раскрывает все ярче и жестче эту бесовскую составляющую странствий молодого купца по русским городам. Многие мотивы говорят сами за себя. Это и договор, и появление Саввы у престола Сатаны, поклонение мнимому окруженному крылатыми слугами царю на троне. Наконец, это и та невероятная скорость, с которой Савва переносится из одного места в другое (например, из Соли Камской до Козмодемьянска герои добираются, минуя расстояние «тысяча и более поприщ», за одну ночь). В Повести есть и мотив неисчислимых богатств, которыми располагает отец беса. Мнимый брат велит Савве не заботиться о деньгах, которые теперь не нужны, поскольку всем необходимым юношу снабдит царь, то есть сам Сатана. У «названного брата» нет жилища: он обитает там, где хочет. Во время болезни Савве предъявлена звериная природа мнимого брата и его спутников, которые готовы забрать грешника с собой в ад: «И ста (мнимый брат. – А. К.) созади всехъ бесовъ и зубы на нем скрежеташе, показуя ему богоотметное писмо, еже даде Савва у Соли Камской...» [11 с. 55]⁷.

Иначе обстоит дело в «Повести о Горе-Злочастии». Развязка произведения остается интригой почти до самого финала, хотя в Повести есть и явные признаки телеологического сюжета: ука-

---

⁷ О специфике демонологических образов Повести и ее сходстве с «Чудом о Соломонии бесноватой» в связи с изменившимся пониманием природы добра и зла в XVII в. см. [21].

зание на переход героя в «иноческий чин» и пространное вступление о греховности Адама и Евы, вменяемой их потомству. Но молодец трижды получает советы. Сначала родителей, потом на честном пиру от добрых людей, а последний раз от перевозчиков. Каждый раз появляется надежда на нравственное возрождение героя. И после каждой попытки исправиться ситуация молодца становится только безнадежнее. Третье наставление невозможно выполнить, потому что власть Горя-Злочастия приобретает уже тотальный и непреодолимый характер. Да и многомерность этого образа не позволяет читателю сделать слишком ясные выводы. У Горя-Злочастия, этого фантома и оборотня, мы наблюдаем более глубокие и тонкие свойства, чем у демона средневековой легенды. Обычное хвастовство на пиру вызывает на сцену силу куда более грозную, чем вороватые слуги блудного сына или «мил надежен друг», «названный брат», прельстивший купеческого сына и разоривший его. В жизни главного героя появляется неотступный судья и жестокий палач, фантастическое воплощение темных качеств самого молодца и одновременно человекоподобная персонификация судьбы как рока, преследующего грешника до гробовой доски. Образ Горя находится на границе, отделяющей книжную традицию и фольклор, а масштабы обобщений, заключенные в нем, превосходят все то, что русская беллетристика допетровской поры могла сказать о человеке, его предназначении и его месте в мире. Философская глубина и амбивалентность образа Горя-Злочастия делают его одним из вершинных достижений русской художественной культуры.

Литература

1. *Симеон Полоцкий*. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 281 с.
2. *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 407 с.
3. *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 188 с.
4. *Гребенюк В.П.* «Рифмологион» Симеона Полоцкого (История создания, структура, идеи) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Гл. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1982. С. 259–308.
5. *Сазонова Л.И.* К истории создания «Рифмологиона» Симеона Полоцкого // Славяноведение. 2011. № 12. С. 19–35.
6. *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvĕtnyj / A. Hippisley, L. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2000. Vol. 3. 764 S.

7. Демкова Н.С. Евангельская притча о блудном сыне и ее русские интерпретации XVII в. // Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретация, источники. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 220 с.
8. Демин А.С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М.: Наука, 1977. 296 с.
9. Итигина Л.А. Политическая драматургия в русской литературе XVII – первой половины XVIII века (Иносказание в драме). Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 214 с. Рукопись.
10. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.
11. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 15. 530 с.
12. Журавель О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 234 с.
13. Алехина Л.И. Текстологические заметки к Повести о Горе-Злочастии // Русская литература. 1991. № 1. С. 142–144.
14. Охтеня С.А. Идеино-художественное своеобразие «Повести о Горе-Злочастии» в ее отношении к книжной и фольклорной традициям Древней Руси. Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2002. Рукопись. 172 с.
15. Мальшев В.И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (Стихи «покаянны» о пьянстве) // Труды отдела древнерусской литературы М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. Т. 5. С. 142–148.
16. Алехина Л.И. Образ Гора-Злочастия (К вопросу о мировоззрении автора «Повести о Горе-Злочастии») // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 1994. Сб. 7. Ч. 2. С. 313–322.
17. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 2. Репринт. 1982 стлб.
18. Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 284–320.
19. Душечкина Е.В. Стилистика русской бытовой повести XVII века (Повесть о Фроле Скобееве). Таллин: Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде, 1986. 95 с.
20. Демин А.С. Обманчивость «жития» как художественная идея «Повести о Горе-Злочастии» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Знак, 2008. Сб. 13. С. 701–710.
21. Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М.: РГГУ, 2006. 437 с.

References

---

1. Simeon of Polotsk. Selected works. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ.; 1953. 281 p. (In Russ.)
2. Robinson AN. The struggle of ideas in Russian literature of the 17th century. Moscow: Nauka, Publ.; 1974. 407 p. (In Russ.)
3. Adrianova-Peretz VP. Essays on the poetic style of Ancient Russia. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ.; 1947. 188 p. (In Russ.)
4. Grebenyuk VP. "Ritmologion" by Simeon of Polotsk (the History of creation, structure, ideas). V: Robinson AN., comp. Simeon Polotskiy and his book publishing activity. Moscow: Nauka Publ.; 1982. p. 259-308. (In Russ.)
5. Sazonova LI. On the history of the creation of "Ritmologion" by Simeon of Polotsk. *Slavyanovedenie*. 2011;12:19-35. (In Russ.)
6. Simeon of Polotsk. *Vertograd mnogocvĕtnyj*. Vol. 3. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag Publ.; 2000. 764 S.
7. Demkova NS. The gospel parable of the Prodigal Son and its Russian interpretation of XVII. V: Demkova NS. Medieval Russian literature. Poetics, interpretation, sources. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ.; 1997. 220 p. (In Russ.)
8. Demin AS. Russian literature of the second half of 17th – beginning of 18th century. New ideas of the world, nature, man. Moscow: Nauka Publ.; 1977. 296 p. (In Russ.)
9. Itigina LA. the Political drama in Russian literature of 17th – first half 18th century. (Allegory in drama). [Dis. ... kand. filol. nauk. Rukopis'. Leningrad, 1984. 214 p.] (In Russ.)
10. Romodanovskaya EK. Russian literature at the threshold of a New Times. The ways of formation of Russian fiction of the transitional period. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1994. 232 p. (In Russ.)
11. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 15. Sankt-Peterburg: Nauka Publ.; 2006. 530 p. (In Russ.)
12. Zhuravel OD. The plot of the contract of man with the devil in ancient Russian literature. Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ.; 1996. 234 p. (In Russ.)
13. Alekhina LI. Textological Notes on the Tale of Grief-Wicked Fate. *Russkaya literatura*. 1991;1:142-44. (In Russ.)
14. Ohten SA. The ideological and artistic originality of the "Povest' o Gore Zlochastii" (the Tale of Grief-Wicked Fate) in its relation to the book and folk traditions of Ancient Russia. [Dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2002. Rukopis'. 172 p.]
15. Malyshev VI. Poetry parallel to the "Povest' o Gore Zlochastii" (the Tale of Grief-Wicked Fate) (Repentance verses on drunkenness). V: Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ.; 1947. Vol. 5. p. 142-48. (In Russ.)
16. Alekhina LI. The Image of the Gore Zlochastie (Grief-Wicked Fate) To the ques-

- tion of the worldview of the author of “Povest’ o Gore Zlochastii” [the Tale of Grief-Wicked Fate]). V: Hermenevtics of Old Russian Literature. Moscow: IMLI RAN, 1994. Col. 7. Ch. 2. p. 313-22. (In Russ.)
17. Sreznevsky II. Dictionary of the Old Russian language. Moscow: Kniga Publ.; 1989. Vol. 3, ch. 2. Reprint. 1982 clm. (In Russ.)
  18. Smirnov I.P. From a fairy tale to a novel. V: Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Leningrad: Nauka Publ.; 1972. Vol. 27. p. 284-320. (In Russ.)
  19. Dushechkina EV. The stylistics of Russian everyday life story of the 17th century. (The Tale of Frol Skobeyev.) Tallin: Tallinskii pedagogicheskii institut im. E. Vil'de Publ.; 1986. 95 p. (In Russ.)
  20. Demin AS. The delusiveness of the “life legend” as an artistic idea of the “ Povest’ o Gore Zlochastii” (the Tale of Grief-Wicked Fate). Hermenevtics of Old Russian Literature. Moscow: Znak Publ.; 2008. Col. 13. p. 701-10. (In Russ.)
  21. Yurganov AL. Kill the devil. The path from the Middle Ages to the New Times. Moscow: RGGU Publ.; 2006. 437 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей В. Каравашкин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; karavash2008@yandex.ru

Information about the author

Andrei V. Karavashkin, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; karavash2008@yandex.ru

УДК 821(470)-21

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-183-191

Москвич и море:
ощущение водной стихии в панегирической пьесе
«Слава российская» (1724 г.)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация: Автор анализирует случаи функционирования политических терминов как «повседневных» слов. Материал исследования – панегирическая русская драма эпохи Петра I. В статье показано, что автор использовал мотив водной стихии не только для прославления Петра I, но и по причине его личного восхищения морем, свойственного новым людям того времени.

Ключевые слова: «Слава российская», панегирическая драма, море, водная стихия, эпоха Петра I

Для цитирования: Одесский М.П. Москвич и море: ощущение водной стихии в панегирической пьесе «Слава российская» (1724 г.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 183–191. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-183-191

A muscovite and the sea:
the water element in the panegyric drama
“The Russian Glory” (1724)

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
modessky@mail.ru*

Abstract: The author analyzes cases of political terms functioning as “everyday” words. He takes data for his study from panegyric Russian drama in Peter the Great’s epoch. It is shown in this article that the author of «The Russian Glory» used the literary motif of the water not only for the glorification of Peter I but also for his personal admiration of the sea that was typical for Peter the Great’s epoch.

Keywords: “The Russian Glory”, panegyric drama, sea, water element, Peter the Great’s epoch

For citation: Odesskii MP. A muscovite and the sea: the water element in the panegyric drama «The Russian Glory» (1724). *RSUH/RGGU Bulletin. Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”*. 2018;6:183-91. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-183-191

Мне уже приходилось указывать в предыдущей статье на замечательные случаи, когда литературные источники, ориентированные на выполнение официальных пропагандистских задач, одновременно содержат материал, который позволяет реконструировать и фрагменты «повседневности» [1 с. 28]. К такого рода источникам принадлежат панегирические пьесы эпохи Петра I: в предыдущей статье анализировалась пьеса «Божие уничижение гордых уничижение» (1710 г.), в настоящей – «Слава российская» (1724 г.).

В первое десятилетие XVIII в. панегирические пьесы (прославлявшие победы в Северной войне) изготовлялись усилиями преподавателей Славяно-греко-латинской академии (см. общую характеристику: [2]). Практика прервалась после пьесы «Божие уничижение гордых уничижение», посвященной полтавской виктории, но в мае 1724 г. увидела сцену новая панегирическая пьеса – «Слава российская».

Поводом для постановки стали торжества, ознаменовавшие увенчание в Успенском соборе императорской короной супруги Петра – Екатерины Алексеевны. В них приняла участие и Славяно-греко-латинская академия, но не пьесой, а конклюдией – гравюрой с панегирическими пояснениями. На академической конклюдии изображен император – в доспехах и венце, фланкируемый Нептуном и Геркулесом; слева – две короны, его и Екатерины; сама Екатерина шествует к мужу вместе с аллегориями Славы, Истины, Благочестия и Предусмотрительности; внизу – Россия, в короне и мантии, просит о благословении [3 с. 102]. Надо отметить, что позднее, – когда при наследниках Петра двор вернулся из Петербурга в древнюю столицу, – постановки драматических панегириков в Славяно-греко-латинской академии возобновились («Образ победоносия», 1728 г.), однако в 1724 г. «Славу российскую» показали в любительском театре, организованном при другом московском учебном заведении, на первый взгляд неожиданном: Госпитале, руководимом голландцем Николаем Бидлоо. Основанный в 1706 г., Госпиталь Бидлоо имел как медицинское, так и педагогическое назначение. Среди учеников в нем оказались бывшие студенты Славяно-греко-латинской акаде-

мии, которые владели необходимой во врачебном искусстве латынью, а вдобавок – навыками школьного театра. Статус представления «Славы российской» был настолько высоким, что его почтили присутствием государь и государыня.

Автором «Славы российской» выступил студент-украинец Федор Журовский, как раз взятый из Академии, позднее в Академию вернувшийся и даже одно время исполнявший обязанности ректора (на его ректорство пришлось обучение М.В. Ломоносова). В отличие от академических панегириков, пьеса «Слава российская» в свое время в печать не попала и была впервые издана в 1892 г. М.И. Соколовым – по единственной рукописи первой половины XVIII в. [4]

Цель настоящей статьи – исследовать запечатленное в панегирической пьесе Журовского ощущение моря, ранее русским людям не свойственное.

* * *

Журовский в «Славе российской» реализует те же поэтологические принципы, что и его предшественники, авторы панегириков Славяно-греко-латинской академии. Пьеса – стихотворная (силлабика), но предваряет ее прозаический пролог, где «слышателем» заранее и с максимальной ясностью сообщаются основные идеи. Главное здесь – бескомпромиссное противопоставление допетровского «прежде» и петровского «ныне»: «Прежде бо аще и много обид и досаждений бедная Россия от прочих наций принимала, но се ныне в коликую произыде славу, коликия чести достиже...» [5 с. 257]. «Славная» трансформация России объясняется необыкновенными деяниями монарха, которого Журовский чествует титулами и прозваниями, данными после окончания Северной войны: «Сея радости не ин кто есть виновен. Точию вседержавнейший наш император, отец отечества всероссийскаго, Петр Первый именем, Петр Великий делом и мужеством» [5 с. 258]. От похвал героическому императору драматург переходит к похвалам его супруге. Согласно прологу (и логике петровских пропагандистов), «триумфальный праздник ея величества коронования» [5 с. 259] оказывается следствием не того, что Екатерина Алексеевна – жена императора, а того, что она – герой [5 с. 258].

«Слава российская» композиционно членится на два акта (действия). Простота композиции обусловлена ясным пропагандистским посланием, озвученным в прологе: в первом акте восхваляются победы Петра, обеспечившие славу России, во втором – коронация Добродетели Российской, т. е. аллегорической фигуры, «замещающей» Екатерину.

Практически во всех петровских панегирических пьесах используется единая сюжетная схема, которая восходит к жанру моралите:

Сюжет моралите – основа всякой школьной пьесы, исходная точка всех сюжетов школьной драматургии. <...> В сжатой, конденсированной форме он представляет жизнь человека вообще. Поэтому главный герой моралите – это не конкретный персонаж, обремененный разработанной характеристикой, а Человек, Натура людская, Каждый, Путник. Сам Человек пассивен. Он ничего бы не совершил, если бы в борьбу за него не вступили силы добра и зла, бог и дьявол и их помощники, ангелы, добродетели, пороки, Мир, Плоть, олицетворяемые аллегорическими фигурами [6 с. 137].

В «Славе российской» главный герой – аллегорическая фигура России. Она является в первом акте – как «прежняя», допетровская, униженная: над ней горделиво глумятся силы зла – персонафикации соседних «наций»-государств [5 с. 275]: Турция, Персия, Польша и Швеция. На помощь России приходят силы добра: Нептун, олицетворяющий флот, Паллада-«искусства и науки», Марс-армия [5 с. 258]. Тогда наступает перелом: все «нации», признав превосходство некогда униженной России, заключают с ней мир, лишь Турция по-прежнему остается враждебной и злонамеренной (эту дипломатическую задачу правительству Петра не удалось решить). Аллегорическая Слава суммирует достижения: «Твою славу везде аз пронесох пространно, / Всем о тебе явственню, и всем есть сказанно» [5 с. 273]. В финальном 6-м явлении, знаменующем величие «нынешней» России, ее персонафикация вкушает покой после впечатляющих побед. Второй акт презентует «коронование Добродетели Российской по возможности нашей под видом измышленных персон» [5 с. 282]. Второй акт разворачивается вне какого-либо сюжетного напряжения – в той же триумфальной атмосфере, что и финал первого акта. Аллегорические фигуры, которые действовали ранее, а также новые («Виктория российская на львах» и другие) славят Добродетель Российскую; Россия коронует ее; в ответ Добродетель благодарит Россию, Марса, Палладу и Викторию. Последние слова Добродетели фиксируют ситуацию тишины и победоносного спокойствия: «Себе убо более ныне не трудите, / Но всяк в своя кварталы честне отидите» [5 с. 283].

* * *

Ранее в академических панегириках роль сил добра привычно играли религиозные персонажи: например, новозаветный апостол Петр («Торжество мира православного») или ветхозаветный царь

Давид («Божие уничижителей гордых уничижение»). Напротив, в «Славе российской» такого рода персонажи отсутствуют, а их функцию выполняют античные боги. Что и отмечали исследователи, констатируя светский характер и четкость выражения общественно-политической позиции [5 с. 32], отличительные для пьес Госпитального театра.

В ряду благотворных античных богов фигурирует Нептун, морской владыка и покровитель мореплавателей, который играет в «Славе российской» видную сюжетную роль и притом произносит весьма колоритные реплики. Вот Нептун – опережая Палладу и Марса – спешит на помощь сетующей России:

На водах тебе храбро буду помогати, / Пропasti вси безбедно
начнешь преплывати, / Убоятся тя врази, не сотворят драки, / Егда
мои распушу на галерах флаки, / Дивно егда Российскийи явятся три-
тоны, / Позвонят, як на сусе (суше. – *М. О.*), пушечныя тоны [5 с. 262].

И далее – вторая пространная реплика:

На мори ти помощи подам щедрю руку, / Воспримут врази твои
претяжкую муку. / Се от мене Конха (раковина. – *М. О.*) любезно вру-
чится, / Чудна твоего флота всяки устрашится. / Устройай токмо твои
по водам днешь судна, / Увидиши, что будут дела твои чудна. / Со-
плетай главе твоей и лявры пернаты, / Пушай по водам смело буеры
крылаты, / Шлюпки так же и шнявы, быстрыя галеры, / Да гуляют в
мушкетах славны офицеры [5 с. 264].

Показательно, что речи Нептуна причудливо украшены, с одной стороны, аллегорическими атрибутами античного бога (тритоны, раковина), с другой – новейшими техническими варваризмами (флот, галеры, флаки-флаги, буера, шлюпки, шнявы, мушкеты, офицеры).

Аллегорическая Россия в итоге осознает ценность предложенной помощи и вторит Нептуну: «Уже ныне престанут врази досаждати, / Егда моря безбедно начну преплывати» [5 с. 265].

Разумеется, особое преклонение перед Нептуном никак нельзя считать отличительной чертой «Славы российской»: достаточно вспомнить, что морской бог изображен на академической конклюдии 1724 г. Однако Журовский водную тему, заданную образом Нептуна, целенаправленно развивает и дополнительными художественными средствами.

Журовский изящно обыгрывает в тексте пьесы латинские цитаты из поэмы Вергилия «Энеида» (в меньшей степени – из Овидия).

Например, в I акте Россия произносит монолог, иллюстрирующий давнюю враждебность иностранных держав к России, и монолог открывается латинскими стихами:

Si prima repetens ab origine pergam / Et vacet annalis nostrorum
audire laborum. / Сотвори ответствие моему днесь слову, / Ревность
имех издревле за веру христову, / Нецы же яко псы ону поругаша, /
Вся святая ни во что они быть вменяша, / Гордостью презелной зело
упоены, / На Россию восстают, коль суть дерзновенны [5 с. 260].

Эти латинские стихи (ошибки в цитировании не оговариваются) заимствованы из I книги «Энеиды»: «Если с первых причин начать рассказ мой, богиня, / летопись наших трудов не успеешь выслушать за день» [7 с. 130; слова «богиня» в латинском оригинале нет]. Стихи Вергилия логично согласуются с русским текстом и не подвергаются сознательным изменениям.

Однако в других случаях цитаты из Энеиды переделываются, создавая эффект панегирической актуализации. Так, Нептун вторую свою реплику, которая уже приводилась, завершает очередными стихами Вергилия: «<...> Да гуляют в мушкетах славны офицеры. / Manent immota tuorum fata tibi, / Cernes urbem et emissa *Rossiae* / Moenia, sublimemque feres ad / Sidera caeli» [5 с. 264]. В I книге «Энеиды» это: «...незыблемы судьбы троянцев. / Обетованные – верь – ты узришь *Лавиния* стены, / И до небесных светил высоко возвеличишь...» [7 с. 127]. У Вергилия троянцам, пока испытывающим злоключения, в будущем обещан город Лавиний (который суждено воздвигнуть Энею), а в «Славе российской» в том же контексте обетования – Россия.

Аналогично венчается латинскими стихами реплика Славы в I акте: «Nam sunt *Rossorum* ex ordine pugnae / Bellaque iam fama totum vulgate per orbem» [5 с. 273]. В «Энеиде» (I книга): «Тут одну за другой *илионские* битвы он видит, / Слух о которых молва разнесла по целому свету» [7 с. 132]. У Вергилия речь идет о битвах под стенами Илиона-Трои, в «Славе российской» – о битвах россов. В триумфальном финале первого акта Паллада славит Россию, так же монтируя русские стихи с латинскими и так же их корректируя: «Благодарю, что от вас еще не забвенна, / Любезными словесы зело услаждена. / Триумфуй убо с нами весело, Россие, / Яко возсияша нам светоносны дние. / O lux *Rossorum*, spes o! *fidissima Moscovae*» [5 с. 276]. В «Энеиде» (II песнь): «Светоч Дардании! Ты, о надежда вернейшая тевкров!» [7 с. 148]. У Вергилия – «Дардания» (именование троянской земли) и «тевкры» (именование троянцев), у Жуковского – россы и Московия.

Макароническая игра Журовского со стихами «Энеиды» просто объясняется на педагогическом уровне и не должна удивлять. Так, Феофан Прокопович в курсе «Поэтики», прочитанном в Киево-Могилянской Академии, рекомендовал апеллировать к этой поэме: «Виргилий же в Энее представил мужественного и благочестивого государя», который «должен знать толк в двояком искусстве – и в войне, и в мире» [см. латинский текст «Поэтики» и русский перевод: 8 с. 291, 407].

Вместе с тем в панегирическом контексте «Славы российской» актуализируется то неперемное обстоятельство, что троянец Эней – провозвестник римского имперского могущества, и стихи из «Энеиды», приуроченные к прославлению России, вписывают петровское государство в древнеримскую имперскую парадигму. Но ведь столь же очевидно, что Эней – великий мореплаватель. По словам В.Н. Топорова, «и, наконец, мало кто теснее связан со Средиземным морем, чем Эней: и не с морем вообще, но конкретно с морской стихией, с ее волнами и ее тревоблениями» [9 с. 7]. Так что латинские цитаты из Вергилия успешно поддерживают тему водной стихии, наглядно явленную фигурой Нептуна.

Наконец, в пьесе «Слава российская» неожиданно «водным» представлен Петербург. Само упоминание в драматическом панегирике новой столицы – символа петровской России – предсказуемо, но у Журовского образ Петербурга вызывает специфические ассоциации: до Петра «войска так регулярна не было и флота, / Славнейша Петербурга, не было Кроншлота...» [5 с. 268]. Хотя море здесь не упомянуто, но крепость Кроншлот, прикрывающая Петербург, расположена на маленьком острове, посреди моря, а в госпитальной пьесе «Слава печальная» (1725 г.; предположительно атрибутируется Журовскому) формула уточнена: Петр «Петербург преславны град близ моря построил, / славнейший Кронштат тамо свой и флот устроил» [5 с. 288].

Подобная интерпретация образа Петербурга вполне согласовывалась с общим направлением петровской пропаганды. Когда в 1724 г. Петр доставил в столицу раку с мощами св. Александра Невского, некогда разбившего шведов на этом историческом месте, он совершал торжественную церемонию – в сопровождении флота. Т.е. славное прошлое наглядно синтезировалось с новой славой – морским могуществом России. У Журовского Петербург – не основная тема, но лишь один из поводов прославить деяния императора, в ряду которых настойчиво акцентируется одоление моря.

Итак, в пьесе «Слава российская» водная стихия функционирует как оригинальный панегирический топос. Но, похоже, Федор Журовский – который жил в континентальной Москве, которого ни

духовное образование, ни учеба в Госпитале никак к морю не обращали, – параллельно передает «повседневное» ощущение человека своего времени, замороженного морскими имперскими видениями.

Литература

1. *Одесский М.П.* Зависть и гордость как политические термины в русской литературе Петра I // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 27–34.
2. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004. 397 с.
3. *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
4. *Соколов М.И.* Слава Российская: Комедия 1724 г., представленная в Московском Госпитале по случаю коронации Императрицы Екатерины Первой. М.: Университетская типография, 1892. XXVI, 30 с. (ЧОИДР/Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 2.)
5. Пьесы школьных театров Москвы / Ред. А.С. Демин. М.: Наука, 1974. 584 с.
6. *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII вв.: Польша, Украина, Россия. М.: Наука, 1981. 264 с.
7. *Вергилий.* Энеида / Пер. С.А. Ошерова // Вергилий. Собрание сочинений. СПб.: Студия Биографика, 1994. С. 119–368.
8. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.
9. *Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы: К «средиземноморской» персонологии. Ч. 1. М.: Радикс, 1993. 208 с.

References

1. Odesskii MP. Envy and Pride as political terms in Russian literature in Peter the Great's epoch // *RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies.* 2018;6:27-34. (In Russ.)
2. Odesskii MP. Poetics of the Russian drama; the last third of the 17th - the first third of the 18th century. Moscow: RGGU Publ.; 2004. 397 p. (In Russ.)
3. Wortman RS. Scenarios of power; Myth and ceremony in Russian monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the death of Nicholas I. M.: OGI Publ.; 2002. 608 p. (In Russ.)
4. Sokolov MI. The Russian Glory. The comedy of 1724, presented at the Moscow Gospital on the occasion of the coronation of Empress Catherine the First. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ.; 1892. XXVI, 30 p. (CHOIDR / Conference in the Society of Russian History and Antiquities. Book 2.) (In Russ.)

5. Demin AS., ed. The Schooldramas of Moscow Theatres. Moscow: Nauka Publ.; 1974. 584 p. (In Russ.)
6. Sofronova LA. Poetics of Slavic Theatre in 17th - 18th centuries; Poland, Ukraine, Russia. Moscow: Nauka Publ.; 1981. (In Russ.)
7. Vergilius. Aeneid. V: Vergilius. Works. Sankt-Peterburg: Studia Biografika Publ.; 1994. p. 119-368. (In Russ.)
8. Feofan Prokopovich. Works. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ.: 1961. 502 p. (In Russ.)
9. Toporov VN. Aeneas – man of Destiny. Moscow: Radiks Publ.; 1993. 208 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6, РГГУ, modessky@mail.ru.

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; modessky@mail.ru/

УДК 355.231

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-192-214

Повседневность кадетских корпусов
конца XVIII – начала XIX в.:
учение и учителя глазами воспитанников

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurukin@mail.ru*

Аннотация: В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть вопрос о том, как соотносился провозглашенный советником Екатерины II И.И. Бецким гуманный подход к воспитанию нового поколения в закрытых сословных учебных заведениях с практикой образовательного процесса и дисциплинарного воздействия на учащихся в четырех дворянских кадетских корпусах Российской империи в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. Избранные источники (воспоминания чиновников и военнослужащих) показывают, что намерения, имевшие целью создание «новой породы людей», не могли быть реализованы ввиду трудности комплектования педагогических кадров и сложившейся традиции воспитания. Однако те же источники дают основание утверждать, что суровые условия обучения в кадетских корпусах не препятствовали способным и целеустремленным ученикам получить достаточно широкое образование и сделать достойную карьеру – тем более что большинство авторов отмечает усилия способных воспитателей и преподавателей в становлении личности молодых офицеров.

Ключевые слова: кадетский корпус, И.И. Бецкой, учителя, наказания, учеба

Для цитирования: Курукин И.В. Повседневность кадетских корпусов конца XVIII – начала XIX в.: учение и учителя глазами воспитанников // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 192–214. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-192-214

The daily routine of the cadet corps
of the late 18th – early 19th century:
teaching and teachers through the eyes of pupils

Igor V. Kurukin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kurukin@mail.ru*

Abstract: This report represents an attempt to consider, how the humane approach to educating the new generation in closed class educational institutions (proclaimed by adviser to Catherine II I. Betskoy) correlated with the practice of the educational process and disciplinary impact on students in the four cadet corps of the Russian empire in the last quarter 18th – the first quarter of the 19th century. Selected sources (memories of officials and military personnel) show, that the intentions aimed at creating a “new breed of people” could not be realized due to the difficulty of recruiting teachers and the established tradition of education. However, the same sources give grounds to assert that the harsh conditions of training in cadet corps did not prevent capable and purposeful students from getting a sufficiently broad education and making a decent career, especially since most authors commend the efforts of capable tutors and educators to develop the personality of young officers.

Keywords: cadet corps, I.I. Betskoy, teachers, punishment, study

For citation: Kurukin IV. The daily routine of the cadet corps of the late 18th – early 19th century: teaching and teachers through the eyes of pupils. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”*. 2018;6:192-214. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-192-214

Введение

Одним из важнейших преобразований XVIII столетия стали утверждение светского начала и открытость культурных процессов. За короткое время были сделаны огромные шаги в области просвещения, технических знаний, творческого освоения культурных достижений Европы. Особенностью же была ведущая роль государства – стоит вспомнить слова Пушкина о том, что и в его время «правительство все еще единственный европеец в России...»

Потребность в кадрах для армии, флота и иных видов государственной службы привела к созданию государственных школ. Открытая в 1701 г. в Москве школа «математических и навигацких наук» стала основой Морской академии в Петербурге (1715); появился и ряд других учебных заведений: Госпитальная (1707), Артиллерийская (1712) и Инженерная (1712) школы в Москве,

Инженерная рота (1719) в Петербурге; в 1730 г. была основана Петербургская артиллерийская арифметическая школа. Создававшиеся в условиях реформ и тяжелой войны, эти учебные заведения комплектовались добровольно-принудительно – вместе с представителями «шляхетства» в них обучались дети «разных чинов»¹. Они не имели точного порядка финансирования; преподавание велось по усмотрению самих учителей, не всегда обладавших необходимыми качествами и квалификацией.

В послепетровскую эпоху становление России как великой державы и обеспечение новой армии кадрами остались насущными задачами, однако всесословные и сугубо прикладные военные школы не удовлетворяли «шляхетство», не желавшее начинать службу в солдатах и матросах. В 1732 г. открыла двери «рыцарская академия» – впоследствии Сухопутный шляхетский кадетский корпус (с 1800 г. – Первый кадетский корпус), готовивший не только военных, но и гражданских чиновников. Указ о его основании объявлял: молодых дворян станут обучать не только фортификации и артиллерии, но, поскольку «не каждого человека природа к одному воинскому склонна, таже и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение; того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцованию, музыки и прочих полезных наук» [1 т. 8, № 5811].

Такое направление воспитания благородного сословия оказалось востребовано – в дальнейшем корпус не испытывал проблем с желавшими в нем учиться, и число кадетов со временем увеличивалось. Он стал образцом для созданного в 1752 г. на базе Морской академии Морского шляхетного корпуса, где дворяне-кадеты помимо специальных знаний (навигации, артиллерии, фортификации, «морских эволюций» и такелажного дела) изучали математику и механику, а также историю, географию, риторику и другие «благородные науки» – фехтование, танцы, политику, геральдику; на выбор учили английский, французский или немецкий языки.

В 1758 г. созданные при Петре I Артиллерийская и Инженерная школы в Петербурге были объединены. В 1762 г. новое сословное учебное заведение получило название Артиллерийский и инженерный кадетский корпус (с 1799 г. – Второй кадетский корпус). Обучение в нем длилось пять лет: три года в кадетских классах и два года в офицерских. В программу входили арифметика, геометрия, русский

---

¹ Даже в провинциальных цифирных школах первоначально планировалось обучать не только детей подьячих и духовенства, но и «дворян приказного чина»; указ от 28 февраля 1714 г. не разрешал этим ученикам жениться, если они не закончили обучение и не заплатили за него [1 т. 4, № 2186].

и иностранные языки, рисование, танцы и фехтование. Воспитанники овладевали широким кругом общеобразовательных предметов – математикой, химией, физикой, историей, географией. В старших классах осваивали специальные дисциплины: фортификацию, артиллерию, гражданскую архитектуру, фейерверочное искусство. В полевых лагерях проходили практику по артиллерии и инженерному делу; строевые занятия и обучение верховой езде проходили на корпусном плацу и в манеже. Наконец, в 1759 г. по образцу версальского был учрежден Пажеский корпус из трех классов по 50 человек в каждом и одного высшего (камер-пажеского) класса на 16 человек.

Организация, устройство и учебный процесс в указанных школьных заведениях в большей или меньшей мере освещены в литературе. Однако ответы на вопросы, как можно оценить результаты этих образовательных усилий, насколько полезными и эффективными оказались новые педагогические принципы и как широко они применялись, может дать только комплексное исследование формировавшейся в конце XVIII – начале XIX в. сферы образования, включая финансирование школ, организацию учебного процесса, количество и качество учебных пособий, подготовку преподавателей и методику их работы (что трудно сделать по дошедшей до нас официальной служебной документации), наконец, судеб и карьер учащихся. Мы же в данном сообщении попытаемся выделить лишь один аспект темы – проследить, как по прошествии немалого времени оценивали свое обучение и своих наставников сами выпускники учебных заведений, оставившие воспоминания.

Дворянские «корпуса»

В начале царствования Екатерины II ее советником и вдохновителем в области образования стал Иван Иванович Бецкой (1704–1795), формально – начальник Канцелярии от строений, ведавшей созданием императорских дворцов и парков. Бецкой мыслил воспитание юношества как долгий процесс с применением самых передовых гуманистических методик – без наказаний и принуждения, но с эффективным контролем и опекуномством. Такой подход отвечал представлениям самой императрицы о создании свободной от недостатков общества «новой породы людей» и искоренении «грубости нравов». Для осуществления этого замысла Бецкой предложил учредить систему закрытых сословных учебных заведений, где дети от 6 до 18 лет жили бы и учились вдали от семьи.

В этом же духе был составлен новый устав Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, ставивший целью не только обучить

молодого дворянина наукам, но и «вкоренить добронравие и любовь к трудам; новым воспитанием новое бытие даровать и новый род подданных произвести». Для образования такого порядочного дворянина устав предписывал принимать в корпус детей «не старше как по 6 году» и разделить учащихся на пять возрастов: первый – от пяти-шести до девяти лет, второй – от девяти до двенадцати, третий – от двенадцати до пятнадцати, четвертый – от пятнадцати до восемнадцати, пятый – от восемнадцати до двадцати одного года. В каждом возрасте питомцам надлежало пребывать по три года и «обучаться по склонности и понятию наукам как до воинского, так и гражданского звания принадлежащим». Согласно уставу, основными целями воспитания и обучения кадетов были «сделать человека здоровым и способным сносить воинские труды» и «украсить сердце и разум делами и науками, потребными гражданскому судье и воину» [1 т. 17, № 12741]. Были также утверждены новые штаты Морского кадетского корпуса; создано училище для мальчиков при Академии художеств; открыт Воспитательный дом в Москве для «незаконнорожденных» детей и подкидышей.

При Екатерине II Сухопутный шляхетский кадетский корпус окончили примерно три тысячи человек, прошедших пятнадцатилетний курс обучения; в 1784 г. на 661 кадета приходилось 43 преподавателя. Из примерно трех тысяч воспитанников Морского, а также объединенного Артиллерийского и инженерного шляхетских корпусов полный курс подготовки прошли 2100 кадетов. Из 5100 выпускников большинство (около 4 тысяч) поступили на военную службу.

Не все выпускники, оставившие мемуары, описывали свою учебу и наставников. Сын армейского поручика, военный инженер генерал-майор Илья Алексеевич Глухов (1760–1840), поступивший в Артиллерийский и инженерный корпус в 1771 г., скупом отмечал:

1772-го года обучались мы в классах математических геометрии и алгебре, а по словесным наукам русской граматике и синтаксису, географии, немецкому языку, рисовать и танцевать. 1773-го года продолжали математику, словесныя науки, немецкой язык в верхнем классе и историю, того же года дядя Николай Данилович приехав из армии видел нас, экзаменовал и нашедши, что хорошо учимся, хвалил.

Следующие два года отмечены только «занятиями в классах артиллерии и фортификации и изучением французского языка», после чего Илья Глухов был пожалован в капралы генерал-фельдцейхмейстером князем Г.Г. Орловым, а в 1778 г. выпущен из корпуса инженер-прапорщиком [2 с. 203–204].

Михаил Иванович Пущин (1800–1869), брат лицейского друга Пушкина Ивана Пущина, поступивший в Сухопутный корпус в 1812 г., сообщал только, что хорошо переводил с немецкого, но отставал по математике, однако затем с помощью старшего друга Ростиславского «прошел всю высшую математику, интегралы и дифференциалы» и получил в итоге «высшие баллы по всем предметам». А выпускник Пажеского корпуса 1819 г., подполковник и уездный предводитель дворянства Иван Михайлович Казаков (1807–1883) ограничился указанием: «Ученье шло хорошо, и я был на счету лучших учеников», что неудивительно, поскольку автор почти ежедневно находился во дворце «от 4 часов по полудни до полуночи, для услуг царской фамилии, императору и императрице Елизавете Алексеевне, этим земным ангелам» [3 с. 411–413; 4 с. 523].

О Сухопутном шляхетском (Первом кадетском) корпусе у выпускников остались противоречивые воспоминания. «Старинный кадет», писатель и публицист Сергей Николаевич Глинка (1776–1847) с умилением повествовал о своих детских проделках, описывая годы пребывания в корпусе (1785–1795) и заведенный Бецким порядок:

Бецкой умел выбирать надзирательниц, или, лучше сказать, матерей малолетним питомцам... Воспитание юного современного поколения было владычествующею мыслью Бецкого... Где был Бецкой, там были и отеческая заботливость и привет сердечный. С каким радушием принимал он нас в день своих именин, с какою лаской сам угощал нас и с какою нежною внимательностью расспрашивал нас о предметах нашего учения! [5 с. 48–49].

Автор рассказал о дорогих его сердцу товарищах, о прочитанных книгах, но мало говорил о самой учебе и учителях; запомнились ему инспектор полковник П.П. Фромандье и директор корпуса (1784–1794) граф Ф.Е. Ангальт – «и начальник, и отец, и наставник». Глинка и другие воспитанники в своих воспоминаниях отзывались о нем весьма благожелательно, отдавая должное его любезному, даже отеческому отношению. Прочие (учитель танцев Нодень, преподаватель французского языка Стратиневич, учитель декламации Сюрвиль, гувернер Леблан, учитель риторики Аллер, профессор логики Безак) вспоминались скорее как симпатичные люди, хорошо относившиеся к своим подопечным.

Наибольшее впечатление на Глинку произвел корпусный театр, а из учебных предметов – античная история:

Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душою римлян. Не ведал

я ничего о состоянии русских крестьян, но читал, что в Риме и диктаторов выбирали от сохи и плуга. Не понимал я различия русских сословий, но знал, что имя римского гражданина стояло почти на чреде полубогов. Исполинский призрак Древнего Рима заслонял от нас родную страну – и в России мы как будто видели и знали одну Екатерину [5 с. 68–69, 71].

Комиссия об учреждении народных училищ отметила перегруженность учебной программы Сухопутного корпуса; кадеты, особенно старших возрастов, не изучали все входившие в нее дисциплины. Комиссия выявила и другие недостатки: на занятиях отсутствовала дисциплина; иные кадеты не обладали необходимыми знаниями иностранных языков или математики; преподаватели читали лекции на французском, а не на русском языке. Екатерина уволила Бецкого из членов попечительского совета корпуса, но все же не приняла предложения о сокращении учебных часов и предметов [6 с. 284].

Сменивший Ангальта в 1794 г. М.И. Кутузов придерживался иных педагогических взглядов. Он объявил, что видит в учащих прежде всего солдат, расширил военную часть учебной программы и увеличил время практики кадетов в летних лагерях; лекции своего предшественника по философии античности заменил занятиями по тактике.

После Кутузова военное обучение стало еще строже. Журналист и издатель Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859), обучавшийся в корпусе в 1798–1806 гг., отметил сохранившиеся традиции прежнего времени:

Почти все кадетские офицеры были воспитанники графа Ангальта или прежние, образованные им гувернеры. Корпус подобно сосуду, в котором хранилось драгоценное благовоние, еще благоухал прежним ароматом. В рекреационной зале еще стояли бюсты великих мужей, которых жизнь и подвиги толковал граф Ангальт кадетам, возбуждая в них идеи славы и величия... осталось в корпусе еще несколько знаменитых преподавателей наук времен Ангальтовских (математик Фуссе, физик Крафт и проч.), но не было уже отца, благодетеля, мудрого Ментора, посвящавшего кадетам всю жизнь свою [7 с. 102–103].

Из числа наставников Булгарин выделял «ученого и доброго» Германа, читавшего статистику; преподавателя физики Вольемута и поручика Шмита, чьи занятия по полевой фортификации велись «отлично и чрезвычайно занимательно». Запомнились ему преподававший историю Гавриил Васильевич Гераков и учитель русского языка и литературы Петр Семенович Железников. Первый, если

...не был ни поэтом, ни отличным прозаиком, ни глубокомысленным историком и археологом – то был отличным учителем истории, умел возбуждать к ней любовь в своих учениках и воспламенять страсть к славе, величию и подражанию древним героям... Тетради его имели мало достоинства, но изустное изложение было превосходное, и мы, чувствуя недостаток связи с его тетрадами, чтением дополняли то, чего у него не было. Гераков охотно снабжал нас книгами, а брал их везде, где мог достать. Он часто навещал нас вне классов и, расхаживая по саду, окруженный кадетами, воображал себя Платоном в садах Академии.

Второй не только «знал русский язык основательно», но общался с кадетами к литературе и был «одним из лучших актеров корпусного театра». Истинную же любовь к словесности автору внушил поручик Александр Лантинг, который «упражнял нас в грамматических и эстетических разборах русских писателей и в сочинениях на заданные им темы», а с полюбившимся ему сиротой Булгариным занимался отдельно переводами с французского и латинского языков:

Главнейшую пользу для моего образования извлекал я из бесед его. Тут открывались передо мною в живых картинах древний и новый миры с их духовною жизнью и чудеса природы в творениях Создателя.

Удачливый писатель выделил преобладавший над науками «дух литературный»:

Слава Сумарокова и русский театр в корпусе утвердили в кадетах любовь к русской словесности и отечественному языку, и эта любовь, поддерживаемая искусными преподавателями, каковы были Яков Борисович Княжнин и ученик его, Петр Семенович Железников, сделалась как бы принадлежностью корпуса и переходила от одного кадетского поколения к другому, даже до моего времени. Кажется, после дух этот ослабел или даже вовсе иссяк, когда в 1812 году и в последующих годах, по надобности в офицерах, выпущены в одно время почти все взрослые и, так сказать, унесли с собою все предания [7 с. 117, 127, 129, 133].

Однако «строгости» хватало. У отвечавшего за дисциплину полковника Пурпура

...каждые невычищенные пуговицы или пряжка, каждое пятнышко на лацканах или на светлом камзоле и нижнем платье и малейший беспорядок в прическе кадета навлекали неизбежное наказание. Осматривая кадетов по утрам до отправления в классы, Пурпур отсылал каждого кадета, у которого замечал что-либо неисправное в туалете,

в комнату, называемую умывальной. Потом вызывал кадетов по запискам учителей и дежурных офицеров и отсылал туда же, а наконец являлся сам. Там уже стояла на середине скамьи, угол был завален свежими розгами, и ждали четыре дюжие лакеи. Не теряя лишних слов, без всяких объяснений и увещаний, полковник Пурпур угощал всех собранных там кадетов насущными розгами, потом надевал шляпу и уходил со двора. Никогда не видел я его улыбки и не слышал, чтоб он похвалил кого-нибудь или приласкал. Никогда он не простил никакой ошибки кадету и, кроме розог, не употреблял никакого другого наказания. Слезы, просьбы, обещания не обращали на себя ни малейшего его внимания [7 с. 107–108].

Директору корпуса, российскому генерал-майору и немецкому писателю Федору Ивановичу (Фридриху Максимилиану) Клингеру Булгарин выражал признательность за оценку его знаний и избавление от тирании Пурпура переводом в другую роту, но отмечал, что главный наставник, «по собственным его словам, жил телом в России, а душой в Германии... почитал русских какой-то отдельной породой, выродившихся из азиатского варварства и поверхностной европейской образованности»:

Ни одна душа в корпусе не видела его улыбки. Он был строг в наказаниях и не прощал никогда. С кадетами он никогда не разговаривал и никогда не ласкал. Он только тогда обращался с вопросом к кадетам, когда хотел узнать, наказаны ли они по его требованию. «Вам розги дали?» – спрашивал он обыкновенно. «Дали», – отвечал кадет. «Вам крепко дали?» – «Крепко!» – «Хорошо!» – этим оканчивалась беседа (7 с. 112).

Генерал-майору Николаю Васильевичу Вохину (1790–1853) за время пребывания (1801–1807) в том же корпусе больше всего запомнились «голодный стол» и ненавистные пироги с требухой, а также «любимейшее блюдо» кадетов – гречневая каша с маслом. «Сердечной признательностью» он отметил нескольких «корпусных начальников», капитанов А.А. Бухмейера, Ф.Г. Гольдгоера, И.К. Баркгаузена – «людей отличнейшей нравственности, прямодушных и бескорыстных», но суровых к провинившимся или лентяям: «Они обращались с нами, кадетами, как добрые отцы. Жестоких наказаний не употребляли, но виновным проступки их не дарили. Разбор производился по субботам, в умывальной комнате». Преподаватели запечатлелись в его памяти как «люди почтенные, знающие свой предмет и с любовью передающие его своим ученикам. Таковы были учителя геометрии и тригонометрии И.А. Ефимов,

алгебры – В.И. Висковатов, полевой и долговременной фортификации – А.И. Кениг, артиллерии – В.А. Ефимов, физики – профессор В.В. Петров». Мемуарист добавил ремарку: «Об учителях прочих предметов не упоминаю, потому что они, особенно же иностранные языки, не были в ходу в наше время» [8 с. 549–550].

О наказаниях писал и учившийся одновременно с Булгариным и Вохиным генерал-майор Иван Степанович Жиркевич (1789–1848):

Припоминая со всею строгостью о штрафах, неизбежных с малолетством и юностью; я только один раз был наказан розгами подполковником Пурпуром за то, что был записан в классе географии учителем Спиροком за леность; но и этот раз несправедливо, в чем и сам Спирок впоследствии сознался, оправдываясь лишь тем, что он это сделал, получив выговор от директора, что он ничего не пишет в ленивом списке и что, таким образом, один только жребий, пав на меня, был виною моего наказания.

Бывший кадет хорошо запомнил начальника корпуса М.И. Кутузова:

...в голубом плаще, три звезды – две на левой, одна на правой стороне, и шляпа на голове. Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обходился ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров. Часто являлся между нами во время наших игр, в свободные наши часы от занятий, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь его ласки, на которые он не был скуп.

Последующие начальники были, по его мнению, «немцами» и «солдатами», а директор Клингер «навлек на себя общую нелюбовь воспитанников и слыл не только строгим, но даже жестоким человеком». Зато старый генерал помянул добром дам-воспитательниц за «материнскую заботу и нежность» и почему-то учителей Закона Божьего, прочих же педагогов оценил скорее снисходительно-критически, отмечая главным образом их человеческие, а не профессиональные качества:

Арсеньев – большой крикун, но любимый кадетами; Перской – иезуит в полном смысле слова, был одарен необыкновенною памятью, так что, увидев в первый раз новое лицо воспитанника, он спрашивал всегда имя его и отчество, а потом уже никогда не забывал... Хорошо был образован, но никогда не был любим кадетами. Железняков, учитель русского слова и душою русский, к несчастью, держался крепких напитков,

но кадетами был любим за необыкновенную доброту свою. Ралгерт – немецкий драгун, добрейшей души человек, но никем не уважаемый. Готовцев – буф[ф]он, но души необыкновенной, был любим вообще. Чужин – страшный взыскательностью и хлопотливый, над которым кадеты издевались беспрестанно. Гераковы – два брата: один – писатель и учитель истории, шут в обществе, но держал кадет в уважении и слыл ученым; другой – простой офицер, без вычуров [9 с. 216–217].

«Мало приятных воспоминаний» оставил корпус у обучавшегося там в 1806–1815 гг. генерала от артиллерии Эдуарда Владимировича Бриммера (1797–1874). Боевой офицер, прошедший Кавказскую войну, отметил «поверхностное воспитание» кадетов; учеба запомнилась ему шалостями и дерзостями соучеников и их «изворотами», чтобы уйти от наказания. Сам же автор гордился, что в то время был строгим фельдфебелем в первой роте, нещадно драл за уши и раздавал «щелчки» нерадивым (10 с. 56–59).

«Годы юности моей текли безотраднo», – вторил ему поступивший в тот же корпус двумя годами позже генерал-майор Николай Иванович Цылов (1799–1879); наставники допускали «обращение с учениками бесцеремонное», поощряемые директором Клингером, полагавшим, что «русских надо меньше учить, а более бить».

Были в употреблении следующие наказания: ставили в угол, ставили на колени, ставили в столовой к столбу, оставляя без обеда или без ужина, клали спать на голые доски, часто драли за уши и давали порядочные затрещины, отправляли под арест на хлеб и воду, отправляли в корпусную, так называемую, тюрьму. Секли розгами и в ротах, и в разводном зале при собрании всех кадет.

Реакцией стали «продерзости» и демонстративное презрение к учебе со стороны «закоренелых кадетов»:

Они не учились и даже уродовали себя, находя модою и красотою иметь кривые ноги; так, в бане они клали круглый таз между коленами и парили их веником, дабы ноги принимали дугообразный вид. Кто, бывало, из кадет заговорит по-французски или по-немецки, и если услышит такой разговор кадет-старик, тотчас получит в шею туза!

Что же касается результатов образования, то они, по мнению мемуариста, оказались печальными:

Нас учили французскому и немецкому языкам; географию и историю преподавали на французском языке – мы учились, как попугаи. Выходя же из корпуса, мы ни слова не знали из французского языка, не говоря уже о немецком! [11 с. 50–51].

Поручик гвардии, декабрист Андрей Евгеньевич Розен (1799–1884), учившийся в корпусе с 1815 по 1818 гг., подобно другим выпускникам, запомнил директора Клингера «угрюмым в обращении, скупым на слова, медленным в походке, почему прозвали его белым медведем», зато не жалел похвал инспектору Перскому, который являлся «душою управления и обучения в корпусе» и «соединял в себе все условия образованного и способного человека по всем отраслям государственной службы», а того, кто «особенно старался о введении в употребление французского языка, поощрял кадет и учителей, сам говорил с кадетами по-французски, когда посещал их в роте и в классах». С благодарностью он отзывался и о других преподавателях, высоко оценив «А.Х. Шмидта – учителя фортификации и артиллерии, М.И. Талызина – учителя русской словесности и истории, ротных моих командиров И.И. Хатова и К.К. Мердера, всегда бойкого, бодрого, на славу учившего свою роту ружейным приемам и маршировке».

Розен был, кажется, единственным мемуаристом, отметившим скудное финансирование корпуса и содержание учителей:

...в мою бытность там бывали учителя, получавшие не более 150 рублей ассигнациями жалованья в год. К лучшему устройству корпуса недоставало хороших учителей, надзирателей, наставников. Перский мог выбирать и назначать из офицеров артиллерии и армии, из числа лучших прежних питомцев корпуса, но откуда было взять хороших учителей? [12 с. 14–15].

С осуждением писал о корпусной тюрьме и «позорном для благородного юношества телесном наказании» гвардейский прапорщик-сапер К. Зенденгорст (1806 – не ранее 1871), учившийся в корпусе в 1813–1825 гг.:

По рассказам кадет, находившихся в заключении, эта тюрьма состояла из небольшой отдельной комнаты, куда проникал слабый свет чрез небольшое окошечко с железной решеткой; в ней находились кровать и стол, прибитые к полу; кровать без соломенника, а вместо подушки были прибиты доски в наклонном положении; с винowego снимали мундир и надевали солдатскую шинель, и он находился на пище св. Антония: на хлебе и воде. Когда оканчивался срок заключения, ротный командир приходил в тюрьму, сопровождаемый четырьмя служителями с пучками розог, и заключенный подвергался жестокому телесному наказанию, всегда тщательно скрываемому от кадет.

Остальных наказаний тоже было с избытком:

...русская пословица говорит: «С одного вола двух шкур не дерут!» – но корпусное начальство ее не придерживалось: за каждый

сколько-нибудь важный проступок виновный кадет почти постоянно подвергался двум, а иногда и трем наказаниям. Кадеты, испытавшие телесное наказание, рассказывали, будто бы розги «вымачивались в воде», чтобы сделать наказание более «чувствительным».

Впрочем, отметим, что сам автор за все время пребывания в корпусе подобного обращения не испытал, писал со слов однокашников и винил в происходившем только исполнителей:

Если допустить справедливость таких рассказов, то, по всей вероятности, это делалось без ведома ротных командиров, самими служителями, так как между ними были очень грубые и жестокие люди; исполняя обязанность «палачей» при экзекуциях, они секли кадет без всякой к ним жалости [13 с. 311–312].

Об офицерах и преподавателях автор отзывался благосклонно, а нового директора, героя Отечественной войны и генерала от инфантерии П.П. Коновницына именовал «нежно-любимым отцом». По словам мемуариста, «неусыпные труды и заботы об умственном нашем образовании» главного воспитателя, инспектора классов Михаила Степановича Перского доставили ему «всеобщее уважение и искреннюю признательность кадет»; из всех ротных командиров только подполковник Черкасов «не отличался мягкосердечием и был очень суров». Из числа немногих «достоинейших учителей» Зенденгорст называл «гг. Фусса, Талызина, Коля, Шульгина, Денисова, Вольгемута и Штейна» [13 с. 310].

Похожие впечатления о педагогах другого элитного заведения – Пажеского корпуса – в последние годы царствования Екатерины II были у его выпускника, действительного статского советника Николая Петровича Брусилова (1782–1849):

Мир вам, почившие наставники! Дело прошлое, но, *sauf l'honneur* (соблюдя внешние приличия), справедливость требует сказать, что учили очень небрежно. Учили по-гречески и по-латыни, но едва ли кто из нас умел читать по-латыни и едва ли кто знал греческую азбуку от альфы до омеги. Немецкий и французский языки также были в небрежении, и если кто из нас знал что-нибудь, то только те, которые брали частных учителей. Инспектор классов, почтенный Клостерман, был человек очень образованный, даже ученый; но по старости лет мало занимался нашими успехами; а гувернер шевалье де-Вильнев, лишившийся руки при штурме Очакова, был храбрый офицер, исполненный чести во всей силе слова, но редко принимал на себя труд заглядывать в классы. Мы славились шалостями; были даже такие пажи, которые

вовсе не ходили в классы; другие брали особых учителей, не полагаясь много на познания своих. М-г Lelieure мастер был чинить перья, и весь класс проходил в том, что он очинивал целые пучки. Учитель греческого языка не подвинул меня дальше дельты. М-г Pingo, танцовальный учитель, толстый италианец, учил нас, сидя в креслах и, имея страсть к хиромантии, больше занимался нашими руками, нежели ногами. Он предсказывал нам будущее, смешил нас и сам смеялся, а прочие делали свои *salto mortale* по столам и скамьям...

Выходки кадетов могли быть и не совсем безобидными; например, к столу нелюбимого и строгого учителя рисования «привязали две веревочки и протянули в разные концы комнаты. Лишь только учитель уселся и разложил свои рисунки, вдруг дернули за одну веревочку: стол полетел в сторону. Эта шалость кончилась тем, что бедного старика вытолкали, а парик его и рисунки изорвали в клочки». При этом знатные питомцы корпуса производились в придворные камер-пажи и оттуда выпускались поручиками в гвардейские полки; прочие могли рассчитывать на чин армейского капитана (14 с. 50–51).

Мало что изменилось и через два десятка лет.

Инспектор классов полковник Odé de Sion, французский эмигрант, любил более хорошее вино, хороший обед и свою масонскую ложу, в которой он занимал место великого мастера. Иногда в послеобеденные часы пред тем, чтобы отправиться в ложу, приходил он в классы и там, где не было учителя, садился подремать на кафедру. Один наш гофмейстер полковник Клингенберг был к нам близок и жил нашей жизнью. Это был душа-человек, простой, ласковый, симпатичный, хотя крикливый. Пажи любили, уважали и боялись его, но круг его деятельности был ограничен наблюдением за порядком и приготовлением пажей к военной службе.

Что же касается наук, то они «преподавались без системы, поверхностно, отрывочно»:

Из класса в класс пажи переводились по общему итогу всех баллов, включая и баллы за поведение, и потому нередко случалось, что ученик, не кончивший арифметики, попадал в класс прямо на геометрию и алгебру. В классе истории рассказывалось про Олегова коня и про то, как Святослав ел кобылятину. Несколько задач Войцеховского и формулы дифференциалов и интегралов, вызубренные на память, составляли высшую математику. Профессор Бутырский учил русской словесности и упражнял нас в хриях и других риторических фигурах.

Зато юные пажи-дворяне «укореняли тогдашний лозунг высшего общества: *Noblesse oblige*, и щекотливое понятие о *point d'honneur*

(делах чести). Гордясь званием пажей, они сами более своего начальства заботились, чтобы между ними не допускался никто, на кого бы могла падать хоть тень подозрения в каком-нибудь неблагоприятном поступке» [15 с. 775–781], – писал поступивший в корпус в 1815 г. генерал-лейтенант Петр Михайлович Дараган (1800–1875).

О распорядке занятий в Морском кадетском корпусе в первые годы XIX в. поведал генерал-майор Карл Францевич де Ливрон (1797–1887). Воспитанников будили в 6 часов утра.

...Умывшись и одевшись, мы становились во фронт в нашей столовой зале, причем один из кадет (по очереди) читал вслух «Молитву Господню» на английском языке. Завтрак состоял из кружки парного молока и полубелой булки. В 7 часов начинались классы, продолжавшиеся до 11 часов, с 10-минутными перерывами; нас учили читать и писать по-русски и по-английски. Учителями русского языка были Максим Тихонович Зарубин и очень нами любимый Алексей Федорович Тихонов; последний наказывал линейкой по рукам, когда руки бывали выпачканы чернилами. Преподавателем английского языка был Илья Прохорович Жданов, мать которого была природная англичанка; у него мы заучивали, между прочим, извлечения из псалмов Давидовых на английском языке... До 12 часов давался отдых, после которого мы шли обедать. Обед состоял из двух хорошо приготовленных блюд, а по праздникам было, кроме того, пирожное. От 2 до 6 часов опять занимались в классе с 15-минутным перерывом. После этого опять давали по кружке молока с булкой. В 8 часов ужинали, а в 9 часов ложились спать, чему предшествовало общее умывание рук [16 с. 51–52].

Для старших возрастов уроки продолжались по 8 часов в день – без какой-либо «программы и системы», по печатным учебникам, что было уже хорошо, ибо раньше, по свидетельству декабриста Михаила Александровича Бестужева (1800–1871), больше половины времени урока терялось «в переписке под диктовку учительских записок, писанных по произволу каждого из преподавателей и переписанных учениками с ошибками и часто без всякого смысла» [17 с. 256]. К классным занятиям добавлялись танцы, гимнастика и «ружейное ученье». При этом кадеты жили в «первобытных» условиях – порой без нижнего белья, с одним полотенцем на десять человек и с «ретирадным местом» в помещении без окон и дверей. Де Ливрон даже в старости помнил по имени-отчеству всех ротных офицеров и большинство преподавателей. Вспоминал добром воспитательниц-англичанок и щедрых на наказания отцов-командиров – порка имела место каждый день за усмотренные провинности и по запискам учителей: «Кадет Лавров из великих шалунов,

а также из грубьянов. Учитель Гурьянов». Виновных «сажали под стол во время обеда или в лакейском кафтане ставили на это же время стоймя на тубарет» [16 с. 55, 59, 60].

Примерно так же описывал свое учение в корпусе в 1792–1799 г. декабрист Владимир Иванович Штейнгель (1783–1862):

Содержание кадет было самое бедное. Многие были оборваны и босы. Учителя все кой-какие бедняки и частью пьяницы, к которым кадеты не могли питать иного чувства, кроме презрения. В учении не было никакой методы; старались долбить одну математику по Эвклиду, а о словесности и других изящных науках вообще не помышляли. Способ исправления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет. Каждую субботу подавались ленивые (в записках учителей для наказания. – *И. К.*) сотнями, и в дежурной комнате целый день вопль не прекращался. Один прием наказания приводил сердца несчастных детей в трепет. Подавалась скамейка, на которую двое дюжих барабанщиков растягивали виновного и держали за руки и за ноги, а двое со сторон изо всей силы били розгами, так что кровь текла ручьями и тело раздиралось в куски. Нередко отсчитывали до 600 ударов и более, до того, что несчастного мученика относили прямо в лазарет.

Правда, уверял автор, сам он от сурового обращения не страдал, поскольку был «смирнен и покорен учителям».

Штейнгель подчеркнул и реакцию учеников на такие методы воспитания:

Что ж от этого? Между кадетами замечательна была вообще грубость, чувства во многих низкие и невежественные. В это время делались заговоры, чтобы побить такого-то офицера или учителя; пили вино, посылали за ним в кабаки кадет же и проч. Не говорю уже о других студных мерзостях... Другой род наказания был пустая, т. е. тюрьма, смрадная, гнусная, возле самого нужного места, где водились ужасные крысы, и туда-то безрассудные воспитатели юношества сажали нередко на несколько суток 12-ти или 13-тилетнего юношу и морили на хлебе и воде. Самые учителя в классах били учеников линейкою по голове, ставили голыми коленами на дресву и даже на горох; после сего удивительно ли, что кадеты сих гнусных мучителей ненавидели и презирали, и нередко соглашались при выходе из классов вечерних, пользуясь темнотою, делать им взаимно различные пакости [18 с. 174].

Справедливости ради отметим, что он же указал и на перемены к лучшему с приходом в корпус в 1794 г. нового помощника

директора, подполковника П.К. Карцова, при котором «не только порядок, но и самый образ учения принял другой совсем вид», но из всех преподавателей выделил за «кротость и доброту» только ротного командира и инспектора классов Платона Яковлевича Гамалею, автора трудов по математике, механике, навигации и кораблестроению. С глубоким уважением поминали уроки этого преподавателя и братья Николай и Михаил Бестужевы:

Но каких неумолимых трудов, какого ангельского терпения все это ему стоило. Не должно забывать жалкое состояние образования кадет того времени: это был какой-то хаос, отсутствие всякой системы, какое-то бессмысленное препровождение времени в классах. Учителя, набранные с борку да с сосенки, с невежественным самовластием распорядились умственным достоянием детей, им вверяемых... Платон Яковлевич Гамалея предположил целью своей жизни искоренить это зло, составив руководство по всем предметам наук, и начал с важнейшего: с астрономии, навигации и высших математических вычислений. Святой мученик науки! – Он возложил на себя свой крест и нес его до могилы – один – совершенно один. Он сочинил астрономию и навигацию, высшие дифференциальные вычисления, алгебру, теорию и практику кораблевождения [17 с. 230].

Штейнгель выделил еще одну особенность корпуса:

...господство гардемаринов и особенно старших в камерах над кадетами; первые употребляли последних в услугу, как сущих своих дворовых людей: я сам, бывши кадетом, подавал старшему умываться, снимал сапоги, чистил платье, перестилал постель и помыкался на посылках с записочками, иногда в зимнюю ночь босиком по галерее бежишь и не оглядываешься. Боже избави ослушаться! – прибьют до полусмерти. Зато какая радость, какое счастье, когда произведут, бывало, в гардемарини: тогда из крепостных становишься сам барином... [18 с. 175].

О «грубости нравов» будущих моряков писал и поступивший в корпус в 1816 г. декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин (1804–1892): кадеты-«старики», или «чугунные», бесстрашно дерзили начальству, сами первыми ложились под розги, а могли и поднять бунт – устроить «бомбардирование нашего эконома» за скудный рацион. Но преподаватели ему запомнились людьми «высокой честности и безукоризненного поведения», разве что порой утруждали воспитанников «методой зубрения и долбления»: «Прочтет десять раз, тогда, наверное, поймет и будет твердо знать» [19 с. 625, 627, 629, 635, 636], – говорил бывший выпускник, преподаватель физики и многолетний инспектор классов корпуса Марк Филиппович Горковенко.

Михаил Бестужев, за немногими исключениями (Гамалеи, математиков Кузнецова и Давыдова, преподавателя риторики Василевского), не видел среди своих педагогов «ни одной личности, которая бы теперь не порождала улыбки презрения». Иногда же преподаватели вызывали у своих подопечных жалость:

...учитель математики Побреин имел на меня большое влияние своею кротостью, пунктуальностью и безграничным терпением. Правда, он был рутинер, не следовал, а может быть, и не имел средств следовать за наукою, как должно, не простирая взора далее своих миниатюрно исписанных тетрадок, но был точен, ясен и терпелив в трудных объяснениях навигации и астрономии. Я его еще больше полюбил, когда временная болезнь заставила меня усиленно догонять ушедший вперед класс и я, наняв его для частных уроков, имел случай посещать его дом. Вид его бедного семейства в холодных комнатах, эта бедность и нужда, бросавшаяся из всех углов и закоулков, а между тем его покорность своему жребию, его спокойная кротость, его нежная обо мне заботливость с каждым днем более и более меня к нему привязывали, и у него в доме я научился уважать бедность и ценить жертвы ее [17 с. 255–256].

Похоже, появившиеся в печати отзывы о порядках учебного заведения несколько смущали последующее поколение моряков. Выпускники 1826 года адмирал Александр Ильич Зеленой (1809–1892) и лейтенант Лаврентий Алексеевич Загоскин (1808–1890) в воспоминаниях пытались развеять отзывы своих предшественников. Оба считали, что их наставники «высоко держали не только знамя обучения своих питомцев, но и следили за их нравственностью; их примеру следовали и более молодые учителя», тогда как своего директора кадеты видели два раза в год, а его заместитель-полковник ведал хозяйством корпуса и являлся перед воспитанниками только по воскресеньям перед церковной службой.

Примером усвоения основ нравственности являлась практика ротного капитан-лейтенанта князя С.А. Ширинского-Шихматова:

...по воскресеньям после обеда каждые две части кадет ставились во фронт в две шеренги, и он приходил изъяснять воскресные евангелия. Для этого каждый гардемарин и кадет по очереди должен сказать один стих евангелия, и князь изъяснял его и поучал; такие поучения продолжались часа полтора и более.

Что же касается взысканий, то у князя

...не было обыкновения по субботам наказывать воспитанников, как тогда называли «поданными ленивыми»; но за важные проступки

в поведении и он наказывал телесно, хотя и не часто, но и это делал неохотно, без всякого раздражения, а как бы по необходимости, и всегда увещания его сопровождалось ласкательным словом «друг мой», и наказанные всегда сознавали законность постигшей их кары и не питали к нему никакой злобы [20 с. 92–93].

Столь же патриархально вели себя и другие «отцы-командиры». Добрый и ученый М.Ф. Гамалея экзаменовал новичков следующим образом:

Вот такого малого Марк Филиппович к доске: ну-ка, сосчитай эту цифирь, или что-нибудь подобное, а тот, отуманенный всем, около него происходящим, ни бельмеса; тут Марк Филиппович табакеркой его в лоб, приговаривая: «экий олух»; затем полюбит этого олуха за его прилежание и тихий нрав; из них выходили впоследствии лихие, отважные офицеры; впрочем, Марка Филипповича мы все, кадеты, очень любили и уважали [21 с. 712].

По части «телесных вразумлений» особенно отличались старший брат героя-адмирала Платон Степанович Нахимов,

...впоследствии известный своей гуманностью и бывший инспектором студентов в Московском университете; а также бывший чем-то вроде помощника батальонного командира, уважаемый кадетами Метельский... Кадет Кузмищев, впоследствии контр-адмирал и главный командир Архангельского порта, в чем-то провинился; свели виновного в дежурную, разложили на скамью; Метельский как поэт своей родины обращаясь к барабанщику, приказывает так: «Авдей, пригрей, а Кузьмищу по г...щу» [21 с. 713].

Заключение

Приведенные в цитированных выше мемуарах оценки методов обучения и воспитания питомцев закрытых дворянских учебных заведений представляются в основном негативными – хотя, казалось бы, в памяти скорее должны остаться положительные моменты молодости. Авторы довольно единодушно говорят о поверхностном, бессистемном преподавании наук путем зубрежки. Многие из них отметили скудное содержание кадетов и спартанские условия проживания, и почти всем запомнились строгости и телесные наказания, оскорблявшие «врожденные благородные и возвышенные чувства» юных дворян. Отразились на оценках и личные отношения с преподавателями – одни и те же лица порой характеризуются противоположно.

Однако парадоксальным образом подобные недостатки обучения не помешали самим мемуаристам сделать карьеру. Проследить биографии всех выпускников кадетских корпусов для определения «коэффициента полезного действия» последних едва ли возможно. Но из данной небольшой выборки 10 из 19 авторов приведенных выше мемуаров достигли генеральских чинов (8 вышли в генералы и адмиралы, а начинавшие жизненный путь офицерами Ф.В. Булгарин и Н.П. Брусилов стали действительными статскими советниками). Результат мог быть и выше, но карьера пятерых военных-декабристов была прервана: М.И. Пущин, М.А. Бестужев, А.Е. Розен и Д.И. Завалишин до ареста состояли в обер-офицерских чинах, а В.И. Штейнгель был уже подполковником. Л.А. Загоскин сам ушел в отставку капитан-лейтенантом флота, а С.Н. Глинка майором. Только судьба прапорщика Зенденгорста остается нам неизвестной. Зато нетрудно перечислить выдающихся военных и государственных деятелей, вышедших из стен кадетских корпусов; достаточно назвать А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, И.П. Елагина, М.И. Кутузова, И.Ф. Крузенштерна, А.А. Аракчеева, Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова, И.Ф. Паскевича, М.П. Лазарева, Ф.Ф. Беллинсгаузена и многих других.

При этом независимо от достигнутых чинов большинство мемуаристов сумели реализовать себя. Ф.В. Булгарин стал успешным издателем и журналистом, а С.Н. Глинка – менее успешным, но все же известным писателем-публицистом. Военные (И.С. Жиркевич, П.М. Дараган) затем служили в других ведомствах и занимали посты губернаторов; А.И. Зеленой посвятил себя учебно-педагогической деятельности в морских учебных заведениях; Н.П. Брусилов отметился как губернатор и писатель; Л.А. Загоскин прославил свое имя научными исследованиями в Русской Америке и был избран действительным членом Русского географического общества. И.М. Казаков был избран уездным предводителем дворянства; в 1855 г., во время Крымской войны, сформировал дружину из местных добровольцев и привел ее в Крым. Разжалованный М.И. Пущин успешно командовал инженерными работами во время осады крепости Карс в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. А.Е. Розен по возвращении из сибирской ссылки устроил в своем имении сельскую школу и крестьянский банк, служил мировым посредником.

Полезными для понимания процесса обучения представляются мемуары не учившегося в корпусе адмирала и морского министра П.В. Чичагова (1767–1849). Адмиральский сын не получил сколько-нибудь систематического образования, а отдать его в корпус родители побоялись. Первым его учителем в Кронштадте оказался француз-лакей; в частном пансионе он «плохо выучился французского языка,

немножко математике, истории, географии и всему, чему так недостаточно учили в этой школе». В столичной немецкой «Peterschule» мальчик овладел лишь немецким языком и запомнил, что там его хорошо кормили, а уроки спрашивали только с тех, кто и так был отличным учеником. В 14 лет Павел уже поступил на службу и стал адъютантом отца. Казалось бы, что может получиться из такого юнца? Но он сам, как следует из его слов, осознавал скудость и «сумбур» своих познаний и по своей инициативе брал частные уроки, изучал труды по навигации – и в итоге «сам себя воспитал» [22 с. 150–152]. Молодой офицер не довольствовался участием в сражениях Русско-шведской войны 1788–1790 гг. и завершил свое образование в Англии.

Возможный ответ представляется следующим: недостатки преподавания и суровые порядки учебных заведений одних ломали или портили, других же, наоборот, закаляли и воспитывали «дух доброго товарищества», который способствовал дальнейшему личностному росту и служебной карьере. Как отметил А.Е. Розен, «деятельность ума и тела, умеренность и простота в пище, единодушие в товариществе – вот главные рычаги на подъем и перенесение житейских тяжестей, к этому всему с детства приучаются офицеры из кадет».

Но успешными становились прежде всего те, кто сам упорно стремился приобрести необходимые знания. И.А. Глухов с братом боль от смерти отца «истребляли упражнением в вышних науках математических, не менее того занимались и прочими, особливо общею историею». С.Н. Глинка и Ф.В. Булгарин отмечали, что самостоятельно или по совету любимых преподавателей читали и изучали литературу. М.И. Пущин с помощью старших товарищей постиг математику, М.А. Бестужев брал у корпусных педагогов частные уроки. Большинство авторов и много лет спустя вспоминали любимых учителей, понимая, как много те сумели им дать.

Литература

---

1. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: В 50 т.: С 1649 по 12 декабря 1825 года / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
2. Автобиография И.А. Глухова // Щукинский сборник. Вып. 6. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1907. С. 202–268.
3. Записки Михаила Ивановича Пущина // Русский архив. 1908. № 11. С. 410–464.
4. Поход во Францию в 1814 году: По запискам прапорщика лейб-гвардии Семёновского полка И.М. Казакова // Русская старина. 1908. № 3. С. 522–544.
5. *Глинка С.Н.* Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М.: Изд-во Московского университета, 1996. С. 17–165.

6. *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века: Дискурс, законодательство, реальность. М.: РОССПЭН, 2018. 613 с.
7. *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 782 с.
8. Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. 1891. № 3. С. 547–566.
9. Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1874. № 2. С. 207–244.
10. *Бриммер Э.В.* Служба артиллерийского офицера // Кавказский сборник. Т. 15. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа. 1894. С. 52–260.
11. Описание жизни Н.И. Цылова // Щукинский сборник. Вып. 6. М.: Отд-ние Имп. Рос. ист. музея им. имп. Александра III; Музей П.И. Щукина, 1907. С. 40–202.
12. *Розен А.Е.* Записки декабриста. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 656 с.
13. *Зенденгорст К.* Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг.: Из воспоминаний бывшего воспитанника // Русская старина. 1879. № 2. С. 545–555.
14. Воспоминания Н.П. Брусилова // Исторический вестник. 1893. № 4. С. 37–71.
15. *Дараган П.М.* Воспоминания первого камер-пажа императрицы Александры Федоровны // Русская старина. 1875. № 4. С. 769–796.
16. Отрывочные воспоминания старого моряка: Поступление в Морской корпус и выход в офицеры // Морской сборник. 1890. № 5. С. 51–63.
17. Воспоминания Бестужевых. СПб.: Наука, 2005. 896 с.
18. *Штейнгель В.И.* Записки // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 400 с.
19. *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // Русский вестник. 1873. Т. 105. № 6. С. 623–655.
20. Морской кадетский корпус в воспоминаниях адмирала А.И. Зеленого // Русская старина. 1883. № 10. С. 89–98.
21. Морской шляхетный корпус в воспоминаниях Л.А. Загоскина // Русская старина. 1886. № 12. С. 709–716.
22. *Чичагов П.В.* Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра. М.: Российский фонд культуры; Студия Тритэ; Российский архив, 2002. 800 с.

References

---

1. Speranskii MM., ed. The complete collection of laws of the Russian Empire. 50 vol.: From 1649 to December 12, 1825. Sankt-Peterburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ.; 1830. (In Russ.)
2. Autobiography of I.A. Glukhov. *Shchukin collection*. Iss. 6. Moscow: Tovari-shchestvo tipografii A.I. Mamontova Publ.; 1907. p. 202–68. (In Russ.)
3. Mikhail Ivanovich Pushchin Notes. *Russkii arkhiv*. 1908;11:410–64. (In Russ.)
4. A campaign against France in 1814. According to the notes of I.M. Kazakov, an ensign of the Life Guard Semenov regiment. *Russkaya starina*. 1908. № 3. p. 542–44. (In Russ.)
5. GlinkaSN. Notes. V: *The Golden Age of Cathrine the Great*. Memoirs. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ.; 1996. p. 17–165. (In Russ.)

6. KusberYA. Elite upbringing and public education in the Russian Empire of 18th – the first half of 19th c. Discourse, legislation, real life. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2018. 613 p. (In Russ.)
7. Bulgarin FV. Memoirs. Moscow: Zakharov Publ.; 2001. 782 p. (In Russ.)
8. Major-general N.V. Vokhin notes. *Russkaya starina*. 1891;3:547-66. (In Russ.)
9. Ivan Stepanovich Zhirkevich notes. *Russkaya starina*. 1874;2:207-44. (In Russ.)
10. Brimmer EV. An artillery officer service. V: *Caucasus collection*. Vol. 15. Tiflis: Tip. okružhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga Publ.; 1894. p. 52-260. (In Russ.)
11. N.I. Tsylov's life story. V: *Shchukin collection*. Iss. 6. Moscow: Otdelenie Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeyaim. imperatora Aleksandra III. Publ.; Muzei P.I. Shchukina Publ.; 1907. p. 40-202. (In Russ.)
12. Rozen AE. The Decabrist notes. Sankt-Peterburg: DmitriiBulanin, 2007. 656 p. (In Russ.)
13. Zendengorst K. First Cadet corps in 1813-1825. From the memoirs of the former pupil. *Russkaya starina*. 1879;2:545-55. (In Russ.)
14. N.P. Brusilov memoirs. *Istoricheskii vestnik*. 1893;4:37-71. (In Russ.)
15. Daragan PM. Memoirs of the first chamber-page of the Empress Alexandra Feodorovna. *Russkaya starina*. 1875;4:769-96. (In Russ.)
16. Fragmentary memoirs of an old sailor. Admission to the Marine corps and access to the officers. *Morskoi sbornik*. 1890;5:51-63. (In Russ.)
17. Bestuzhevs memoirs. Sankt-Peterburg: Nauka Publ.; 2005. 896 p. (In Russ.)
18. Shtejngel' VI. Notes. V: *The Decabrists memoirs. Northern society*. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ.; 1981. 400 p. (In Russ.)
19. Zavalishin DI. Memoirs of the Marine cadet corps from 1816 to 1822. V: *Russkii vestnik*. 1873. Vol. 105. p. 623-55. (In Russ.)
20. The Marine cadet corps in memoirs of the Admiral A.I. Zelenyi. *Russkaya starina*. 1883;10:89-98. (In Russ.)
21. The Marine noble corps in memoirs of L.A. Zagoskin. *Russkaya starina*. 1886;12:709-16. (In Russ.)
22. A note of the first Russian Marine minister Chichagov PV. Moscow: Rossiiskii fond kul'turyPubl.; Studiya Trite Publ.; Rossiiskii arkhiv Publ.; 2002. 800 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor V. Kurukin, Dr. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kurukin@mail.ru

УДК 929.7

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-215-234

Повседневность молодого дворянина
в городах России и Европы первой четверти XIX в.:
по дневникам
Александра и Владимира Мусиных-Пушкиных

Юлия В. Ким

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Yvk22@yandex.ru*

Аннотация: В статье приводится сравнительно-описательный анализ дневников двух братьев Мусиных-Пушкиных, Александра Алексеевича и Владимира Алексеевича. Сыновья знаменитого археографа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина оставили след на страницах истории Российской империи. Александр Алексеевич участвовал в заграничном походе русской армии и погиб под Люнебургом в 1813 г. Владимир Алексеевич был в числе декабристов, находился под следствием в Петропавловской крепости и впоследствии долгие годы находился под надзором государственных служб.

Дневники обоих братьев хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Дневник Александра Алексеевича написан в период с 11 января 1811 по ноябрь 1812 г. Дневник Владимира Алексеевича написан в апреле-июне 1823 г. Братья делали свои записи примерно в одном возрасте: Александру в период написания дневника исполнилось 24 года, Владимиру – 26. В описываемое в дневнике время Александр находился в Москве, Петербурге и на Кавказе, Владимир – в Дрездене, а также в других немецких городах.

В своих записях братья отразили как свои мысли и заботы, так и окружающую их повседневность. На страницах дневников описаны светские балы и приемы, походы в театр и прогулки верхом, общение с друзьями и родственниками, романтические увлечения и сердечные тайны, участие в политических разговорах, занятия чтением и научной деятельностью, путешествия по городам. В статье делается попытка на основе дневниковых заметок определить картину повседневных занятий, интересов и склонностей молодого дворянина первой четверти XIX в.

Ключевые слова: дворянская аристократия, XIX в., повседневность, светская жизнь, Мусины-Пушкины, молодые русские офицеры

Для цитирования: Ким Ю.В. Повседневность молодого дворянина в городах России и Европы первой четверти XIX в.: по дневникам Александра и Владимира Мусиных-Пушкиных // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 215–234. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-215-234

Daily life of a young nobleman
in the cities of Russia and Europe in the first quarter
of the 19th century (according to the diaries
of Alexander and Vladimir Musin-Pushkins)

Yuliya V. Kim

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Yvk22@yandex.ru*

Abstracts: The article provides a descriptive and comparative analysis of two diaries belonging to the Musin-Pushkins brothers: Alexander and Vladimir. The sons of the famous archeographer Alexei Musin-Pushkin left their marks on the pages of Russian history. Alexander participated in the foreign campaign of the Russian army and died at Luneburg in 1813. Vladimir was among the Decembrists, then he was under investigation in the Peter and Paul Fortress and subsequently for many years he was under the supervision of state services.

The diaries of the both brothers are kept in the Russian State Archive of Ancient Acts. The diary of Alexander was written in the period from January 11, 1811 to November 1812. The diary of Vladimir was written in April-June 1823. The brothers made their notes at about the same age: Alexander was 24 years old at the time of writing the diary, Vladimir was 26. In the time described in the diary, Alexander was in Moscow, St. Petersburg and the Caucasus; Vladimir was in Dresden, as well as in other German cities.

In their notes the brothers reflected both their thoughts and concerns, and their daily routine. The pages of the diaries describe balls and formal receptions, visits to the theater and horseback riding, communication with friends and relatives, romantic affections and mysteries of the heart, participating in political conversations, reading and scientific activities, travelling around different places. The article attempts to determine, on the basis of diary notes, a picture of everyday occupations, interests and inclinations of a young nobleman of the first quarter of the 19th century.

Keywords: noble aristocracy, 19th century, daily routine, high life, the Musin-Pushkins, young Russian officers

For citation: Kim YuV. Daily life of a young nobleman in the cities of Russia and Europe in the first quarter of the 19th century. According to the diaries of Alexander and Vladimir Musin-Pushkins. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*. 2018;6:215-34. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-215-234

Введение

Молодые аристократы Александр Алексеевич и Владимир Алексеевич Мусины-Пушкины входили в привилегированный круг молодежи из знатнейших семейств Российской империи, что определяло их образ жизни, материальные возможности, светские привычки и досуг. В то же время культурные традиции семьи, заложенные известным археографом, графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, отразились в особенностях времяпрепровождения его сыновей в столицах, на сфере их интересов и занятий во время путешествий по городам России и Европы. Приученные отцом к самообразованию и саморазвитию, склонные к саморефлексии и чувствительные ко всему, что происходило вокруг, молодые люди вели записи тщательно, ежедневно фиксируя как рутинные или выдающиеся события, так и свои мысли и чувства. Дневники братьев Мусиных-Пушкиных, ранее не публиковавшиеся, раскрывают разные аспекты повседневности светской молодежи и в то же время погружают нас во внутренний мир молодых дворян первой четверти XIX в.

Нужно отметить, что такие исторические источники, как дневники значительно выигрывают по сравнению с мемуарами и воспоминаниями, в которых образ прошлого в большей или меньшей степени переработан носителем индивидуальной памяти и преобразован в новую реальность, существующую только в субъективном представлении уже находящегося в иной временной парадигме автора мемуаров. Дневники также отражают лично-субъективную картину мира, но они воссоздают то прошлое, которое происходило на глазах их авторов, и в том виде, в каком оно было воспринято и понято в нашем случае молодыми людьми, современниками минувшего. Таким образом, нам предоставляется возможность приблизить и рассмотреть мир повседневности дворянской молодежи через призму ежедневных заметок авторов, Александра и Владимира Мусиных Пушкиных.

Александр Алексеевич Мусин-Пушкин (1788–1813) – средний сын графа А.И. Мусина-Пушкина. Именно на Александра

отец возлагал надежды как на продолжателя своего дела: сын с ранних лет «обнаружил склонность к ученым и литературным занятиям», с 13 лет служил при московском архиве Коллегии иностранных дел, помогал отцу в работе, например уже с 17 лет переводил с французского и латинского различные произведения [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 36, л. 1]. Дневник Александр Алексеевич вел с 1 января 1811 г. по ноябрь 1812 г., т. е. до своей отправки в действующую армию. Согласно ошибочной архивной атрибуции автором дневника считался Владимир Алексеевич, однако содержание и особенности стиля вызвали сомнения в авторстве (несоответствие заметила доктор исторических наук М.П. Мохначева), а сопоставление текста с другими архивными документами и с фактами биографии Александра Алексеевича и Владимира Алексеевича Мусиных-Пушкиных позволили нам установить, что дневник принадлежал Александру Алексеевичу [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, 60 л.]. Дневник раскрывает особенности образа жизни молодого дворянина в Петербурге, Москве, в путешествии по городам юга России: Александр описывает время, проведенное в Георгиевске (центр Кавказской губернии в начале XIX в.), Екатеринодаре, Тмутаракани, Керчи, Феодосии, Судаке, Бахчисарае и других городах.

Дневник ценен в том числе и тем, что он написан незадолго до гибели Александра Алексеевича во время заграничного похода русской армии в 1813 г.: в марте братья Иван Алексеевич (1783–1836) и Александр Алексеевич Мусиных-Пушкины участвовали в сражении под Люненбургом, в этой битве А.А. Мусин-Пушкин был смертельно ранен в голову и через два дня скончался. Его старший брат, Иван Алексеевич, вынес раненого Александра с поля боя [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 40, л. 12об.; 1 с. 184; 2 с. 198–199].

Дневник В.А. Мусина-Пушкина был написан через десять с лишним лет после гибели А.А. Мусина-Пушкина. Владимир Алексеевич (1798–1854), младший в семье, получил домашнее воспитание под руководством аббата Сюррики, учился в иезуитском колледже при базилике св. Екатерины, а затем в Пажеском корпусе [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 40, л. 10об.–11об.; 3 р. 111–113]. В 1816 г. Владимир уже служил офицером лейб-гвардии Измайловского полка, с 1817 г. он получил в наследство имение Борисоглеб и более 2,5 тыс. душ крестьян. Но первое время молодой граф делами имения не занимался, управление взяла в руки его мать, Екатерина Алексеевна. После обучения Владимир, как это было принято в среде юных аристократов, отправился в длительное заграничное путешествие. Дневник, который хранится в РГАДА [РГАДА,

ф. 1270, оп. 1, д. 1441, 43 л.], молодой офицер вел с 12 апреля по 1 июня 1823 г., до середины мая он жил в Дрездене, а затем отправился в поездку, в ходе которой посетил германские города Лейпциг, Веймар, Йену, Эрфурт и др.

Судьба Владимира Алексеевича после заграничного путешествия была сходна с судьбами молодых дворян его круга: в 1825 г. молодой граф был принят в ряды декабристов Северного общества, занимался деятельностью, связанной с движением общества в Могилеве. По материалам следственного дела известно, что Владимир Алексеевич участвовал в вербовке новых членов, знал о том, что целью общества было введение Конституции. После восстания на Сенатской площади Владимир Алексеевич был арестован и доставлен в Петербург: 6 января 1826 г. он был доставлен на главную гауптвахту, потом переведен в Петропавловскую крепость, где находился полгода. Но под суд Владимир Алексеевич не был отдан, он был переведен из гвардии в армию на Кавказ, сначала в Петровский, а затем в Тифлисский пехотный полк. Затем сослан на службу в Финляндию, где познакомился со своей будущей женой Эмилией Карловной фон Шерваль (1810–1846), дочерью Выборгского губернатора Иоганна Карла Шерваля и Евы Густавы фон Виллебранд. Только в 1834 г. по ходатайству Московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына граф Мусин-Пушкин был освобожден от надзора [4 с. 134–135, 360; 5 с. 122, 290].

Рассмотрим дневники каждого из братьев по отдельности, ведь эти личные документы с одной стороны позволяют нам сконструировать образ современной автору повседневности, с другой – увидеть фигуру самого автора. Кроме этого, имеет значение, что дневники написаны с временной разницей более чем в десятилетие, различается и пространственно-географический контекст. Но все же можно выделить круг тем, которые сквозным рефреном появлялись на страницах дневников обоих авторов: светская жизнь (и связанное с ней болезненное увлечение карточной игрой), самообразование и духовно-культурные интересы (в том числе изучение достопримечательностей во время поездок), самоопределение и гражданско-политическая позиция, романтические привязанности. Именно на эти содержательные компоненты дневников мы обратим внимание¹.

---

¹ Дневник А.А. Мусина-Пушкина написан на французском и русском языках; дневник В.А. Мусина-Пушкина написан на французском языке (перевод Ю.В. Ким).

*Дневник Александра Алексеевича
Мусина-Пушкина*

Дневник старшего брата, Александра, рисует нам жизнь его автора в столичных городах как карусель бесконечных визитов и приемов. Как представитель аристократической семьи, А.А. Мусин-Пушкин был вхож в любые салоны, перед ним были открыты все двери, его повседневность полна великосветскими развлечениями и событиями: «Хитрово² получил большую ленту Св. Анны. Мы пошли в маскарад, который был блестящ и грандиозен, поужинали в Эрмитаже, я заказал порцию очень дорогого пирога». Семья и родственники занимали большое место в жизни Александра, он ужинал с братом Вани (Иваном Алексеевичем) и сестрами, встречался с зятьями А.З. Хитрово и Д.М. Волконским³. Общался молодой граф и с Пушкиными, Василием Львовичем и Анной Львовной (дядя и тетя А.С. Пушкина), бывал на всех семейных мероприятиях и днях рождения: в одни дни «проводит все утро» с Василием Львовичем, в другие – обедает или ужинает с Анной Львовной [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 10–11, 12, 40, 45].

Александр еще с 1809 г. плохо себя чувствовал, но даже это не мешало ему посещать мероприятия: «Я заболел, но несмотря на это пошел посмотреть церемонию в Сенате, где мой зять Хитрово был в центре внимания. Был обед и я вернулся домой, проведя весь день в кровати с лихорадкой больным желудком несмотря на лекарства в течение всего дня» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 3]. Нездоровье никак не отражалось на темпе жизни молодого дворянина, в некоторые дни, казалось, граф успевал охватить необъятное: 10 марта 1811 г. он успел нанести четыре визита, в том числе своему приятелю, князю Андрею Петровичу Гагарину, по словам современников, любителю и любимцу женщин, красавцу, сибариту и отчаянному картежнику [6 с. 24, 205, 289, 368], в перерыве Александр пообедал дома, а вечером успел к Маргарите Александровне Волковой, выиграв там 896 р. [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 8]⁴. Иногда трудно поверить, что такое количество дел можно успеть сделать в один

² Алексей Захарович Хитрово (1876–1854), сенатор, член Государственного совета, муж Марии Алексеевны Мусиной-Пушкиной с 1802 г.

³ Князь Дмитрий Михайлович Волконский (1769–1835), генерал-лейтенант, муж Натальи Алексеевны Мусиной-Пушкиной с 1811 г.

⁴ У Волковых играли традиционно много, разговоры были не так важны, как игра, про вечера у М.А. Волковой князь П.А. Вяземский писал, что они «походили иногда на заседания игорной академии» [6 с. 16].

день: «Мы получили письма из Петербурга, объявился Коленкурт⁵. Я расспросил его о князе Долгоруком⁶. Нанес визит Андрею Гагарину, приехал слишком поздно, чтобы пообедать с Анной Львовной. Вечером ходил к Католикосу, князю Дмитрию Петров[ичу] Волконскому и мадам Волковой», пишет Александр 4 марта 1811 г. [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 1, 7]. В гостях иногда смотрели спектакли: у Апраксиных давали «Севильского цирюльника» и «Семейную тайну» («Александр Валуев⁷ очень хорошо играл роль д'Алмавива»), спектакли были и у Меншиковых, у Поздняковых («где представляли Есфирь»), у Тутулминых («где Семенова⁸ играла Аменаиду»). Особенную радость, как чувствуется, приносили маскарады, однажды Александр даже переделся женщиной, о чем и записал в дневнике. И конечно же, он посещал балы, например, у радушного на приемы и праздники Льва Кирилловича Разумовского: «вечером на бал графа Леона, вернулся на рассвете» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 5, 11, 35, 40].

Автор дневника не останавливается на других подробностях времяпрепровождения, о темах светских бесед, но каждый день пишет о занятии, без которого не обходился ни один его день, – о карточной игре. Играли во всех домах, но чаще всего Александр бывал у М.А. Волковой. Он проигрывал, метался в заботах «где бы достать деньги» («тщетно старался добыть денег», «бесполезные метания в поисках денег»), занимал крупные суммы (500, 800, 1000 р., отдавал долги, проигрывал, снова занимал. Александр страдал от своей страсти, каждый Новый год, сочельник или на Пасху он давал себе и Богу обещание справиться с собой: «обстоятельства и природная склонность навели меня опять как пса на свою блевотину», «каюсь и прошу в прегрешениях прощения и в слабостях подкрепления». Молодой человек каждый день скрупулезно записывал, сколько он проиграл, за три года сумма составила 25 414 р., он пишет: «...это очень страшный урок. Смогу ли я сохранить себя в будущем и получить по такой цене необходимый опыт, чтобы улучшить мое существование, мою репутацию в обществе, спокойствие моих родителей и мое собственное само-

---

⁵ Арман де Коленкур (1773–1827), посол Франции в России в 1807–1811 гг.

⁶ Предположительно, князь Николай Васильевич Долгоруков (1789–1872), дипломат.

⁷ Предположительно, Александр Петрович Валуев (1785–1822), камергер.

⁸ Предположительно, актриса Екатерина Семеновна Семенова (1786–1849).

осознание» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 1–4, 6, 12, 36, 46]. Но остановиться было трудно, ведь карточная игра была обыденной повседневностью, и конечно, даже дома играли: «вечером дома, играл в вист с папа, выиграл 1 593 р.», «вечером дома партия в бостон с моими родителями, проиграл 13 р.» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 5, 9]⁹.

Удивительным образом в этой круговерти оставалось время для чтения книг и даже для научных занятий. Александр читал книги об истории французской дипломатии, бумаги о российском дворянстве, «жизнь княгини Дашковой» и сам «сочинял маленькия пьесы о правлении вообще». Молодой граф изучал и пытался анализировать опыт былых сражений, например то, как планировались и проводились операции в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. главнокомандующими А.А. Прозоровским, П.И. Багратионом и Н.М. Каменским. Александр был правой рукой и опорой своего отца, помогая ему в научной деятельности: в начале 1812 г. он читал и «набирал» русские пословицы, с апреля был занят «перепискою батюшкиною бумаги о наименовании славянских месяцев»; он провел дома утро 13 апреля 1812 г., «занимаясь с батюшкою наименованиями древних месяцев»; 25 апреля он тоже провел дома весь день, «занимаясь запискою о месяцах которую батюшка поручил мне кончить». Среди череды светских обязанностей нашлось время, чтобы посетить «свою» библиотеку¹⁰, которую Александр Алексеевич «нашел вполне в порядке», и нанести деловой визит к председателю Общества истории и древностей российских, Платону Петровичу Бекетову [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 2, 3, 5, 39, 41, 43, 44, 46, 47].

В связи с проблемами со здоровьем летние и осенние месяцы 1811–1812 гг. Александр провел на Кавказе. Это благоприятно сказалось на его игровой зависимости, вне столиц граф играл значительно меньше. Дневник граф Александр ведет крайне сдержано и деловито, не допуская излишних сентенций. О том, что на Кавказе было небезопасно, мы не найдем ни строчки. Но при этом

---

⁹ Родственники иногда скрывали от Алексея Ивановича Мусина-Пушкина долги его сына, например, мать Александра, Екатерина Алексеевна, уплачивала его долги, занимая средства у друзей и родственников [7 л. 132].

¹⁰ Александр служил ассессором при московском архиве Коллегии иностранных дел, и его отец, А.И. Мусин-Пушкин, собирался передать свое собрание древностей в дар архиву с условием, что Александр Алексеевич будет иметь право пользования коллекцией и сможет в дальнейшем передать это право по наследству [РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, д. 2495, л. 8об.–9; 8 с. 19–20].

педантично подсчитаны и записаны все принятые лечебные ванны. И каждый день в дневнике описываются текущие события светской жизни. Молодой офицер каждый день наносил визиты, ездил даже на балы (и оживленные, и порой скучные, по мнению столичного жителя), сам устраивал обеды на двадцать персон, ездил верхом и осматривал окрестности: «...вечером пошел в лагерь, где ездил верхом на лошади в сопровождении группы дам. Мы проследовали в горы и осмотрели ущелье»; «после обеда вновь поездка верхом в аул возле Бештау»; «вечером совершил променад с Веревкиным¹¹ на каскады». Вид с Бештау Александр называет самым красивым видом в мире, отмечая, что он никогда не видел такого простора. Иногда устраивались и настоящие мужские развлечения, например, охота на кабана или распитие рома на спор с черкесским князем. Практически не встречаются записи о разговорах на политические темы, лишь вскользь упоминается о разговоре, связанном с текущей войной с турками, или об обсуждении в светском обществе причин и характера новых карьерных взлетов и падений, например, назначений и смещений губернаторов [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 19–21, 23, 32].

В Георгиевске, где Александр провел большую часть времени, он сильно и нежно привязался к Анне Петровне¹², жене своего четвероюродного брата, Петра Клавдиевича Мусина-Пушкина¹³. Отношение Александра к мадам Пушкиной не ускользало от взгляда окружающих, насчет «кузины» ходила сплетня, что огорчало автора дневника, «я был предметом», пишет он. Александр Алексеевич с большим теплом относился к обоим супругам и поэтому сильно переживал, когда местные пересуды приводили к сценам ревности: «Вечер у Пушкина, который вернулся серым от Попова¹⁴ и устроил жестокую сцену со своей женой, которую я увел к Ртищеву¹⁵, чтобы закончить, наконец, перебранку»; «произошла большая ссора между месье и мадам Пушкиными, в которой я был невольным мотивом» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 15, 17–22]. Он скучал в отсутствие кузины, посвятил ей акростих, подарил шляпку, заказанную в Москве, ездил с ней вдвоем в Ставрополь [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 22–23, 25]. Очевидно, имела место сильная и важная для молодого графа романтическая привязанность, ведь об откровенных и легких ухаживаниях в поездках по другим городам молодой дворянин пи-

¹¹ Михаил Михайлович Веревкин (?–1819), генерал-майор.

¹² Анна Петровна Мусина-Пушкина (1806 – ок. 1845), урожд. Штерич.

¹³ П.К. Мусин-Пушкин (1768–1830/51), генерал-майор.

¹⁴ Предположительно, Василий Степанович Попов (1740/45 –1822).

¹⁵ Предположительно, Николай Федорович Ртищев (1754–1835).

сал иначе, например, во время путешествия в Судак и Бахчисарай граф «волочился за Писаревой¹⁶», а также пытался увезти с собой влюбленную в него черкеску [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 28–30].

В поездках по городам Александр проявлял себя как подкованный и жадный до впечатлений турист: в Керчи Александр вместе с компанией из спутников и местных обитателей ходил осматривать церкви и турецкую крепость, в Екатеринодаре – Кафедральный собор. В Феодосии Александр и его спутники наведались в порт и музей, «где нашли новую еще и маленькую коллекцию медалей и мраморов»; в Судаке вся компания посетила развалины и виноградные сады, в Саблах – винный и кожевенный заводы; в Бахчисарае – бывший ханский дворец, «в котором даже убранство сохранилось», а вечером они «были в мечети и смотрели кривлянье магометанских дервишей, которые тогда праздновали байрам». Приехав в Севастополь, «ездили смотреть развалины древняго Херсониса». Не забывал Александр и о том, насколько важны для его отца всяческие «древности», в Тмутаракани он захотел что-нибудь купить, «чтобы свезти батюшке в подарок, но нашел только одну золотую медаль, которую полагаю Константиновых времен и несколько медных неизвестных, наконец булатный кинжал очень старинный». Молодой офицер интересовался диковинками из самых разных областей – от древних развалин до естественно-научных коллекций, например, в Харькове Александр заглянул в университет и осмотрел «все принадлежащие к нему кабинеты, как то натуральный, физический, минеральный и технологический» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 26–32]. То же интеллектуальное любопытство прослеживается и у его младшего брата, о дневнике которого мы поговорим ниже.

Дневник Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина

По записям в двух изучаемых нами дневниках видно, насколько Александр Алексеевич и Владимир Алексеевич были похожи в своей страсти к осмотру достопримечательностей и исследовании старинных памятников, продолжая отцовскую традицию любви к артефактам былых времен.

Владимир Алексеевич спустя 11 лет после старшего брата с таким же фамильным профессионализмом изучал местные достопримечательности немецких земель, делая дорожные записи по время своего заграничного путешествия, например: «Этот город

---

¹⁶ Не удалось установить лицо.

знаменит двумя сражениями, в одном, в 1632 г., выступил Густав Адольф, король шведский, и был убит там. Я осмотрел место, где этот герой закончил свои дни, на него указывает грубый гранитный камень, на котором можно увидеть выгравированные буквы G.A. и год», записал он в своем дневнике о городе Лютцене [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 27]. В путешествиях по германским городам молодой путешественник интересовался всем – от кельи Мартина Лютера и картин Лукаса Кранаха до мраморных ванн. За две недели поездки Владимир Алексеевич и его компаньон, граф Салаза¹⁷, успели исследовать огромное количество культурных памятников, в дневнике Владимир описывает подробности поездки так вдохновенно, а где-то и тщательно, что мы и сейчас можем прочувствовать, насколько восхитил путешественников колорит немецких деревушек и городов. Друзья сделали несколько коротких остановок: в Мейсене (где осмотрели фарфоровые заводы), в Лейпциге и уже упомянутом выше Лютцене. В Веймаре путешественники были приняты Великой княгиней¹⁸, которая устроила в честь гостей русский концерт, также их представили королю Баварии. Свободное от приемов время гости провели за осмотром замка Бельведер и парка с его садами и теплицами, кроме этого они посетили лютеранскую кирху, географический институт, Веймарскую библиотеку. Владимир Алексеевич записал в дневнике: «Веймар – это город нерегулярный, дома низкие и большей частью старые, нет ничего, кроме княжеского замка, который примечателен, также как и географическое бюро и несколько частных домов в пригороде, который ведет к Бельведеру. Население города – 160 000. <...> Народ любит правителя, администрация очень приятна. Ненавидят французов, которые значительно разрушили страну» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 34]. В Йене граф Мусин-Пушкин и граф Салазар осмотрели кабинет минералогии, библиотеку с коллекцией манускриптов («...там есть книга, в которой находятся рисунки, представляющие гнусность пап. Эта книга была сделана до Реформации и содержит вещи очень экстраординарные») и ботанический сад [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 33–34], в Эрфурте – келью Мартина Лютера, картинную галерею и плац, где маршировали рекруты. В.А. Мусин-Пушкин заметил в

---

¹⁷ Не удалось установить лицо.

¹⁸ Мария Павловна (1786–1859), урожд. Романова, супруга великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймар-Эйзенахского; покровительствовала науке и искусствам, расширила Веймарскую библиотеку, поддерживала создание естественно-научных и исторических коллекций в Йенском университете, занималась благотворительностью [9 с. 637–638].

дневнике: «Прусские солдаты – это в основном красивые молодые мужчины, свежие и здоровые» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 35]. Молодой граф делал во время путешествий как много записей справочного характера («Район Гота ведет принадлежность от Эрнста Благочестивого, который оставил семь сыновей, который основали другие районы, существует не больше четырех – Гота, Мейнинген, Гилдбургхаузен и Кобург»; «В Гессене в настоящее время примерно 600 тысяч жителей, доход может достигать 8 миллионов франков, люди бедны и здесь довольно незначительное количество богатых господ»), так и большое количество эмоциональных пометок: «Чистота, которая царит в их быту – прекрасна», «Пейзаж вдоль этой дороги очаровательный, и каждый новый еще превосходней, но дорога отвратительная» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 35, 36, 38]. В этой длительной поездке по городам Владимир записывал много впечатлений о городах и деревушках, но практически не писал о светской жизни, только скудные данные об ужине или редком посещении театра. Можно прочитать между строк и догадаться по некоторым коротким фразам, что Владимир Алексеевич скучал по светской жизни Дрездена (где он большей частью жил во время своего заграничного вояжа) и по оставленным там привязанностям.

Из дневника графа Владимира Алексеевича мы узнаем, что он был, как и брат, подвержен рефлексии, но более эмоционален, очарован встречавшимися людьми и увлечен всеми видами искусства. Кажется, граф попытался впитать все, что Дрезден мог предложить взыскательному вкусу: он часто слушал музыку в немецких католических костелах, посещал старинные церкви и кирхи, дворцы и замки, кабинеты древностей, экспозиции картин и библиотеки, посещал «la galerie de gravures», где в числе прочих произведений наслаждался гравюрами Рембрандта и полотнами Рафаэля [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 4, 9, 12, 17, 19, 29–36, 38, 41, 43]. Одновременно с этим молодой офицер ходил в клуб и театр, играл в бильярд с друзьями, фехтовал на рапирах, ел мороженое и завтракал устрицами [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 1, 3, 4, 10, 19, 20]. О театре он рассуждал с уверенностью знатока: «давали новую оперу Россини, “Ричард Зорайде”, красивая музыка, костюмы и декорации тоже были очень красивы, но актеры не отвечали ожиданиям публики, особенно новый тенор: он был слишком посредственным». Светские развлечения представляются легкими или даже легкомысленными: «Граф Loo¹⁹ совершил самое смешное падение на свете, чем насмешил все общество, кото-

¹⁹ Не удалось установить лицо.

рое было довольно многочисленным, оно наполняло апартаменты так, что казалось, что ты находишься в теплице». Светские сплетни фривольны, но молодой граф с удовольствием пересказывает в своем дневнике рассказанные ему истории о легкомыслии нравов саксонского двора, например, «историю о саксонской королеве и парикмахере»: «Марколини²⁰, который опасался, чтобы кто-нибудь не оказывал слишком большого влияния на короля, и не расстроил его фавор, устроил его возвращение с охоты раньше, чем обычно, и тот застал королеву за явным преступлением. Парикмахер был отослан в Дрезден, но не был заключен в Кенигштайн, как поначалу утверждалось» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 1, 2, 4, 15, 16].

Владимир Алексеевич увлеченно и живо рассуждает как о посещении замков («мы пошли осмотреть замок, где мы нашли великолепные рога оленя, а также несколько замечательных картин со сценами охоты») и музеев («там можно увидеть модель Кенигштайна, сделанную из дерева, а также несколько гидравлических машин, модели мельниц в изобилии, модель храма Соломона, сделанную в Гамбурге»), так и о сценах королевской охоты, в которой он принимал участие: он рассказывает, как кабан был взят за четверть часа, рассуждает о том, что кабаны не могут причинить никакой боли ни собакам, ни охотникам, «два человека его останавливают, следующие держат ногами, и таким образом тащат к королю²¹, и затем принц Антуан²² наносит ему последний удар». Охота, правда, кончилась огорчительно для графа Салазара: по описанию Владимира, «Салазар, взяв полный карьер, не очень хорошо управился с лошастью и врезался в ветку дерева, которая повредила ему лицо». Пострадавшего отправили на перевязку к хирургу, автор дневника отмечает также, что «король и принц были очень участливы при инциденте» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 15, 16].

Но Владимир кажется более темпераментной и порывистой натурой, чем его брат. В черед светских развлечений ему было тем более сложно справиться с печальным пристрастием к карточной игре. Молодой дворянин играл в карты и так же, как и его брат, страдал от этого, но не мог с собой справиться: «Я играл, я проиграл сумму, которую не смог сразу выплатить и должен, я поставил себя в такое положение, что обо мне говорят как об игроке, что я имею

---

²⁰ Граф Камилло Марколини-Ферретти (1739–1814), кабинет-министр короля Фридриха Августа I Саксонского, директор Мейсенской фарфоровой мануфактуры, покровитель искусств.

²¹ Фридрих Август I (1750–1827), король саксонский в 1806–1827 гг.

²² Антон (1755–1836), брат и наследник Фридриха-Августа I, король саксонский в 1827–1836 гг.

обязательства перед людьми, которых не хочу знать». Как и брат, Владимир стыдился положения должника, это приводило его в уныние: «Мне было скучно, я был в плохом настроении по причине затруднительного положения, в котором я находился из-за денег» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 2, 19].

Юноше недавно исполнилось двадцать пять лет, в порывах самокритики он рассуждает: «Я сейчас в таком возрасте, когда человек уже пользуется силой характера, чтобы обуздывать страсти, легкомыслие должно быть отставлено, а всеми моими действиями должны руководить резонность и рассудительность. Мое поведение все последнее время было совсем не безупречно, напротив, я сам должен честно признать, что оно было очень плохим» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 2].

Но эти строки не только про зависимость от карточных игр. Игре в дневнике Владимира посвящено меньше места, чем в дневнике брата. Мысли Владимира Алексеевича были заняты другим: «Любовь вредит моей голове и здоровью, – пишет он, – я веду себя как ребенок или, скорее, как легкомысленный и непоследовательный молодой человек» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 2]. Личная жизнь Владимира Алексеевича более бурная, чем у брата в его возрасте. В описании собственного времяпрепровождения много пикантных шуточных замечаний: «Я нашел место рядом с очень хорошенькой особой, с которой я завел беседу; я захотел проводить ее после спектакля, но увидев, что некий месье предлагает ей руку, отказался преследовать птицу, которая уже в клетке». Но Владимир лукавит, именно в это время он добивался, и с успехом, внимания другой женщины. В Дрездене Владимир был страстно влюблен в замужнюю даму, некую Мари Мальсбург²³, и каждый день его дневника наполнен горячими признаниями и интимными откровениями: «Я провел всю ночь с Мари, почти не смыкая глаз»; «проникнувшись любовью и сладострастием, мы дали друг другу клятвы в вечной верности». С каждой страницей дневника его автор все неистовей и смелее описывает свои отношения с возлюбленной: «Она меня все время спрашивала, хорошо ли я расположен к тому, чтобы сделать ей ребенка. Я ей сказал, что да, и это ей доказал, однако так как мы оба были обессилены, мы уснули, и только к 4 часам я проснулся». Каждый визит, каждый поход в театр Владимира Алексеевича связан с мыслями о Мари, которую он высматривает в ложе или ищет в гостях, на ужине: «моя красавица не пришла из-за своего мужа, который заболел»; «она уделила мне так мало внимания, что у меня не было настроения никуда идти»; «поскольку я хотел узнать, не подаст ли мне Мари

---

²³ Не удалось установить лицо.

какой-нибудь знак, я вернулся на площадь и долго прогуливался, поглядывая в ее окна». Любые светские и культурные развлечения пронизаны фигурой женщины, которая занимает Владимира целиком, спектакль ли это («скупал, хоть на спектакле и была Мари»; «в 6 часов я пошел на спектакль, где видел Мари, давали оперу “Фиделио” на немецком»), вечер ли у английского министра («был на балу у английского министра, где много танцевал; Мари там была очаровательна и попросила меня зайти к ней, но что до меня, я надумался и съязвил»). Даже книжные новинки Владимир Алексеевич успевал читать, прячась от мужа Мари в комнате посыльного или горничной. В строках молодого графа и очарованность ситуацией, и азарт, и увлеченность интригой: «После прелестных прощаний я оставил эту божественную женщину и вернулся к себе. Уже почти рассвело, однако никто меня не видел»; «...я заставил себя сейчас же одеться и пошел к Мари. Так как Мальсбург²⁴ оказался в доме, я был вынужден ожидать в комнате посыльного того момента, когда барон уедет, так что три часа ранним утром мне пришлось быть в ожидании в холодной комнате»; «после спектакля я запланировал оказаться у Мари, что я и сделал, я предполагал, что Мальсбург где-нибудь поужинает, но я ошибся в своих расчетах, однако она пришла обнять меня, и мы пошалили в течение нескольких мгновений» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 1–26, 37, 41].

Но, кажется, для Владимира это не было просто пикантным любовным развлечением, не являющимся редкостью для людей его времени и его круга, он действительно страдал, убеждал Мари оставить своего мужа, требовал от нее обещаний, и позволял себе во время светских мероприятий в нарушение приличий общаться со своей дамой в присутствии мужа, к ее досаде. Оставляя Мари в Дрездене и уезжая в небольшое путешествие по немецким землям («мы вместе плакали», вспоминал Владимир бурное прощание), молодой дворянин писал: «О, как мое сердце вытерпело все это, мне хотелось плакать и в то же время не выдать наш секрет моему компаньону по путешествию, я должен был выглядеть веселым, как трудно было прилагать усилия и боль еще усиливалась» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 7, 9, 15]. Пылкость слога молодого дворянина иногда заставляет забыть о том, что период бурных взаимоотношений, описываемых в дневнике, – это всего месяц: дневник начат 12 апреля, отношения с Мари развиваются в жаркий роман

---

²⁴ Не удалось установить лицо. Предположительно, не имеет отношения и связи с немецким дипломатом, писателем и переводчиком Эрнстом Отто фон дер Мальсбургом (1786–1824), который жил в это же время в Дрездене.

примерно с этого же времени, а 16 мая Владимир Алексеевич уезжает из Дрездена в свое путешествие.

Отдавая должное порывистой натуре Владимира, мы должны отметить, что вся его повседневная жизнь была наполнена страстью ко всем ее проявлениям, и если его горячо увлекали путешествия, музыка, искусство и любовь, то так же, как видно по страницам дневника, увлекала политика: «Мы настолько углубились в дискуссию об этих материях, что не заметили, как уже минула полночь; я вернулся к себе и сразу же лег», – прокомментировал политическую дискуссию в мужской компании Владимир Алексеевич 4 мая, из записей дневника видно, что вообще в Дрездене много дискутировали о политических материях. И Владимир Алексеевич был увлечен политикой гораздо больше, чем его старший брат, Александр Алексеевич. Владимир читал газеты и журналы, участвовал в разговорах о египетском паше, о католиках Ирландии и политике английского правительства, о создании блоков государств и прошлых политических событиях, например, о Венском конгрессе и позиции государств в отношении намерения Российской империи присоединить Польшу. В.А. Мусин-Пушкин читал даже отрывки из книги о турецкой политике на турецком языке. Период написания дневника совпадает с испанской кампанией французов, по поводу которой автор сделал на страницах дневника несколько неодобрительных замечаний. Владимир много общался с европейцами, прекрасно отзывался о новых друзьях-англичанах. Разговоры были достаточно свободными, например: о состоянии России по сравнению с Европой, о египетских революционных настроениях, о католиках Ирландии и ошибках английского посла, об угрожающей позиции России. Рассуждая в дневнике о деятельности Священного Союза, молодой офицер применил не вполне нейтральный словесный оборот «железная хватка пожаротушителя». Владимир Алексеевич увлеченно знакомился с дипломатической перепиской английского, французского и испанского кабинетов, анализировал и позитивно оценивал политический дискурс кабинета Джорджа Каннинга²⁵ («он развивает курс, которому следовало английское министерство, и по мне, усиливает тенденции к миру и урегулированию»). За описаниями этих разговоров и людей угадывается будущий декабрист, каковым станет автор записей через два года: «я много говорил о России и о том, как бы мне хотелось жить», описывает один из разговоров В.А. Мусин-Пушкин [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 1441, л. 1–15, 17–22, 24, 27, 29–36, 38, 41–43]. Он был одним из 159 декабристов,

---

²⁵ Джордж Каннинг (1770–1727), министр иностранных дел Великобритании в 1807–1809 гг., представитель либерального крыла партии тори.

кому были заданы так называемые «вопросы о воспитании», ставившие целью выяснить пути распространения вольнодумства [10 с. 184–185], но страницы дневника Владимира Алексеевича обращают наше внимание на то, что традиции достаточно консервативной семьи сталкиваются с вольнодумством молодого поколения, которое занято пытливым самостоятельным поиском ответов на вопросы о лучшей судьбе для своей Родины.

Заключение

Оба брата были талантливы, образованы, умели со вкусом проводить свое время в столицах и провинции. Оба, к сожалению, были вовлечены в модный досуг XIX в. – карточную игру, что стало для них осознаваемой, болезненной и мучительной зависимостью. Оба использовали возможности, которые давали поездки по новым местам и городам. Но если для старшего брата, Александра, путешествия были прежде всего источником культурного обогащения и общения, то для Владимира опыт путешествия в Европу стал еще и ресурсом для переосмысления гражданской позиции, что было характерно для его поколения.

В дневнике Александра тема политики прослеживается только «дальним планом», фоном. Даже начавшаяся война с Наполеоном не оставила на страницах дневника летом и осенью 1812 г. следов отчаяния или уныния. Никаких панических сообщений об отступлении русской армии или беспокойства о состоянии фронта. Лишь скупое сообщение о том, что 16 августа состоялся «большой обед мужской» по случаю известия о победе графа Витгенштейна под Удино [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 54], а также беглое упоминание от 20 и 28 августа о двух запросах в Москву с предложением «Веревкина вести в присоединение к Московскому ополчению не менее 100 человек избранных и ему известных кавказских жителей и мое к нему письмо в котором предлагал соединиться с 25 черкесами и горцами» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 55]²⁶.

Во время написания дневника братья были почти одного возраста – Александру было 23–24 года, Владимиру – 26 лет. Романтический дух и обостренное гражданское чувство свойственны были обоим, в силу обстоятельств времени один из них посчитал

---

²⁶ Переписка А.А. Мусина-Пушкина этого времени показывает, что он действительно предпринимал активные действия для формирования ополчения из горцев и поддержки предложения М.М. Веревкина [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 684, л. 1, 10–11].

для себя важным вступить в дворянское ополчение и воевать против Наполеона, другой нашел ответы своим исканиям в тайных обществах, объединявших молодых дворян 1810–1820-х гг.

Кроме светских практик повседневности, форм культурного досуга, поля общественно-политических взглядов молодых Мусиных-Пушкиных, страницы дневников раскрывают перед нами мир романтических чувств и чувственности. Влюбленность Александра Алексеевича проявляется деликатно, в строчках о ежедневных событиях он очень тактично касается тех важных для него минут, которые связаны с А.П. Мусиной-Пушкиной и их общением. Но не только весь период его нахождения на Кавказе, но и в зиму–весну 1811–1812 гг., когда он жил в Москве и изредка встречал молодую женщину в гостях, осторожно упоминаемое имя Анны Петровны не исчезает со страниц дневника. И важно, что последние строчки, в ноябре 1812 г., во время его последнего свидания с близкими в родовом имении Иловна перед отправкой в действующую армию, охватывают пространство и интимно-личного, и практично-важного: «1-го обедал у нас Александр Семенович²⁷, говорили о Анне Петровне. 2-го, 3-го и 4-го провел с родными и советуясь с Кн. Дмитр. Мих.²⁸ что делать по службе» [РГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 644, л. 59].

Владимир Алексеевич смелее и экспрессивней в своих чувствах, беспокойный характер, проявляющийся на страницах дневника, находит повод для бурных эмоций как в сфере гражданских и политических порывов, так и в области любовных переживаний. Но будущее молодого человека покажет, что опыт сердечных влечений преобразуется в способность к долговому и глубокому чувству. Сланный в Финляндию после дела о декабристах, Владимир Алексеевич в том же 1826 г. познакомился со своей будущей женой и выдающейся женщиной своего времени – Эмилией Карловной фон Шернваль – и полюбил ее на всю жизнь. Преодолев сопротивление начальства и матери, Владимир Алексеевич обвенчался с Эмилией Карловной в 1828 г. Эмилия имела успех в свете [11 с. 242–243], но в середине 1830-х из-за финансовых сложностей супруги удалились в имение Борисоглеб Ярославской губернии, где погрузились в хозяйственные заботы. Владимир Алексеевич, владелец более 3 тыс. крестьян и около 55 тыс. десятин земли, был помещиком справедливым и деятельным, но порывистость натуры и склонность к отеческой опеке подчиненных мешали ему быть достаточно строгим хозяином, чем пользовались крестьяне и служащие имения.

²⁷ Александр Семенович Мусин-Пушкин (1747–1819), троюродный дядя А.А. Мусина-Пушкина.

²⁸ Князь Дмитрий Михайлович Волконский.

Литература

---

1. *Ким Ю.В.* Отец и сын Мусины-Пушкины: 1812 год сквозь семейную историю // Ким Ю.В. Исторический вестник. Т. 17: Тысячелетие русского законодательства / Под ред. А.А. Горского. М.: Руниверс, 2016. С. 170–186.
2. *Нелипович С.Г.* Мусины-Пушкины против Наполеона // Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина: материалы междунар. науч. конф. «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Пробл. сохранения наследия рода», 25–27 июля 1994 г. / Гл. ред. С.О. Шмидт. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 193–203.
3. *Ferrand J.* Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine / Pref. A.A. Moussine-Pouchkine. Paris: Jacques Ferrand, 1994. 521 p.
4. Восстание декабристов: Материалы / Общ. ред. и предисл. М.Н. Покровского. Т. 8: Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах: Алфавит декабристов / Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского, А.А. Сиверса. Л.: Центрархив, 1925. 432 с.
5. Декабристы: Биографический справочник / Изд. подгот. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 446 с.
6. Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской: 1812–1818 гг. / [пер. с фр. С. Свистуновой], предисл., коммент., указ. имен Е.Н. Савиной; Гос. публ. ист. б-ка России. М.: [Б.и.], 2013. 459 с.
7. *Волконский Д.М.* Дневник 1812–1814 гг. // Волконский Д.М. 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А.Г. Тартаковского. М.: Сов. Россия, 1990. С. 114–184.
8. *Калайдович К.Б.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собраниях российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды Общества истории и древностей российских. М.: Университетская тип., 1824. Ч. 2. С. 3–48.
9. Энциклопедический словарь // Изд. И.Ф. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С.-Петербург) / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Т. 18: (Малолетство – Мешагола). СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1896. 958 с.
10. *Эдельман О.В.* Следствие по делу декабристов / Под. ред. С.В. Мироненко. М.: REGNUM, 2010. 356 с.
11. Из писем князя П.А. Вяземского к А.Я. Булгакову // Русский архив. М.: Тип. Лебедева, 1879. Вып. 5–8. С. 237–257.

References

---

1. Kim UV. Musin-Pushkins father and son. 1812 through family history. V: Gorsky AA., ed. *The Historical Bulletin*. Vol. 17: 1000 years of Russian Legislation. Moscow: Runivers Publ.; 2016. P. 170–186. (In Russ).

2. Nelipovich SG. Musin-Pushkins against Napoleon. V: Schmidt SO., ed. *Musin-Pushkins in the history of Russia: the 250th anniversary of the birth of AI. Musin-Pushkin: Proceedings of the Intern. scientific conf. «AI. Musin-Pushkin and his descendants in the history of Russia. Family heritage keeping issues», July 25–27, 1994. Rybinsk: Rybinskoe Podvorie Publ.; 1998. p. 193–203. (In Russ).*
3. Ferrand J. Histoire et généalogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. Paris: Jacques Ferrand, 1994. 521 p.
4. Pokrovsky MN., ed. The Decembrists uprising: Materials. Vol. 8: Modzalevsky BL., Sivers AA. Cases of the investigative commission on malicious societies: Alphabet of Decembrists. Leningrad: The central archive Publ.; 1925. 432 p. (In Russ).
5. Nechkina MV., ed. Decembrists: A Biographical Directory. Moscow: Science Publ.; 1988. 446 p. (In Russ).
6. Moscow of Griboedov's time in the letters of MA. Volkova to VI. Lanskaya: 1812–1818. Moscow, 2013. 459 p. (In Russ).
7. Volkonsky DM. The Diary of 1812–1814. V: Tartakovsky AG., comp. 1812 ... War Diaries. Moscow: The Soviet Russia, 1990. p. 114-84. (In Russ).
8. Kalaidovich KB. Biographical information about life, scholarly works and the collection of Russian antiquities of Count Alexei Ivanovich Musin-Pushkin. V: *Notes and works of the Society of Russian History and Antiquities*. Moscow: University Typography Publ.; 1824. Part 2. p. 3-48. (In Russ).
9. Brockhaus IF. (Leipzig), Efron IA. (St. Petersburg), eds. Encyclopedic Dictionary. Vol. 18: Childhood – Meshagol. Saint-Petersburg: IA. Efron's Tipo-Lithography Publ.; 1896. 958 p. (In Russ).
10. Edelman OV. The investigation of the Decembrists' revolt. Moscow: REGNUM Publ.; 2010. 356 p. (In Russ).
11. From the letters of Prince P.A. Vyazemsky to A.Ya. Bulgakov. V: *The Russian archive*. Moscow: Lebedev's Typography Publ.; 1879. Vol. 5–8. p. 237-57. (In Russ).

Информация об авторе

Юлия В. Ким, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; Yvk22@yandex.ru

Information about the author

Yuliya V. Kim, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Yvk22@yandex.ru

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-235-251

«Во глубине сибирских руд...»:
к вопросу о характере повседневных каторжных работ
политических ссыльно-каторжных
на Нерчинских рудниках в 60–70-е годы XIX в.

Алексей С. Гулин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, asgulin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается практически неисследованный вопрос о характере, широте использования и тяжести каторжного труда политических ссыльно-каторжных на Нерчинских рудниках в 60–70-е годы XIX в.

Ключевые слова: каторжный труд, политические ссыльно-каторжные, политические преступники, государственные преступники, участники польского восстания 1863–1864 гг., Нерчинская каторга, Восточная Сибирь, Забайкалье

Для цитирования: Гулин А.С. «Во глубине сибирских руд...»: к вопросу о характере повседневных каторжных работ политических ссыльно-каторжных на Нерчинских рудниках в 60–70-е годы XIX в. // Вестник РГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 235–251. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-235-251

«In the depth of the Siberian mines...»:
To the question of the nature of the daily hard labor
of political exiled convicts at the mines of Nerchinsk
in the 60–70s of the 19th century

Aleksey S. Gulin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
asguiln@mail.ru*

Abstract. The article deals with the almost unexplored issue of the nature, breadth of use and severity of the hard labor of political exiled convicts at the mines of Nerchinsk in the 60s and 70s 19th century.

Keywords: hard labor, political exiled convicts, political criminals, state criminals, participants of the Polish uprising of 1863-1864, the Nerchinsk penal servitude, Eastern Siberia, Transbaikalia

For citation: Gulin AS. «In the depth of the Siberian mines...»: To the question of the nature of the daily labor of political exiled convicts at the mines of Nerchinsk in the 60–70s of the 19th century. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*. 2018;6:235-51. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-235-251

Введение

Никакого особого диспута по этой проблематике в исследованиях, посвященных политической ссылке, не наблюдается. Молчаливо предполагается, что «во глубине сибирских руд», храня «гордое терпение», они сносили все ужасы сибирской каторги, и, видимо, как и все каторжники, испытывали жуткие мучения разного рода. Собираанием всех этих ужасов и ткалось историческое полотно. Воспевание революционно-христианского стоицизма в целом заполняет нарратив революционно-романтических исследований советского периода, ему рефлексивно следуют последующие работы по известной фабуле, лишь вторя сюжету «Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, бесспорно талантливо созданному эталонному образу каторги. Господство этого образа в воображении как обывателей, так и исследователей породило и порождает повторяемый как мантра особый стиль, особый жанр исследования: а-ля Достоевский или, по-русски говоря, «достоевщину», некую «политическую агиографию», где романтический образ каторжника вплетается в повествование в стиле «жития святых» о мучениках за веру и свободу. Однако нужно заметить, что в советский период, в марксистском видении политической истории, иной взгляд был бы просто невозможен, таков был политический заказ, и исследования были лишены научного подхода к данной проблеме.

Пальму первенства в преодолении этой мифологемы следует вручить польскому историку Эльжбете Качинской, которая в своей монографии «Сибирь – самая большая тюрьма мира» [1] и в последующих работах, основанных на подробном изучении мемуаристики польских ссыльных, приходит к выводу, что сибирская политическая каторга не носила истребительного характера и не была столь тяжкой, и даже труд уголовного каторжника середины XIX в. мало чем отличался от работы польского шахтера. Более того, разделяя точку зрения Э. Качинской, польский профессор Анна Брус

в одной из своих статей [2], также на основе мемуарных источников, описывает некую «каторжную Аркадию», особую атмосферу, созданную польскими политическими в Усолье в 60-х годах XIX в. при покровительстве местной администрации, где дворянская интеллигенция занята была интеллектуальным трудом, разбивала сады и даже устроила минеральные ванны для жителей Иркутска. Американский историк Эндрю Гентес, хорошо владеющий русским, но не знающий польского, а соответственно не знакомый с обширным мемуарным наследием польских каторжников и ссыльных, в своей монографии «Массовая депортация поляков», пытаясь доказать геноцид польского народа со стороны русского правительства, вынужден был капитулировать перед А. Брус. Не найдя никаких контраргументов, в качестве доказательства, что политические, и в том числе поляки, все-таки работали в Нерчинских рудниках, приводит строки из мемуаров Якубовича, где тот, якобы, в шахте, взирая на свет божий сквозь узкий просвет в штольне, орудует киркой, добывая руду. «Несмотря на то, – резюмирует Э. Гентес, – что он писал через несколько десятилетий после Январского восстания, его квазивымышленные мемуары описывают трудовой режим, подобный тому, который поляки испытали бы в 1860-х и 1870-х годах» [3 с. 161–162].

Не так давно в сборнике «Сибирская ссылка» были опубликованы статьи российских историков Е.В. Семенова [4] и А.В. Волочаевой [5], касающиеся каторжного труда, первая – политических, а вторая – уголовных преступников. Интересующая нас статья Е.В. Семенова посвящена каторжному труду на заводе, организованном в 1865 г. при сплаве на берегу р. Ингоды в д. Сивяково, близ г. Чита. Статья основана в большей степени на мемуарах Бенедикта Дыбовского [6], отбывавшего там каторгу. Несмотря на то что в данной работе автор не использует воспоминания П.Д. Баллода [7], который, будучи старостой политических каторжников, непосредственно занимался распределением на работы и подробнее знал саму организацию работ, а также упускает важное замечание графа Э. Чапского, еще одного из каторжников-мемуаристов, что до визита в Сивяково генерала-губернатора Восточной Сибири (ВС) М.С. Корсакова, т. е. весной 1866 г., каторжного, бесплатного труда как такового там не было, а работы были оплачиваемыми по найму [8 с. 282]; тем не менее автор справедливо замечает, что каторжные разряды: в рудники, крепости и заводы, для задолжания в работы, практически особой роли не играли [4 с. 341]. Сама статья замечательна тем, что концентрирует внимание на характере каторжного труда и создает задел на будущее тщательное изучение этой проблематики.

Так каков был каторжный труд? Был или не был? А если был, то носил ли он изнурительный, истребительный характер? В чем, собственно, он заключался?

Еще в 50-е годы XIX в. до начала ссылки 60-х годов нерчинская горная промышленность, находившаяся в руках Кабинета Его Императорского Величества (К.Е.И.В.), пришла в упадок ввиду истощения серебросвинцовых рудников. По амнистии 26 августа 1856 г. последние из оставшихся на каторге политические и государственные преступники вышли на поселение, рудники закрывались, казенные винокуренные и железоделательные заводы передавались в аренду частным лицам, и к началу 60-х годов уголовная каторга была сосредоточена уже на золотых промыслах. В 1864 г. К.Е.И.В. принадлежало 13 золотых приисков [9 с. 28], среди которых особое значение имели Карийские прииски, где и были сосредоточены уголовники.

Реформа каторжной системы ждала своей очереди наряду с другими реформами, намеченными правительством. Ею предусматривалось в первую очередь создание целостной пенитенциарной системы, сосредоточенной в Тюремном управлении при МВД. Реформа, кроме всего прочего, предполагала передачу Нерчинской каторги из горного ведомства в гражданское, введение оплаты за каторжный труд наравне с вольнонаемным как более эффективным, а также организацию специальных каторжных тюрем с внутритюремным каторжным трудом. Фактически каторжный контингент должен был выступать в виде наемной рабочей силы, что фактически предусматривало постепенное вытеснение каторжного труда из горной отрасли [ГА РФ, ф. 122, оп. 5, д. 3, л. 135–140об.].

Однако к началу 60-х годов каторга вновь наполняется одиночными государственными преступниками: В.А. Обручев, М.Л. Михайлов, А.А. Красовский, П.Д. Баллод, Н.Г. Чернышевский и др., а вспыхнувшее в январе 1863 г. польское восстание выплеснуло в восточно-сибирскую каторгу многочисленный отряд осужденных инсургентов под общим названием «политические преступники», и реформирование каторжной системы было отодвинуто на неопределенный срок. По данным С.В. Максимова, которые до сей поры ни подтвердить, ни опровергнуть никто из историков так и не смог, численность участников польского восстания, сосланных на каторгу, на 20 декабря 1866 г. составила 3894 человека [10 с. 179]. По данным же, полученным нами, с 3 января 1867 по 19 октября 1871 военно-судными комиссиями в каторгу было сослано еще 216 человек [ГА РФ, ф. 109, 1 эксп. III отд. 1863, оп. 38, д. 23, ч. 416, приложение 1, л. 416–502; приложение 2, л. 10–358], большей частью из так называемых повстанческих жандармов-вешателей,

причастных к убийствам и грабежам. Таким образом, выявленная численность политических осужденных на каторжные работы по польскому восстанию 1863–1864 гг. составляет на сегодняшний день 4110 человек.

В разгар подавления восстания в 1864 г. правительством изначально предполагалось, что число высланных на каторжные работы составит около 200–300 человек. Результаты превысили эти прогнозы почти в 15–20 раз. Но уже принятое правительством решение, высочайше утвержденное 12 мая 1864 г. [ГА РФ, ф. 109, 1 эксп. III отд. 1863, оп. 38, д. 23, ч. 341, лит. Е, л. 14], что все сосланные в Восточную Сибирь размещаются в Нерчинском горном округе в специально учрежденном с этой целью Временном комендантском управлении на Нерчинских заводах, должно было быть реализовано практически. Для чего, в виде временной меры, высочайше утвержденным положением Комитета министров от 1 мая 1864 г. в Восточную Сибирь, несмотря на сопротивление генерал-губернатора М.С. Корсакова, были направлены и политические преступники, осужденные в крепостные каторжные работы, с заменой таких работ на заводские без увеличения сроков наказания [ГА РФ, ф. 122, оп. 5, д. 1, л. 38–47об]. Ранее же до 60-х годов сосланные в крепости размещались в основном в крепостях Западной Сибири. Но сам казус заключается в том, что из архивных документов видно, что число вообще всех сосланных политических каторжных в Восточную Сибирь ни в 1866 г., ни в последующие годы не превышало более 3000 человек, и где растворились, куда были направлены более чем 1000 сосланных этой категории – остается загадкой. Но ни для 3000, а тем более для 4000 политических каторжников Главное управление Восточной Сибири (ГУВС) не имело ни материальных, ни финансовых средств, ни тюремных помещений и даже достаточного количества кандалов, не говоря уже о том, чтобы обеспечить их надлежащими каторжными работами согласно вынесенным приговорам. Более того, в Забайкалье на 1 января 1864 г. уже было сосредоточено на золотых промыслах до 3700 уголовников [11 с. 338]. Возводить тюрьмы и готовить магазины с припасами для неизвестно еще какого числа ссыльнокаторжных в короткое время у местной администрации тоже не было возможности.

Изыскивая всевозможные средства для выхода из создавшегося затруднительного положения по размещению политических ссыльнокаторжных, ГУВС распределяет каторжников по всей Восточной Сибири, в том числе во временно организованных для этой цели заводах: в Енисейской губернии: на Троицком солеваренном заводе; в Иркутской губернии: Иркутске (в Иркутской пересыльной тюрьме и в бывшем здании Казенной Палаты),

Иркутском и Устькутском солеваренных заводах, Александровском винокуренном заводе, в с. Голоустное, г. Верхоленске, в г. Киренске; в Забайкальской области: г. Чите в пересыльной тюрьме, в д. Кенон, д. Сивяково, д. Домна, д. Дарасун, с. Краснояроро, Муравьевской Гавани (близ г. Стретинск) и в системе Нерчинских рудников и заводов: Алгачинском, Акатуйском, Зерентуйском Кадаинском и Кличкинском рудниках; Александровском, Кутомарском и Петровском заводах, а также на Карийских приисках. В Забайкальскую область было выслано до 1500 человек [12 с. 116].

Устав о ссыльных делил каторжных на три разряда: 1) осужденные в рудники; 2) в крепости и 3) в заводы, в зависимости от тяжести преступления. Каждому разряду соответствовали и свои каторжные работы, т. е. собственно рудничные, крепостные и заводские. Смысл каторжного труда в целом по духу законов имел карательно-воспитательное значение, его экономическая целесообразность к эпохе реформ 60-х годов XIX в. виделась где-то на заднем плане, уступая перед высокими целями искупления преступного греха. Для политических каторжных, в том числе и государственных преступников, никаких изъятий из закона для употребления в работы не существовало, и согласно закону все они должны были быть употреблены в работы в соответствии с разрядом. Единственным условием для употребления их в работы требовалась изоляция от местного населения и уголовных каторжных, дабы они не распространяли среди них свои вредные революционные идеи. Согласно Уставу о ссыльных каторжники должны были работать ежедневно, в том числе и в воскресные дни, весь световой день с двухчасовым обеденным перерывом, и освобождались от работ только в несколько дней церковных праздников, в дни рождения и тезоименитства царствующих особ и цесаревича.

Вследствие вышеупомянутого решения Комитета министров в восточно-сибирской каторге предусматривалось для трех разрядов каторжных только два вида работ: рудничные и заводские. Рудничные работы предполагали: выдалбливание шпуров в штольне для закладки порохового заряда, выносу взорванной породы на поверхность, сортировку породы для выборки из нее годной для выплавки металлов руды, откачку воды из забоя, погрузка и доставка руды на завод для выплавки. Заводские работы на Нерчинских заводах состояли из подкатки руды к печам, выноске шлака и чистке печей. Крепостные работы сводились в основном к земляным работам в крепостях, считались законом по тяжести более тяжкими, чем заводские. Никаких правительственных решений по замене рудничных и заводских работ иными работами не было.

Какого же свойства работы фактически были организованы на рудниках и заводах Нерчинской каторги?

Нерчинский комендант генерал-майор М.С. Шилов, лично избранный на эту должность Александром II, прибывает из Петербурга на Нерчинские рудники в октябре 1864 г. В результате интриг и склок вокруг ответственности за политических преступников между Нерчинским комендантом Шиловым и ГУВС весь контингент политических ссыльнокаторжных был поделен на две категории: каторжных из привилегированных и непривилегированных сословий. Сосланные же в Забайкальскую область были поделены административным решением на две неравные части между комендантским управлением на Нерчинских заводах и военным губернатором Н.П. Дитмаром [13]. В ведении же военного губернатора Забайкальской области оставались большая часть политиков – до 1000 человек, размещенные в основном вне заводов Нерчинского горного округа, за исключением содержащихся в Петровском заводе и на Карийских приисках (не более 160 человек), основная масса, до 800 человек, была сосредоточена в д. Сивяково, до 100 в д. Домна, 40 человек в д. Дарасун и небольшие группы в г. Чите и ее пригородах. По смыслу Устава о ссыльных, в котором Нерчинские рудники определены как место ссылки для самых тяжких преступников, и по сути учрежденного комендантского управления в ведении коменданта на Нерчинских заводах стали сосредотачиваться сосланные в рудничные работы и наиболее важные с точки зрения правительства и ГУВС политические преступники из привилегированных, а также наиболее опасные и дерзкие, в том числе склонные к побегу, из низших сословий, но количество которых, из-за недостатка помещений, не превышало 400–600 человек (на 1 июня 1866 г. в ведении коменданта находились 387 человек [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 62], в июне 1867 г. – 538 [ГА РФ, ф. 109, 1 эксп. III отд. 1863, оп. 38, д. 23, ч. 341, лит. J, л. 266–266об.], на 1 сентября 1868 г. – 296 [ГА РФ, ф. 109, 1 эксп. III отд. 1863, оп. 38, д. 23, ч. 341, л. 391–393]). В управлении Нерчинского коменданта политические первоначально, с октября 1864 по 1866 гг., размещались в Алгачинском, Акатуевском, Зерентуйском, Кадаинском, Кличинском рудниках, в Александровском и Кутомарском заводах, а также в с. Красноярово, где были сосредоточены неспособные к труду: старые и увечные – до 100 человек.

Генерал-губернатор М.С. Корсаков предписывает только что прибывшему нерчинскому коменданту, следуя насущным потребностям по размещению политических и рекомендациям начальника Нерчинского горного правления, а также ввиду отсутствия рудничных и заводских работ, употребить, на первый раз, преступников

на постройку и ремонт тюремных помещений и прочих заданий, необходимых для будущего обустройства политических преступников на рудниках и заводах [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 1–1об.]. Тем самым Корсаков с первых шагов административно делал отступление от определенных законом каторжных работ.

М.С. Шилов рапортом от 30 ноября 1864 г. ответил генерал-губернатору следующим:

Употребление политических преступников на работы по устройству для них помещений, по моему мнению, большой пользы принести не может, потому что $\frac{3}{4}$ всего числа принадлежали до ссылки к привилегированным сословиям, и следовательно, люди эти совершенно не привыкли к тяжелым плотницким работам, требующим особого навыка, а разве могут только употребляться на работы легкие, как то: на оконпатку стен в деревянных постройках, подноску кирпича, глины и песка, а также и на вообще земляные работы, но только в течение весеннего и летнего времени [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 11–11об.].

Возражая Корсакову, Шилов, озадаченный употреблением в работы политических, вместе с тем, в поиске для них занятий, обращается с отношением в Горное правление:

Прошу Нерчинское Горное Правление сообщить мне сведение: могут ли быть задолжены рудничными и заводскими работами все политические преступники, назначенные в здешние рудники и заводы; а также, чем были заняты ссыльнокаторжные, не из политических преступников, в тех случаях, когда работы на заводах были в меньших размерах против числа рабочих [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 4].

На что он получил ответ от исправляющего должность помощника начальника Горного правления штабс-капитана Герасимова, который счел полезным, за неимением в Акатуевском руднике, Александровском и Кутомарском заводах никаких работ, покупать для арестантов и военной стражи провиант в круглом виде, т. е. ярицей, и перемалывать его ручными жерновами в муку руками политических преступников; но, не имея законных оснований к задолжанию их подобной работой, по своему свойству не относящейся ни к рудничным, ни к заводским работам, спрашивал разрешения Шилова [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 9–9об.]. Комендант, таким же административным порядком, дает одобрительное распоряжение, и в целях реализации этого предложения Горным правлением были закуплены ручные жернова и вместе с зерном доставлены в Нерчинские заводы и рудники для задолжания политиков в работы по

помолу зерна и производства муки для собственного потребления каторжников и войсковых команд. Ян Сивинский, первоначально отбывавший каторгу в Кличке, вспоминал:

Тамошные рудники заброшенные: шахты стоят пустые... Нас, однако, не использовали на работах в шахтах, но для нас были придуманы другие работы; все мы... работали на ручных жерновах. Мы должны были тогда за день смолоть по два пуда ржаного зерна! ...В двухстах шагах от наших казематов был деревянный дом, или точнее сарай, в котором в два ряда были выставлены жернова для шестидесяти человек, а посредине был коридор для прогулок дежурного подофицера, солдаты размещались при дверях. Мы приходили туда каждый день для этой работы и находили там уже приготовленное зерно. Каждый получал двухпудовый мешок, и начиналась музыка [14 с. 89–91].

Автор при этом утверждает, что за помол зерна им ничего не платили. Насколько долго продолжался этот помол именно в Кличке, точно сказать сложно, но 26 июня 1865 г. маркшейдер Акатуевского рудника, на которого было возложено исполнение этого экзотического каторжного труда, сообщает в Горное правление:

Нерчинское Горное Правление, от 22 ч[исла] Апреля сего года за № 2685 предписало мне, чтобы сушку казенной ярицы и перемол одной производить через содержащихся в тюремном помещении политических преступников. Вследствие чего мною было отпущено преступникам ярицы для сушки и перемол на муку в ручных жерновах 3 пуда 30 фунтов, которые продержав таковую более месяца и не хотели смолоть, не говоря уже о сушке, а хотя Г[осподин] Заведующий политическими преступниками имел настояние, чтобы производили бы сказанную работу по силам, но усилится с оными не как не мог; и они ярицу решились возвратить мне обратно, а тем более, что они на распоряжение Начальства не обращают должного внимания и совсем от молотья и сушки хлеба отказались... [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 30–31].

Политические так или иначе сопротивлялись казенному бесплатному труду, который местная администрация тем или иным путем пыталась внедрить в практику, как видно из приведенного выше рапорта. Но те, кому нужны были средства для жизни, были не против наемного труда, пусть и за незначительную плату, и даже настаивали, чтобы за труд им платили, ссылаясь на инструкцию, изданную самим же Шиловым. Заведующий Кличкинским рудником рапортом сообщает Шилову:

Политические преступники употребляются на горные работы в Кличкинском руднике с 17-го мая и просят моего ходатайства о выдаче им за горные работы плату и также за перемол хлеба 403-х пудов 14 $\frac{1}{2}$ фунтов, в Инструкции же 4-й пункт, где сказано о плате за работы получить особое распоряжение, но таковое мною не получено [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 36].

Поэтому Шилов обращается с отношением к Нерчинскому горному правлению, как к заказчику и организатору работ, с вопросом: есть ли платные работы, какие они и какова за них плата [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 12].

Горное правление отвечало:

Нерчинское Горное Правление имеет честь уведомить, что оно Заведующим Зерентуйским, Кадаинским, Кличкинским и Алгачинским рудниками предписало: содержащихся там политических преступников задолжать на вспомогательные работы, как то: подъем и откатку пород, отлив воды и на сортировку руд, а также на плотничные и столярные работы, сообразно их знания и искусства, производя им плату согласно сметного назначения на 1865 г., а именно: за подъем и откатку пород 54 руб., за отлив воды ручными насосами 64 руб. 80 коп., за сортировку руд 24 руб., за плотничные и столярные работы по 108 руб. в год, с таким условием, если политические преступники будут выполнять полные уроки, а в случае не отработки уроков, рассчитывать их по качеству произведенной работы, на основании Высочайше утвержденных урочных положений [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 13–13об.].

Главным каторжным трудом на рудниках и заводах Нерчинского горного округа становится сортировка рудных куч прошлых лет, т. е. выборка из отвалов горной породы, годной для выплавки руды. Такие работы производились в Алгачинском, Акатуевском, Зерентуйском, Кадаинском, Кличинском рудниках и в Кутомарском заводе. Били и сортировали руду и в Петровском заводе. Но дворяне, интеллигенция и ксендзы, заполнившие рудники, непривыкшие к физическому труду и ничего не понимающие в горных работах, не знающие и не желающие знать, как отличить пустую породу от рудосодержащей, представляли собой абсолютно непроизводительную рабочую силу, и мало-помалу, с увеличением каторжных политиков, работы просто не было, процесс сортировки превращался в пустые фиктивные отчеты заведующих политическими преступниками о количестве пересортированных пудов породы, с перекладыванием ее из одной кучи в другую, а выходы на работы политиков – в обычный моцион для поддержания своего здоровья на свежем воздухе.

3 июля 1865 г. заведующий политическими преступниками в Алгачинском руднике прапорщик Мамонтов доносит рапортом Шилову:

Доношу Вашему Превосходительству, что полит[ические] преступники, в продолжении недели, вели себя порядочно. Больных было 4 челов[ека]. На работу выходили каждый день, средним числом 14 челов[ек]. И при сем прибавляю, что работа идет очень мерзко, и заставить их, нет никакой возможности, все отговариваются непривычкою и нездоровьем. Работу их можно видеть из того, что в 4 часа, которые они находятся на руднике, сортируют руды, только 1½ или 2 ф., что сравнительно с 8 пуд., по урочному положению, – очень мало [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 2, л. 34–34об.].

Политический каторжный француз Э. Андреоли вспоминал о своем пребывании в Петровском заводе:

Мало-помалу мы отказываемся выходить на работу: у одного скорбут, у другого лихорадка, и многие имеют увечья. Наконец, наступает день, когда только двое выходят на работы и идут поздно. Директору незамедлительно сообщили об этом. Он приказал нам отправляться в 8. Мы на 2 часа позже [23 с. 58–59].

Э. Чапский, находившийся в то время в Петровском заводе вместе с Андреоли, вспоминал о ситуации с работами более спокойно, без надрыва:

Утром мы читали письма и учились, если не выпадала наша очередь чистить картошку либо брюкву на кухне; после обеда, очень скромного и не очень чисто приготовленного, мы отправлялись на прогулку, чтобы вдохнуть свежий воздух; но невозможно было найти какой-либо иной причины, как пойти бить железную руду. Желаящие шли на помощь тем коллегам, которые за небольшую плату били весь день железным молотом эту руду.

В мае мы начали ходить в лес под видом дороги на работу, которую нарисовал Марчевский, а той работой жили бедные товарищи. Выходя вместе с ними в 5 часов утра, приходилось сидеть в лесу целый день, чтобы вернуться вместе с рабочими и конвоем [8 с. 277].

Людвиг Зелёнка, отбывавший каторгу в Кадаинском руднике, вторил Э. Чапскому, вспоминая:

Мы, выходя якобы на работу бить руду, которую вообще делать не собирались, а больше для того, чтобы подышать свежим воздухом и прогуляться... Наш комендант Шостаков постоянно заботился о нас,

чтобы с нами ничего не случилось, потому на наши беспрестанные просьбы, чтобы дозволил нам обследовать подземные шахты, отвечал, что он есть ответственный за каждого из нас, поэтому опасается нас туда пускать, чтобы с кем-нибудь не случилось какого-нибудь несчастья [16 с. 97–98].

Оплачивались ли на Нерчинских рудниках когда-нибудь казенные какие-либо работы, не подтверждается на сегодняшний день ни архивными документами, ни мемуаристами. Напротив, в заводах под началом военного губернатора Забайкальской области, в Петровском заводе и д. Сивяково, работы до 1866 г. носили в основном характер наемного труда, что находит подтверждение в мемуарных источниках.

Как вспоминал Б. Дыбовский, отбывавший каторгу в д. Сивяково, к казенным работам

...принадлежало огромное количество разнообразных занятий, которые здесь перечислять не стоит, так что скажу только о самых важных: а) столярные, б) плотничские; с) кузнечные, d) слесарные. На эти четыре вида работ принимались люди знакомые с занятием; кроме назначенных по очереди, могли идти и другие, добровольно, тем платили определенную согласованную цену поденно. Каждый, идущий в свою очередь, имел рабочий репсум, кто больше заданного объема работы выполнял, получал денежное вознаграждение... Для всех других работ не требовались профессиональные знания; так, например: e) расплетение судовых канатов, порезанных на куски; что служило материалом для «конопатки», т. е. для конопачения щелей в баржах; f) извлечение из реки бревен, пригнанными паромами; g) своз бревен и укладка их в штабеля для просушки; h) переноска досок и укладка их в штабеля; i) «очистка» берега реки... Для работ в то время не вызывали ежедневно всех; лишь часть заключенных выходили по очереди, эта очередь была, как правило, нерегулярно, наступала через несколько дней, а иногда раз в неделю» [6 с. 88–90].

Все эти перечисленные Дыбовским работы были сезонными, на которые ходили по очереди раз в три-четыре дня, а последние (e, f, g, h, i) эпизодическими. Э. Чапский, о чем упоминали выше, замечал, что собственно казенных бесплатных работ не было до 1866 г. Даже настоящие каторжные работы на Каре, где также работали политические (в 1868 г. из них там было 56 человек [16 с. 338]), длились более полугода.

В 1866 г. генерал-губернатором Корсаковым были предприняты попытки поднять экономическую эффективность каторги.

Для чего более тысячи политических были выведены на строительство дорог: в Иркутской губернии: Кругобайкальского тракта, дорог в Киренске, Верхоленске; в Енисейской губернии: в Троицке; и в Забайкальской области на устройство Беклемишевского тракта. На Нерчинской каторге в Александровском заводе, где совсем никаких работ не было, заключенные были направлены на ремонт и обустройство тюрем. При этом важным требованием значилось, чтобы на работы выходило не менее трети заключенных. Не смотря на послабления и монаршие милости апрельского манифеста 1866 г., эта кампания закончилась Кругобайкальским восстанием польских политических каторжников 24 июня – 25 июля 1866 г.

Значительное снижение населения политической каторги по итогам высочайше даруемых последовательно облегчений и амнистий 16 апреля 1866 г., 28 октября 1866 г., 25 мая 1868 г. и 13 мая 1871 г. свело проблему по содержанию и употреблению политических в каторжную работу практически на нет. После ликвидации 1 января 1874 г. комендантского управления на Нерчинских заводах остатки политических, по преимуществу повторно осужденных за Кругобайкальское восстание, были переведены на Карийские промыслы [18 с. 121]. По состоянию на октябрь 1875 г. список политических на Каре включал в себя 60 человек и двух государственных преступников Николая Ишутина и Петра Успенского [ГА РФ, ф. 29, оп. 6, д. 255, л. 39об.–49].

Заключение

Таким образом, архивные и мемуарные источники свидетельствуют о том, что на политической Нерчинской каторге в исследуемый нами период:

- 1) по ряду вышеизложенных объективных причин была абсолютно невозможна полномасштабная организация каторжного труда в соответствии с приговорами;
- 2) имел место и широко использовался наемный труд вместо казенного, бесплатного, на который задействовались в основном каторжники из низших сословий, с оплатой труда в 20–26 коп. поденно [16 с. 40];
- 3) пожалуй, что единственным каторжным трудом, соответствующим по закону рудничным работам, была сортировка руды и работы на Карийских приисках, а работы соответствующие заводским отсутствовали;

- 4) объем производимой каторжной работы устанавливался по урочному положению, но тот редко когда выполнялся;
- 5) взамен рудничных и заводских работ администрация заставляла каторжных политиков на любые возможные работы, в том числе совсем экзотические, как, к примеру, помол зерна на ручных жерновах;
- 6) никакого труда под землей внутри шахт не было, в том числе и ввиду полного отсутствия в его необходимости и в видах безопасности;
- 7) на работы ежедневно выводилось не более трети или четверти, а то и менее, от общего числа каторжников, и таким образом с учетом, что ритм этот неизменно сохранялся, трудовая повинность политического каторжного состояла из двух поденщин в неделю. Но так как работы велись на воздухе, то с наступлением морозов ниже -25 градусов, в соответствии с рабочим положением, на работы вообще не выводили, и каторжник в год имел менее 100 рабочих дней или поденщин. Тем более, что ни о каком 12-часовом рабочем дне говорить не приходится (что несопоставимо в целом с трудом вольнонаемного шахтера или горно-заводского рабочего в середине XIX в.). Каторжное население по большей части превращалось в тюремных сидельцев. Лучшая часть из них заполняла время самообразованием, худшая – картами и пьянством, проблем с доставкой водки в тюрьмы не существовало;
- 8) часто и сама работа была фиктивной, только на бумаге: за небольшую мзду от каторжников нарядчик закрывал объем работ вдесятеро, на несколько месяцев вперед [7, с. 163];
- 9) никакого беспробудно изнурительно труда, уничтожающего физически человека, по мемуарным и архивным источникам не прослеживается, и об экономической целесообразности и эффективности политической каторги говорить не приходится, политическая каторга не носила истребительного характера;
- 10) если говорить о характере всех видов труда каторжников, существовавших на Нерчинской каторге, то условно их можно разделить на следующие группы: а) каторжные работы (бесплатные за плакат); б) по найму со сдельной или поденной оплатой; в) хозяйственные для поддержания собственного быта; г) коммерческие или предпринимательские;
- 11) тяжесть, или скорее тягостность, политической каторги состояла не столько и даже вовсе не в физических, сколько в душевных и моральных страданиях и мучениях политиков,

что в свою очередь, часто вызывало у них депрессию и душевные расстройства, а порой и сумасшествие.

Государственный преступник П.Д. Баллод, отбывавший свое наказание в д. Сивяково, Акатуевском руднике и Александровском заводе с 1864 по 1870 г., так завершал в своих воспоминаниях рассказ о каторге:

Теперь вы, надеюсь, имеете понятие о том, какая была наша каторга. – Много, вероятно, нашлось бы людей, которые не прочь были бы, после долгой, тяжелой из-за куска хлеба жизни, попасть в такую каторгу для отдыха. Но мы, очутившиеся там, в громадном большинстве были люди молодые, здоровые и сильные, и нас страшно томила эта каторга, особенно отсутствием дела, труда. Некоторым из нас такая жизнь казалась не только бесполезной, но даже преступной. Такие чувства, несомненно, были у лучших из заключенных [7, с. 164].

Литература

---

1. *Kaczyńska E.* Syberia największe więzienie świata, Warszawa: Gryf, 1991. 385 s.
2. *Brus A.* ...Et in Arcadia ego... Polish Exiles at Usol in Siberia after the January 1863 Uprising / Transl. J. Dorosz // *Acta Poloniae Historica*. 2009. № 100. P. 113–131.
3. *Gentes A.A.* The mass deportation of poles to Siberia, 1863–1880. Alstead, NH, USA: Palgrave Macmillan, 2017. 262 p.
4. *Семенов Е.В.* Каторжные работы польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении // *Сибирская ссылка*. Вып. 8 (20). Иркутск: Отгиск, 2017. С. 340–348.
5. *Волочаева А.В.* Виды труда на Нерчинской каторге во второй половине XIX в. // *Сибирская ссылка*. Вып. 6 (18). Иркутск: Отгиск, 2011. С. 237–257.
6. *Dybowski B.* Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Zakad narodowy imienia Ossolińskich, 1930. 627 s.
7. *Баллод П.Д.* Из жизни в Нерчинских рудниках в 60-х годах: (Воспоминания) // Велескали П.И. Революционер-демократ П.Д. Баллод, Рига: Зинатне, 1987. С. 142–169.
8. *Czapski E.* Pamiętniki sybiraka. Londyn: B. Świdorski, 1964. 371 s.
9. *Игнаткин Ю.А.* Очерки золотого Забайкалья. Чита: АНО ЦНОП, 2004. 99 с.
10. *Максимов С.В.* Сибирь и каторга // Максимов С.В. Сочинения: В 7 т. М.: Книговек, 2010. Т. 2. 638 с.
11. *Волочаева А.В.* Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века // *Сибирская ссылка*. Вып. 5 (17). Иркутск: Отгиск, 2009. С. 336–372.
12. *Skok H.* Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 335 s.

13. Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864–1874) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 10. Иркутск: Изд. ИГУ, 1987. С. 101–121.
14. *Siwiński J.* Katorżnik czuli pamiętniki sybiraka, Kraków: Spółka wydawnicza Polska, 1905. S. 89–91.
15. *Andreoli E.* Diario di Emilio Andreoli // Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Istituto Italiano d'Arti Grafiche, 1936. P. 37–69, 73–102, 104–107, 151–152.
16. *Zielonka L.J.* Wspomnienia z Syberyi od roku 1863–1869, Kraków: Spółka wydawnicza Polska, 1906. 315 s.

References

---

1. Kaczyńska E. Syberia największe więzienie świata. Warsaw: Gryf, 1991. 385 s.
2. Brus A. ...Et in Arcadia ego... Polish Exiles at Usol in Siberia after the January 1863 Uprising. *Acta Poloniae Historica*. 2009;100:113-31.
3. Gentes AA. The mass deportation of poles to Siberia, 1863–1880. Alstead, NH, USA: Palgrave Macmillan, 2017. 262 p.
4. Semenov EV. Forced labor by Polish exiles in the Siviakovskiy prison premises V: *Siberian exile*. Issue 8. Irkutsk: ISU Publ.; 2017. p. 340–348. (In Russ.)
5. Volochaeva AV. Types of labor in the Nerchinsk penal servitude in the second half of the 19th century. V: *Siberian exile*. Issue 6 (18). Irkutsk: Ottisk Publ.; 2011. p. 237-57. (In Russ.)
6. Dybowski B. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Zakad narodowy imienia Ossolińskich, 1930. 627 s.
7. Ballod PD. From life in the Nerchinsk mines in the 60's (Memoirs). V: Veleskali PI. *Revolutionary Democrat P.D. Ballod*. Riga: Zinatne Publ.; 1987. p. 142-69. (In Russ.)
8. Chapsky E. Pamiętniki sybiraka, Londyn: B. Świdorski, 1964. 371 s.
9. Ignatkin YA. Essays of the Golden Transbaikalia. Chita: ANO TsNOP Publ.; 2004. 99 p. (In Russ.)
10. Maksimov SV. Siberia and penal servitude // Maksimov S. Works. 7 vol. Moscow: Knigovek Publ.; 2010. Vol. 2. 638 p. (In Russ.)
11. Volochaeva AV. The number and composition of criminals in Nerchinsk criminal penal servitude in the second half of the 19th century. V: *Siberian exile*. Issue 5. Irkutsk: ISU Publ.; 2009. p. 336–372. (In Russ.)
12. Skok H. Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 335 s.
13. Kler LS., Shostakovich BS. The second commandant control at the Nerchinsk factories (1864–1874). V: *Revolutionary exile in Siberia*. Issue 10. Irkutsk: ISU Publ.; 1987. p. 101–121. (In Russ.)
14. Siwinski J. Katorżnik czuli pamiętniki sybiraka, Kraków: Spółka wydawnicza Polska, 1905. 210 s.

15. Andreoli E. Diario di Emilio Andreoli // Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Instiuto Italiano d'Arti Grafiche, 1936. p. 37-69, 73-102, 104-107, 151-152.
16. Zielonka LJ. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863-1869, Kraków: Spolka wydawnicza Polska, 1906. 315 s.

Информация об авторе

Алексей С. Гулин, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; asgulin@mail.ru

Information about the author

Aleksey S. Gulin, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; asgulin@mail.ru

УДК 821(470)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-252-285

Метафизика гностического мироощущения
в эпоху раннего модернизма:
на примере творчества Марка Криницкого

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация: Автор анализирует гностицизм раннего модернизма на примере литературных произведений писателя Марка Криницкого (1874–1952). В ходе реконструкции выявляются основные мотивы, соединяющие гностическое мировоззрение с литературными приемами писателя-модерниста, для которого повседневность быта, узнаваемая повторяемость жизни как единственная реальность, обремененная верой в материальную сущность мироздания, является самым страшным врагом, какой только возможен для личности, имеющей в душе веру в бессмертный дух.

Ключевые слова: модернизм, гностицизм, мистицизм, Серебряный век, Валерий Брюсов, Марк Криницкий

Для цитирования: Юрганов А.Л. Метафизика гностического мироощущения в эпоху раннего модернизма: на примере творчества Марка Криницкого // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 252–285. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-252-285

Metaphysics of the Gnostic Worldview
in the era of early modernism
Using the example of Mark Krinitsky

Andrei L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
iurganov@yandex.ru*

Abstract: The author analyzes the Gnosticism of early modernism on the example of literary works of the writer Mark Krinitsky (1874–1952). During the reconstruction, the main motives connecting the Gnostic worldview with the literary techniques of the modernist writer are revealed, for which the daily routine of life, recognizable repetition of life as the only reality burdened with

faith in the material essence of the universe, is the most terrible enemy possible for a person who has faith in his soul into an immortal spirit.

Key words: modernism, gnosticism, mysticism, Silver Age, Valery Bryusov, Mark Krinitsky

For citation: Iurganov AL. Metaphysics of the Gnostic Worldview in the era of early modernism. Using the example of Mark Krinitsky. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*. 2018;6:252-85. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-252-285

Гностицизм обычно рассматривают как в узком аспекте, историческом, применительно к истории раннего христианства (учения Василида, Валентина, офитов, каинитов, наасенов), так и в широком, относящемся к разным периодам в истории мировой культуры. Исторический контекст гностицизма во многом определяет собой содержание последующих филиаций, но никогда им не исчерпывается.

Особенно интересно, что гностицизм не только типологически, но и в смысле прямых заимствований, воскресает в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX в. Владимир Соловьев писал, что в гностицизме и каббале больше мудрости, чем во всей новоевропейской философии. Русский философ классифицировал сущностные характеристики гностицизма и представил их тремя группами признаков. К первой группе он относил существенную для гностицизма «непримиримость между... Божеством и миром»; ко второй группе – дуализм («мир признается прямо злонамеренным созданием антибожественных сил»); к третьей – противоположность между добрым и злым творением, между злым и добрым законом. Он отмечал также, что для всех гностиков, без исключения, источник зла – в мире материальном¹.

---

¹ Хотя эти характеристики Соловьева, насколько я знаю, никто особенно не оспаривал, обратимся к более современной классификации – и более подробной. Это классификация Е. Торчинова, данная им в предисловии к публикации на русском языке книги выдающего специалиста по гностицизму Г. Йонаса. Он предложил такую опознавательную систему, в которой аккумулируется весь гностический опыт столетий: 1) установка на принципиальный эзотеризм; 2) весь видимый материальный мир – зло, это темница духа, поработанных материей и аффектами частиц божественного света, оказавшихся во власти небытия и хаоса; 3) чувственный мир есть результат трагической ошибки, трагедии в Абсолюте, или вторжения сил мрака в миры света; 4) мифологизм языка описания;

Был ли, например, Валерий Брюсов гностиком? На этот вопрос в научной литературе нет однозначного ответа. И даже когда его вписывают в ряд «дьяволов» «Серебряного века», то и тогда его не всегда определяют как гностика...

Из всего сказанного о гностицизме следует, что без некоторых ключевых компонентов мировоззрения говорить о гностицизме нельзя. Иначе любую тираду, опирающуюся на двойственность, можно будет безапелляционно определять как гностическую. Очевидно, что гностицизм специфичен и проявляет себя только в особых случаях, когда возникает не просто дуализм, признающий два противоположных начала в бытии, но признающий два непримиримых начала абсолютного добра и абсолютного зла. Мир земной (материальный) лишен божественных энергий, лишен благодати Божьей. Человек в этой ситуации испытывает тоску по горнему миру, который совершенно недоступен, человек не может жить в условиях лишенности, обделенности и ищет свой путь на Небо в иррациональных попытках понять невозможное, немислимое (это познание не благодаря, но вопреки всему). Дуализм, подчеркнем особо, здесь становится убеждением, мыслительной моделью, без которой невозможно духовное существование.

С.Л. Слободнюк в своей книге «Дьяволы Серебряного века (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.)» несколько раз повторяет, что «...в чисто гносеологическом плане можно с полной уверенностью заявить: в основании брюсовской гносеологии лежит абсолютный дуализм» [2 с. 109].

Но Брюсов прямо и непосредственно ответил на все вопросы о природе своих метафизических воззрений: не в поэтической форме и не в романе «Огненный ангел», а в своей статье «Истины», опубликованной в альманахе «Северные цветы» на 1901 год. Из нее безусловно следует, что поэт был категорическим противником любого философского императива, противником любого мировоззренческого принципа, из которого бы выводились все объяснения мира, жизни человека, высших сил. Абсолютный плюрализм с релятивистским содержанием был его истинной душой. Парадокс заключается в том, что для Брюсова дуализм – безусловно истина, но лишь в той мере, в какой

---

5) представление о спасении как полном избавлении от материальности и уходе из чувственного космоса; 6) спасение достигается через практику строжайшего аскетизма; 7) ведущее настроение гностицизма – чувство экзистенциальной разорванности человека, его затерянности в злом и чуждом материальном мире [1 с. 5–7].

истинна и противоположная точка зрения, которая исключает дуализм².

Гностицизм требует от человека жертв, стремясь принять в свое лоно всего человека, стать его душой, свободой, мыслью. Брюсов мог принадлежать чему угодно, а мог и не принадлежать, – в центре его философии он сам со своими желаниями, привычками, мыслями. Если и был в его философии дуализм, то лишь как следствие четкого отделения себя – Вселенной, себя – Космоса (монады) от всего кажущегося, иллюзорного (мирского и небесного). В своем отношении к Богу он был скорее деистом, чем гностиком-дуалистом. Да, он признавал мыслящий и бесконечный мир, но не как мир Божий, имеющий промыслительное значение (его формула «единое начало есть небытие, единство истин есть бессмыслие» говорит сама за себя); он признавал дух бесконечный, но не как Дух Божий (явление Божьей силы).

Но главное – в своих колебаниях он в разное время склонялся то к одной истине, то к другой – из этого никак не следует, что у него была определенная мировоззренческая позиция («абсолютный дуализм»).

---

² Брюсов писал: «Множественность начал – вот третья аксиома мышления... Надо лишь сознать, что все возможные мирозозерцания равно истинны; надо, найдя свою истину, не удовлетворяться, а искать еще. Мысль – вечный Агасфер... Истина получает ценность, лишь когда становится частью возможного мирозозерцания. Но в то же время она становится оспоримой, по крайней мере, является возможность спорить о ней. “Все в мире имеет свою причину” вот истина, но и противоположное утверждение: причина есть категория рассудка – тоже истина. Мало того, ценная истина непременно имеет прямо противоположную, соответствующую ей истину; иначе сказать – суждение, прямо противоположное истине, в свою очередь истинно... Круг мыслей, к которому склонны астрономы, приводит нас к знанию, что солнечный мир – ничтожная часть даже нами наблюдаемой вселенной, что земля – ничтожная пылинка в солнечной системе, а человек временная плесень на земле... “Я емь явление природы” – вот истина, открываемая этим путем. Но круг мыслей, внушаемых идеалистической философией, объясняет нам, что законы природы и все мироустройство (поскольку оно доступно нашему размышлению, т. е. поскольку оно существует для нашей мысли) – основано на трансцендентно-субъективных свойствах нашего духа, что природе законы предписывает человек, что мир, как мы его знаем, создан нами. “Мир есть мое представление” – вот истина, противоречащая первой, но равноценная ей» [З с. 190–192].

В жизни и творчестве друга Валерия Брюсова, Михаила Владимировича Самыгина, а впоследствии писателя Марка Криницкого (1874–1952), мировоззренческий гностицизм (совокупившись с символизмом) был прочно укоренен. Тут важно подчеркнуть, что Брюсов и Криницкий не только дружили, но и отчаянно спорили между собой, особенно в 1898 г., о самых важных проблемах философии познания, об эстетике, и затрагивали наиболее существенные вопросы рождающегося вот-вот модернизма. Их насыщенная переписка – наиболее раннее свидетельство духовных поисков модернистов...

Итак, Брюсов – не гностик: это очевидно. Чего не скажешь о Марке Криницком. Обратимся к его раннему творчеству.

Рассмотрим системообразующие мотивы, характеризующие гностицизм раннего модернизма.

Эзотеризм как установка. Мифо-поэтический язык

Марк Криницкий как писатель создавал литературные образы для того, чтобы передать через их индивидуальность содержание своей психической реальности... по неприятию мира с его правилами и законами, привычками и насилием, с его неумолимой логикой подчинения себе личности. Криницкий не принимал мир сей и потому его литературные герои не могли выражать привычную реальность, они в высшей степени иррациональны и символичны, в их условности (и неопределенности) – сцепление многих личных ощущений внутреннего «Я», которые не поддаются полному словесному объяснению. Расчет был в том, чтобы читатель ощутил это «сцепление» в себе (=принцип символизма). Но всякий ли читатель был способен на такое глубокое понимание символов Криницкого? Судя по отзывам рецензентов из «Русского богатства», далеко не всякий. Только тот, кто был проникнут подобным же мистическим настроением и нуждался в подобной литературной продукции. Криницкий как писатель был обращен к аудитории, способной воспринимать условность символов, условность образов и не требовать больше того, что может дать мистическое переживание отвергаемой действительности.

Один из самых ярких символических рассказов Криницкого – «Часы» из сборника «Цветы репейника» (1899). Героиня рассказа Элли не принимает окружающий материальный мир как таковой, но воспринимает его как нечто сугубо символическое, иноприродное, и ее муж, вполне обычный человек, совершенно не понимает

своей молодой жены; он страдает, мучается от того, что не угадывает ее нетипичных объяснений типичного:

Ты меня не понимаешь... Я знаю... Я люблю вещи, хотя не вижу их и не знаю их... Ну, вот и цветок! Он мне напоминает меня, хотя мне все вещи напоминают меня: я вижу себя всюду, и все кажется мне сочувствующим и напоминающим меня... Впрочем, может быть, я сумасшедшая? Ах, мальчик, если бы ты знал, что делается со мною? О, если бы ты понял меня. Мне так здесь скучно, жизнь так убийственна долга, и всем кругом так серо и бедно. Скажи, мальчик, отчего ты не любишь мечтать, отчего ты так спокоен и скучен?.. [4 с. 39].

Конфликт духа, поднявшегося над материей, и души, укорененной в несвободе материального мира, – типичный во внутренней реальности «Я» писателя. Душа не способна увидеть звезды на небе и удивиться – только дух, свободный от привычки жить по привычке, может увидеть в любой вещи символ собственной жизни. «Мечты» – иррациональное основание познания, гнозис, по Криницкому. Воображение – путь в мир совершенный, где нет страданий и духовных лишений.

Так жила Элли:

Легким мановением она отстранила от себя докучливый рой сомнений, горестей, разочарований и смело вступала в мир дивной сказки, которую беспрестанно ей ткало ее воображение... [4 с. 40].

У мужа не могло не возникнуть предчувствия трагической развязки:

Так жили мы, и сердце мое мучилось тяжелым предчувствием. Я знал, что за гордые мечты на этой планете существует одно наказание – смерть!

Он знал, что «жизнь» одолеет!.. Но что именно одолеет? Криницкий не дает ответа. Это остается в области полной неопределенности – чувствующий «тоску» и так поймет, а кто не чувствует ее – тому и понимать не надо.

Однажды в одно из тех бледных утр, когда над всем господствует безжизненный, холодный полусумрак, она разбудила меня легким криком. Ее глаза смотрели широко и удивленно, а побелевшие губы шептали какую-то мольбу. На мои исступленные вопросы она только поникала головой и безучастно твердила:

– Да... да...

Напрасно я ей шептал горячие слова утешения, напрасно заклинал всем святым, умоляя успокоиться – она в своей немой, безграничной скорби не знала утешений. Желая разогнать серый, угрюмый сумрак, я засветил лампу; но когда ее желтоватые лучи смешались с предрассветными красками, образуя за холодными стеклами рам светло-синий сумрак, ее черты отразили еще большее страдание, и она простонала:

– Не надо!..

Я потушил лампу.

– Послушай, – сказала Элли, – я страстно ожидаю рассвета... Оденемся скорее и выйдем за город: там мы скорее увидим солнце, потому что здесь его закрывают дома... [4 с. 40–41]

Солнце – символ другой жизни, противостоящей мраку, который окутывает героев рассказа. Элли хочется не просто солнца как физического света, в солнечном свете она ждет избавления от обыденности. Это – немотивированный протест. Но символический по сути: потому что жизнь – скучная, долгая и невыносимая вещь, а с первыми лучами света появляется надежда, что все-таки произойдет победа чистого духа над бренностью. В описании окружающей среды Криницкий почти всегда употребляет такие образы, которые навевают сильнейшую тоску: дороги кривые и грязные, улицы темные и страшные, дома пугающие и всесильные... Всюду материя в ее космическо-погибельном виде.

– Тише, – сказала Элли, приложив палец к губам и остановившись. Снова ответом ей было безмолвие. Она стояла и жадно прислушивалась и, по мере того, как заря разгоралась чахлым румянцем, ее лицо выражало все большее и большее страдание.

Наконец, видимо отчаявшись, она сказала:

– Пойдем, сейчас она не придет [4 с. 42].

Кто же это, таинственная «она»? По ходу рассказа нетрудно догадаться, что Элли ждет своего ухода из ненавистного мира. Будет ли это мистическое перевоплощение духа, или просто придет смерть – сказать трудно. Никаких разъяснений. Это нужно чувствовать. Особым образом постигать возможность ухода из мира, и привычное понятие смерти здесь не подходит, потому что речь идет о переходе в другую реальность, с другими свойствами... При помощи мечты...

Вечером муж вернулся с работы и увидел, что Элли нет дома.

Я догадался, что она ушла за город на место свидания со своею мечтою... Мне вспомнились слова Элли, что она будет ждать ее только два раза. А я знал, что значит ждать в последний раз!..

Он нашел Элли в том же месте, за городом:

Ты здесь? – спросила она меня, радостно засверкав глазами, – мне нужно серьезно поговорить с тобою.

Она замялась.

– Видишь, добрый мальчик, я уезжаю... от тебя...

Сердце мое сжалось вторично тяжелым предчувствием. Зачем она так верила? О, я знал, что она не выдержит: мечты не приходят за нами.

– Элли, – сказал я, – скажи ей, пусть она не приходит! Ведь если она возьмет у меня тебя, я останусь один!

– Ах, какой ты смешной, – возразила она, – неужели ты думаешь, что я создана для того, чтобы жить в твоей комнате? Я все время ждала ее... Ну, полно, успокойся же, не плачь... Мне хочется расстаться с тобой светло и радостно [4 с. 43].

Несчастный муж чувствовал ее чуждость и даже понимал, что она удивительным образом способна видеть истинную природу вещей вопреки окружавшей их убогой материальной действительности. Он понимал, что он – только часть этой убогой действительности и сокрушался от осознания того, что она не любит его и даже не пытается его идеализировать:

...она умела видеть истинную природу вещей, идеализируя их убогую действительность, но моя душа была для нее совершенно чуждым и темным уголком. Она не любила меня, она не видела меня, не знала меня. Часто я плакал втихомолку, спрашивал себя о причине такой упорной холодности. Или во мне она не видела ничего идеального, того, что делает вечным и дивным всякую вещь? Или я был хуже последнего лоскутка полинялой материи?.. [4 с. 38]

Он – укорененная часть материального мира, порождение мира, плоть мира. Она – отрицание мира, духовное умозрение, не способное к примирению с материей.

Ты всегда такой, – шептала она, склонив надо мной свою бледную белокурую головку, – далеки друг от друга, как звезды разных полушарий... Отчего?..

И широко раскрытые глаза ее отражали бесконечную печаль и удивление. Но Элли слишком любила свои грезы, чтобы глубокая печаль могла разбить ее сердце. Легким мановением она отстраняла от себя докучливый рой сомнений, горестей, разочарований и смело

вступала в мир дивной сказки, которую беспрестанно ей ткало ее воображение [4 с. 40].

Он увидел, как она жаждет... «улететь». Она не могла говорить с ним на привычном языке, выражающем привычную реальность; она воспринимала подлинную сущность вещей, и потому обычная (в материальном мире) «смерть» ей была чужда. Смерть как полет, как уход от бренности мира, как символический жест в лоне природы – вот что движет ею перед тем, как навсегда расстаться с ненавистой ей реальностью пошлого быта:

– Я не могу: я должна покинуть землю... Прощай!

Последний раз блеснул край солнечного диска за горизонтом, и оно скрылось. Спасенья не было. Я взглянул на Элли. Луч бесконечной гордой веры сверкнул в ее глазах.

– Все кончено... Прощай! – крикнула она мне второпях и с диким восторгом оглянулась на свои плечи.

– Пора! Летим! – крикнула она затем вдохновенным голосом и протянула руки в пространство.

Я закрыл глаза и потупился. Прошла бесконечно долгая минута. Я боялся поднять взор.

Но ничего не случилось... Чуда не произошло.

Она лежала ничком, без движения... Я наклонился к ней и тронул ее за плечо.

– Элли...

Она приподнялась и посмотрела на меня страшными расширенными глазами.

– Она не придет, потому что ее нету... и у людей не отрастут крылья... Понимаешь?

Я понимал ее.

– Я осуждена. Я должна весь остаток своей жизни прожить в твоей комнате и...

Она бросилась опять ничком в траву и закричала долгим, пронзительным криком... Так кричат чайки над унылым, неприятным взморьем или подстреленные зайцы... Отдаленное эхо где-то ответило ей равнодушным стоном. Вслед затем новые страшные и раздражающие душу крики огласили окрестность. В приступе дикого отчаяния она каталась и билась на колючей прошлогодней траве, ломала руки и кусала пальцы, царапала в безумной злобе землю. Но мало-помалу ее движения сделались покойнее, и наконец она затихла [4 с. 44–45].

На землю опускался сумрак. Они сидели долго, долго. Он знал, что ее утешить нельзя. Были слышны паровозные гудки и страшный крик паровозных свистков...

– Успокой меня... мальчик... Я потерялась... Я буду тебя любить и всю жизнь проживу в твоей бедной комнатке... Я умираю... Уверь меня... Спаси, спаси...

Я почувствовал на своем лице ее неумелый, робкий, дрожащий поцелуй. Она не целовала, а как-то искала всем своим похолодевшим, влажным, полураскрытым ртом по всему моему лицу. Ее бессильные руки силились обнять меня, но вместо того падали, как плети, и бесильно бились вокруг ее помертвевшего тельца <...>

– Элли! Успокойся, моя звездочка: мы возвратимся в город и будем жить тихо, избегая тревожных мыслей... Ты увидишь: все будет удивительно просто и ясно... Ну, обними же меня, мой ребенок, не будь так неподвижна... Ты будешь вырезать свои любимые цветы, но самые простые и обыкновенные цветы... – Говоря так, я почувствовал, что Элли тихо сползает с моей груди.

– Элли, – позвал я, – Элли!

Но Элли больше не было: от нее осталось только ее худенькое, печальное тельце.

А вокруг была безучастная ночь, и дул сырой и темный ветер [4 с. 46–47].

Почему же рассказ назван «Часы»? Это не только название рассказа, но и мифо-поэтический символ... Не только времени, но и считываемой обыденности, знак неустранимой прозы жизни, вектор, указывающий на неизбежное умирание. Время и вечность противопоставлены. Материя у времени в плену; в распоряжении вечности – дух, неумирающий, неподвластный времени и потому истинный.

Со смертью Элли «часы» как бы осиротели...

И вдруг ухо мое услышало знакомый (о, знакомый) и мерный (о, как он мерен!) «тик-так» моих осиротевших часов. Они, как всегда, хлопотливо бежали вперед и стучали свою вечную песню:

– Вперед... вперед... скорей... Бежим, бежим... Все тлен, все тлен... Желаний нет... как прежде... Сон, сон... Умрешь и ты... Живи-жь, живи... Увы, пройдут... года любви... желаний миг... надежд обман... вечно... сон, сон.

Я слушал вас, милые часы, и тихие слезы облегчения бежали из моих глаз, а вы все пели... вы все пели [4 с. 48].

Мотив времени (часов) родственно звучит в рассказе «Еще пачка писем» («Цветы репейника», 1899). Жених сообщает своей невесте о невозможности жить, когда не можешь остановить время. Смерть разоблачает жизнь и делает ее бессмысленной.

В рассказе «Птицы» (из сборника рассказов «Цветы репейника») этот мотив выражен в истории отношений героини, Катерины Сергеевны, готовящейся проводить в последний путь своего отца, но одновременно ждущей прихода на похороны возлюбленного, Леонида Сергеевича. Поначалу «жизнь» берет верх – ей стыдно за то, что она ждет любимого, тогда как в другой комнате лежит ее умерший отец. Она не знает, что ей делать с собой. Похороны отца – лучший предлог увидеть человека, с которым она готова связать свою жизнь.

Развязка психологического конфликта наступает тогда, когда она увидела лицо своего отца – лицо покойника. Она ужаснулась. Потому что впервые увидела, как на лице покойного отразились все события его земной жизни, все его пороки...

...смерть казалась ей отвратительной, позорной развязкой жизненной драмы. Ей было не столько жаль отца, сколько стыдно за него, за те отвратительные черты, которые смерть наложила на его лицо. И внезапно жизнь промелькнула перед ее умственным взором во всей ее цинической наготе – наготе обманутых надежд и дико осмеянных желаний. Ей стало страшно... [4 с. 56]

Она увидела в окне «черную стаю птиц» – и вдруг поняла «важную вещь»! Но какую? Это осталось в области символических недоговоренностей. Каждый читатель сам поймет, почувствует то, что необязательно точно определять.

Смерть выявила уродство земного существования. «Черная стая птиц» – еще один мифо-поэтический символ, обнажающий суетность времени и бренность человеческого существования.

Символом для Криницкого мог стать практически любой объект, иносказательно выражавший собой основную идею рассказа. Часто это были городские растения. В рассказе «Акации» («Цветы репейника») герой оказывается на улице, на пустынном публичном сквере, где заметны были подстриженные акации, окутанные «тревожным сумраком». Герой испытал острое чувство томления от любовного чувства, которое захотел немедленно утолить – во что бы то ни стало: «И не было ни Бога, ни поэзии, ни красоты...» [4 с. 60].

Он увидел ее, незнакомку, и обомлел:

Я попытался еще раз вспомнить о Боге, о суете конечного счастья, словом, обо всем, что я передумал в зимние метели, сидя у жарко-нагретой печки, но взгляд мой упал на торжествующий полный диск луны... и мне сделалось вдруг, сразу, как-то безумно-весело, меланхолически весело, наивно, нелепо-весело. Я взглянул из-за большого шершавого сука подло и радостно, как шпион, шаловливо, как мальчишка с томительной, сосущей спазмой в груди, и стал долго, пожирающе смотреть на женщину... Я мог ее догнать, схватить, затащить в темный сквер, в котором в такой час, конечно, никого нет. Я мог умолять, наконец... Я... я был готов на все, чтобы только завладеть ею! [4 с. 61–62]

Грехопадение произошло бурно в кустах акации, ветки которой были по этому случаю «изуродованы»:

Вокруг нас было зловеще-сумрачно; мы слышали малейший шорох. Она плакала, закрывши лицо руками. Былые сны, уснувшие желания проносились передо мной. Я тосковал, тихо, мелодично, наивно, глухо. Полная луна глядела на нас сквозь изуродованные ветви акаций тупо и бессмысленно [4 с. 64].

Поступки героев рассказа совершенно немотивированны, иррациональны; они на грани безумия. Героиня, Ольга, первая бросилась навстречу Николаю, которому не жалко девушку, пострадавшую от его страсти. Он признается ей в любви, несмотря на скоротечность знакомства. Она тоже полюбила его, и с унижительной интонацией спрашивает: «Не покинешь?.. не оттолкнешь?» Казалось бы, при такой безумной встрече трудно представить себе разлуку. Они говорят, говорят, не могут остановиться в признаниях любви. Любовная вспышка страсти... Какая разлука? Но она неизбежна. Потому что «конечное счастье» – суета. Так решил Криницкий – это его мироощущение.

Они договорились встретиться. Николай знал, где она живет. Но она не пришла на встречу. Что же делать? Войти в дом, спросить о ней? Это невозможно, невысказано. То, что случилось в парке, нельзя обыкновенно продолжить, нельзя такую необыкновенную страсть вписать в мещанский контекст, в обывательский мир предсказуемых, и потому пошлых событий. Такой смысл «читается», но Криницкий до конца не договаривает, и неустрашимый зазор между нашим объяснением и психической реальностью в поступках героев. Всегда остается некая Тайна существования, которую необходимо чувствовать, как Тайну бытия. Не объяснять, а чувствовать, и чувственно постигать то, что недоступно разуму.

Герой тоскует и понимает, что случилось непоправимое... Читатель, в свою очередь, способен найти в себе близкое воспоминание, когда он не мог совершить самый обыкновенный поступок, потому что неизъяснимые до конца мотивы внутри «Я» препятствовали этому, и в пошлый мир рациональностей (привычных, обывательских) со всей силой вторгался духовный иррационализм.

...мне стало окончательно ясно, что она действительно не придет, что я обманут, что это был только кошмар, весенний кошмар, такой же лживый и обманчивый, как и другие сны, хотя это и был кошмар наяву, и такой же никогда не повторяющийся, как и они. Тогда я почувствовал, как сердце мое сжалось от холодного, непреодолимого ужаса. Темная хмарая туча печали надвинулась на меня и окутала со всех сторон. И я пошел назад с душой, потемневшей от страха, – с душой, опустошенной более, чем когда-либо, – с душой, погруженной в вечное, неизлечимое одиночество... [4 с. 76]

Обреченность героя была изначальной: его выход в парк, в лунную ночь, был жертвой тому «зверю пессимизма», который поселился в душе. Его надо постоянно усыплять, но до конца это сделать невозможно. «Конечное счастье» невозможно. Изуродованные акации – тому подтверждение...

Еще один рассказ из сборника «Цветы репейника» называется «Сирень».

Бульвар, прогуливающийся старик... странные воспоминания. И вновь звучит мотив «скучной и утомительной» жизни, мотив старости, близкого умирания. Неожиданно открылась сцена выяснения отношений между мужчиной и женщиной. Она признавалась ему в измене, а он требовал большей правды, пока наконец не услышал ее всю – до конца. Она никогда не сможет иметь детей из-за прерванной беременности, в которой виноват другой мужчина. Жизнь поругана. Каков исход? Старик видел, спрятавшись в кустах сирени, как эти двое уходили из парка, и не зная их разговора, можно было подумать, что они влюбленные. Но старик знал, что они обречены... умереть вместе. Так и произошло. И неважно, что реалистичность этого двойного самоубийства может вызывать сомнения: существенно то, что эти люди – символы безрадостной, угасшей жизни.

Но почему же «сирень» стала мифо-поэтическим символом рассказа?

Сирень – символ обманутых надежд; она цветет и пахнет, напоминая об «удивительных минутах», но неизбежно облетает и блекнет, обнажая истинную суть жизни.

Марк Криницкий, находивший литературные образы в своей психической реальности, старался не быть дидактичным в прозе, не утверждать прямо свою жизненную позицию, но стремился наделять правдой спорящих героев в той мере, в какой всегда недостаточна правда одного из них. Так, в рассказе «Цветы репейника» из одноименного сборника (1899) спорят между собой два человека – автор повествования и его друг, Василий. Спорят о женщинах, о любви, о браке, о нравственности. Лишь в самом начале рассказа писатель позволил себе преамбулу, в которой раскрыл свое общее отношение к тому, что есть Тайна. Она велика и многозначна, когда она – чудо природы. И она ничтожна, безнравственна, если порождается человеческими отношениями.

Это только маски, личины, суррогат (но не истинная Тайна). Спор между собой людей с масками вместо лица обнажает ничтожность, пошлость жизни. Срывание масок – трудный путь обретения истинной свободы от земных моральных и материальных устоев, делающих людей несвободными в понимании духовного начала как высшего...

В гностицизме мотив срывания маски с лица обнажает несвободу человека, обремененного тем, что в русле юнгианской традиции называют «персоной». Персона поглощает человека, забирает у него личное «Я». Персона стремится уничтожить неповторимую индивидуальность, она «страж Иалдабаофа», если воспользоваться исторической метафорой гностицизма.

У Марка Криницкого – свой язык, свое отношение к «маскам», которые не дают человеку ощутить истинную свободу.

Тайна! Какое чудесное слово! Не правда ли, как приятно сделать из своей жизни тайну, господу; окружить себя таинственным полумраком, еще при жизни отойти в таинственный мир полумифических, полуисторических загадочных фигур, так очаровательно выступающих на сером фоне бесцветной жизни человечества. Тайна, бессмертие и слава, разве это не одно и то же? Бессмертно только то, что таинственно, что действует на душу, как непостижимая загадка; удивление есть главная причина бессмертия, как непостижимая загадка; удивление же, по самой природе своей, есть незнание тех причин, которые делают предмет удивительным. Потому-то древние философы и считали для себя постыдным удивляться (хотя втихомолку удивлялись многому, – и не мудрено: жизнь никогда не перестанет быть для человека загадкой, и притом самой удивительной изо всех!). И я любил облекать себя тайной, ибо любил славу, жаждал бессмертия; я знал, что люди поклоняются только тому, чего не понимают, и презирают то, что стало им доступно; зная эту истину, которая стала

мне известна с младенческих лет, я более всего боялся быть понятым, и не только окружающими людьми, но даже самим собой. Я облек себя тайной и внешней и внутренней... Вам смешно, читатель, кто бы вы ни были? Смейтесь! Но знайте, что мы все упорно обманываем себя и других, надевая на свое грешное лицо различные загадочные личины. Одни надевают на себя личину земной власти и величия и всю свою мгновенную жизнь уверяют себя и других, что управляют стихийной силой человечества, другие – личину дерзновенного ума, третьи – личину святости и добродетели, и много существует таких личин, – ровно столько, сколько существовало и существует людей [4 с. 5–6].

«Маска» автора – главная тема рассказа. Срывание ее с лица – сюжет и развязка... Но личина рассказчика существует не сама по себе, это некое зеркало, скрытно отражающее в себе неприятие особенностей личности друга Василия:

Втайне я всегда глубоко завидовал Васе. Как находчив, как остроумен и вместе солиден бывает он в обществе! Как безукоризненно он одет, как тщательно подвит и подстрижен! Как прост и вместе изыщен его язык даже в минуты увлечения! Замечу в скобках, что я, в полную противоположность Васе, совсем не умею держать себя в обществе, особенно женском, и всегда не утерплю, чтобы не сказать глупости. Поэтому я стараюсь держать себя более оригинально, чем с достоинством. Вася предпочитает, как уравновешенный человек, последнее и, я знаю, в глубине души посмеивается над моей любовью к оригинальности. Я никогда не мог простить Васе этого подсмеивания: я ненавидел его глубокою, затаенною ненавистью, потому что я, господа, страшно самолюбив. Впрочем, надо отдать Васе справедливость: он никогда первый не задирает меня; совершенно напротив, он позволял мне сколько угодно ораторствовать в его присутствии, когда я это проделывал с целью возбудить внимание или удивление окружающих, и всегда оставался безучастным и молчаливым зрителем [4 с. 7].

Литературный герой (рассказчик) близок писателю во многих биографических деталях. Ему – около 30 лет, закончил университет, писатель. И внешнее описание рассказчика напоминает портрет Криницкого. С умыслом это было сделано или случайно – мы не знаем. Но обсуждаемые идеи были существенны для писателя Криницкого. Он намеренно поставил рассказчика в проигрышную позицию, чтобы обнажить не правду как таковую в одной из спорящих сторон, а ее принципиальную неуловимость...

Стоило мне, например, начать разговор на одну из излюбленных мною тем о греховности плотской любви или о самоуничтожении, как верховной задаче человеческого рода, или об ужасах проституции, как Васино лицо моментально деревенело и застывало в таком выражении, как будто он присутствовал при совершении какой-нибудь ужасной глупости. Надо сказать, что было в этом выражении Васиного лица столько всеокрушающего и проникновенного сарказма, что я положительно не мог его хладнокровно видеть. Мне казалось, что Васин взор проникает мне до самого сердца и читает все мои тайные мысли и побуждения [4 с. 8].

Так оно и оказалось. Вася не выдержал и изобличил друга в том, что он тщательно скрывал, – истинной природе его слов о недопустимости проституции в обществе. За этими словами крылись неудачи у женщин, тайные желания, которые его растревляли... Вася обнажил то, что и сам рассказчик хорошо знал про себя, но боялся это сказать себе, страшился признаться в своей глубокой сексуальной озабоченности.

Казалось бы, выявлена очевидная слабость главного героя, да и он сам стал осознавать глубину своего лицемерия:

Вася был прав: нередко всю ночь преследовал меня обольстительный призрак женщины, – призрак без лица, почти без очертаний, – призрак, давивший меня острым ароматом и возбуждающим теплом женского тела, – призрак властный и скользкий, с тонкими рвущимися электрическими нитями волос, с сухими запекшимися устами... Я припомнил, как всю жизнь только и делал, что стремился прослыть оригиналом, «не таким как все», как я последовательно напяливал на себя личины святого, сумасшедшего, философа, чудака... Как тщательно прятал я от всех свое внутреннее бессилие и убожество, искусно маскируя его в самые высокие и трагические формы... Как я обратил свое существование в ряд ужасных и глупых самоистязаний... Как я сделал из себя, наконец, то ужасное и вместе пошрое, бесполое, вечно кривляющееся, нервное и полупомешанное пугало, каким я был на самом деле!.. [4 с. 16, 19–20]

Но неожиданно Вася приносит пачку писем своей брошенной подруги, в которой он представлен, как образец «самца» – гордого, способного бросить девушку, если вдруг прошла любовь. Однако Вася встревожен, взволнован тем, что не знает, что из всего этого будет. Он не уверен в себе. Жизнь – непредсказуема, таинственна: он это понимает. Письма его бывшей возлюбленной необыкновенно трепетны, в них ощущается большое горе оттого, что любимый

человек перестал любить. Евгения Глаголева пытается понять причину случившегося и пишет ему письмо за письмом. Сухие ответы Василия ей кажутся чудовищно безжалостными:

«У любви нет прав» – говорите вы. Полюбили – разошлись! Так кажется просто! «Лгать еще хуже», – продолжаете вы философствовать: «это кощунственное отношение к любви». В заключении вы советуете мне покориться своей доле, «сохранив в сердце память» о чистых восторгах любви, как сделаете это вы сами. Боже, за какую, однако, пошлую сентиментальную дуру вы меня считаете! Знаете, что вы со мной сделали? Вы меня прогнали как старую, паршивую кошку. И это после тех ласк, тех нежных имен, тех упоительных нашептываний?.. [4 с. 26]

Вася обличил своего друга, сорвал с него маску, показав, что женщины любят сильных мужчин, а не слабых; но по иронии судьбы, придуманной Криницким, Вася оказался жертвой любовной истории, в которой он сам изобличен в маске сильного мужчины, способного бросить нелюбимую женщину. Маски сорваны у обоих – что же дальше?

Последнее письмо Жени Глаголевой было самым горестным, полным разочарований. Она взывала о помощи...

Я вам сказала: «мне страшно!». И вы не пощадил и закололи меня. Я была живое существо, чувствующее, рассуждающее, а теперь я – солонина. Другого слова не подберу. Со мной случилось что-то. Я сама не знаю что... [4 с. 28]

Непредсказуемой оказалась реакция на эти письма главного героя. Он почувствовал безумную радость от того, что срываются маски, обнажаются подлинные лица, наступает истинная свобода.

Странное чувство охватило меня по прочтении этих писем! На какие удивительные противоречия бывает способна душа! С одной стороны, я почувствовал, как от внезапного ужаса дыхание перервалось в моем горле и что-то захолонуло на сердце при одной только мысли, на какое ужасное бессердечное дело был способен мой друг, с другой – меня стала бить и трясти, как в лихорадке, безумная сатанинская радость, что вот-де как поступают люди, какие жертвы смеет приносить себе прекрасная, независимая индивидуальность, – и я внезапно исполнился к моему другу бесконечным благоговением. Руки тряслись, пока я перелистывал еще раз совершенно свежие почтовые листки, силясь угадать по мелкому и четкому почерку, что чувствовала в эти минуты Евгения.

И сколько злорадства было в моем жадном взоре, пожиравшем эту дешевенькую, тонкую почтовую бумагу, местами носившую следы слез, сколько тупого, бессмысленного, близкого к помешательству злорадства! Мне чудилось, будто это я сам виновник этих писем, будто это я обольстил и бросил эту некрасивую гувернантку... (Она мне показалась непременно некрасивой и даже пожилой). Сколько отвращения, презрительного и гадливого, я питал к ней! Долгий душевный пост, долгое, усиленное настраивание себя на любовь и бесконечное сострадание ко всему живущему сказались в этой слепой и безотчетной ненависти. Мне было приятно, весело чувствовать себя злым и вредоносным... Я мысленно ставил себя в Васино положение и мечтал, мечтал... жадно, взасос, весь содрогаюсь от истерического, почти сладострастного порыва...

– Вот оно новое! Вот она свобода! – восклицал я внутренне [4 с. 28–29].

В этот момент пришел к нему Василий, он спросил, читал ли письма, и с дрожью в голосе вручил телеграмму, в которой сообщалось, что Евгения отравилась...

Василий стал обвинять в убийстве Евгении... своего друга:

И вдруг лицо его обезобразилось страшною гримасой гнева. Он молча отстранился от меня и, измерив меня быстрым, сверкающим взглядом, прошептал:

– Подлец!.. Это ты убил ее!.. Ты... только ты! Негодяй! Лгун! Я пришел тебе это сказать!

– Но, Вася, как же?.. – прошептал я побледневшими губами, полный стыда и презрения к самому себе.

– Ты и тебе подобные! – заревел Вася нечеловеческим голосом. – Мерзавцы, проповедующие любовь и сочувствие! Дряблые, скверные, прокаженные!

– Но как же это так, Вася? – продолжал я шептать.

– А так же! Вы отравили всю мировую атмосферу. Любовь! Сострадание к слабому! Мерзавец! Создали право слабого! Негодяй! Заставили этого слабого страдать втрое и вчетверо против нормального. Захотели перевернуть закон жизни! И что же? Ну, вот совершили над нею вивисекцию! Что же из того?

И вдруг он размахнулся и ударил изо всей силы кулаком в стол, а затем бросился в кресло и повторял, как безумный:

– Убил, убил!

И все тело его содрогалось от истерического плача [4 с. 31].

Концовка рассказа тоже не может не удивлять: писателем отвергаются привычные моральные устои общества как ложные,

построенные на ложных основаниях. Герои рассказа не слишком долго печалются о судьбе Евгении, но остро переживают срывание масок как факт освобождения, внутреннего раскрепощения «Я»:

Итак, любезный читатель, по-видимому, я должен был бы радоваться тому, что все закончилось *сравнительно благополучно* (курсив мой. – А. Ю.), так как Вася через час совершенно успокоился и даже пил со мною пиво в павильоне на Тверском бульваре, что происходило к немалому его удивлению, так как я раньше, по легко понятному вам чудачеству, этого напитка никогда не употреблял.

– Э, ничего, брат, – сказал я ему на это, – я вижу, что вся эта моя святость и непогрешимость в общем – страшная мерзость.

Удивительно! После того, что произошло, я больше не стыдился моего друга. Он кивнул мне одобрительно головой и, выпустив через сложенные дудочкой губы сизую струйку дыма, с обычной своею steepенностью и выразительностью сказал:

– Да, брат, мы оба с тобою слишком далеко зашли.

И этим было сказано между нами все [4 с. 32].

Ненависть к обывательской жизни, к ее моральным основаниям буквально пронизывает дух этого рассказа. Это ненависть к маскам, личинам, к тому, что лишает человека возможности быть самим собой. Дух сильной личности, побеждающей моральные устои, вторгается в мир художественной реальности, заставляя читателя задуматься.

Это ли не благополучный конец? И в то же время я не хочу от вас скрыть, благосклонный читатель, что я совершенно недоволен такою развязкою своей повести. Пусть она была бы немного печальнее; ведь Евгения все равно умерла, и ее нам не воскресить! Пусть бы, например, Вася сошел с ума, а я искупил бы свою подлую ложь чем-нибудь достойным описанием!.. Но нет! Жизнь, господа, слишком обыкновенна, слишком бедна высокими проявлениями духа; она сера, как этот серенький денек, нависший перед моим окном над серым полем чахлого бурьяна... [4 с. 33]

Почему же выбран такой символ – «Цветы репейника»? Ни слова в рассказе не сказано о репейнике как о растении. Значит, это чисто литературная аллюзия... Скорее всего, Криницкий имел в виду «Судьбу репейника» – известную сказку Ганса Христиана Андерсена. В ней представлена забавная история одушевленного репейника, который вдруг стал ощущать себя особенным, стал мечтать о большем, чем быть просто придорожным лопухом.

*Чувственный мир как ошибка.
Мнимое возвращение к Богу*

В рассказе «Delirium tremens» (из сборника «Чающие движения воды», 1903) главный герой – неудачник в жизни. Все, что он делает, подвергается людскому осмеянию. Он уезжает вместе с женой в деревню, становится учителем, пытается обрести свободу и одиночество. Но и в деревне ничего не меняется...

Как-то сразу случилось, что я подвел итоги всему пережитому. Раньше я никогда не пил, но тут со злости попробовал пить. Не скажу, чтобы я находил в этом удовольствие, но что-то подмывало меня: какое-то презрение к себе, желание унизиться, оскотиниться. Минуты похмелья были для меня ужасны. Я сознавал, что гибну. Иногда, впрочем, это доставляло мне минуты острого наслаждения: *мне становилось сладостно издеваться над самим собой* (курсив мой. – А. Ю.). Я припомнил все свои неудачи, все свои мечты и планы и наслаждался собственным унижением... [5 с. 52].

Уничтожение собственной плоти становится целью героя. Он травит себя алкоголем и мстит себе за все неудачи. Допивается до белой горячки (*delirium tremens*). Но даже в состоянии относительной трезвости, когда он уже может разговаривать с деревенскими мужиками, с ним происходит странная коллизия: он слышит, как между собой разговаривают мухи, как его преследуют странные существа. Он их прямо не называет бесами (хотя определяет их голоса как «демонские»), что было бы естественно для традиционной культуры, – эти существа предстают перед нами не как духовные, но как материальные. О них он даже что-то «читал»...

– Это – акомунисты! – воскликнул я. – Да, это, несомненно, акомунисты! Где и когда я читал о них! Черт возьми! Вот история! Никак не ожидал!..

Акомунисты – опасные существа: они изобрели особый снаряд, отбрасывающий длинный блестящий луч, и *в чью голову этот луч попадет, тот человек становится в их власти* (курсив мой. – А. Ю.). Средний акомунист, как я уже сказал, ростом около фута; он имеет порядочное брюшко на тоненьких ножках; лицо слегка еврейского или армянского типа; голова бритая; выражение физиономии насмешливое. Акомунист – большой скептик и отрицатель. Вообще, это – вредное насекомое, которое надо всеми силами истреблять, и тем не менее оно расплодилось в настоящее время в невероятном количестве. Живут они в сорных и темных углах дворов, под столами в канцеляриях различных

присутственных мест, при чем часто попадают на чиновникам под ноги и пищать, как крысы. Они-то, собственно, и перепутывают канцелярские бумаги. Каждое утро канцелярские сторожа выметают их вениками из присутствия, и они кучами валяются у входа, издавая специфический запах, свойственный всем преддвериям присутственных мест. Впрочем, они также сотрудничают в газетах, сообщая заведомо ложные слухи, и явно покровительствуют Англии [5 с. 59–60].

Несмотря на иронический тон описания «акомунистов», герой рассказа осознает их большую силу, – они владеют прибором, луч которого подчиняет любого человека... Этот бред разрастается новыми подробностями:

Я зло усмехнулся и погрозил им пальцем. Они пронзительно запищали. Я зажал уши и, пользуясь их замешательством, стремительно бросился бежать по улице. Акомунисты преследовали меня. Прибжав домой, я прямо прошел в темный чулан под лестницей и забился там между рогожами и пустыми бутылками. Жена пробовала меня уговорить выйти оттуда, но я видел, что она не понимает, в чем дело. При том же в отворенную дверь несколько акомунистов успели просунуть свои головы. Я закричал ей диким голосом, чтобы она ушла и затворила за собой дверь возможно плотнее. Она повиновалась. Оставшись один, я начал прислушиваться. Акомунисты собирались со всех сторон к дверям чулана, как саранча. Я слышал, как припадали они к нижней дверной щели и визжали наподобие скучающих щенят, как отовсюду трещали половицы и раздавался топот их крохотных ножек. Они что-то говорили между собою, но я никак не мог уловить смысла их слов. Наконец до меня долетело смутно как-бы сквозь сон:

– Сдайся!

– Не сдамся! – прогремел я в ответ и швырнул в дверь бутылкой.

Акомунисты отвечали нестерпимым криком; они царапали дверь руками, били в ладоши, топали ногами об пол, так что голова моя готова была, кажется, лопнуть от этого нестерпимого гама. Я зажал уши ладонями и уткнул голову в рогожки, выжидал, что будет дальше [5 с. 61].

Совершенно неясно, в чем он должен «сдаться» – ведь никого духовного конфликта нет. Герой не испытывает никакой потребности осознать злую волю в собственной душе и покаяться в грехах, а странные существа не имеют никакого отношения к человеческим прегрешениям, ибо они просто злые субстанции. Все, что материально – несет в себе угрозу для человека, и даже галлюцинации не имеют духовной основы – они плод какой-то материализации

сознания. Как ни старался Марк Криницкий, он так и не смог изобразить настоящий конфликт, ибо в этом случае ему нужно было бы показать реальность не как зло материального мира, но как добро, искаженное злой волей человека, злым духом. Для писателя-гностика дух не может быть злым, как и материя не может быть «доброй». Конфликтная основа ограничена мировоззрением гностика – она уже введена в предначертанные рамки...

Главный герой оказывается в больнице. В ней находясь, он просит, умоляет доктора поместить его в камеру с каменными стенами, чтобы таким образом спрятаться от акомунистов, которые продолжают его физически преследовать. Доктор соглашается, и в камере герой чувствует себя в безопасности, позволяя себе даже шутить с приунывшими акомунистами... Однако они просят его не запираť дверь – и он не сопротивляется. Это странно: луч света от их прибора не падает на него, духовной власти они не имеют, потому что никак не связаны с духовным миром. Немотивированно герой опять попадает под их власть – они приказывают ему идти по коридору, прямо к открытому окну... Писатель не может объяснить причину той власти, которую возымели странные существа, потому что для него существует *только* мир света и мир тьмы, мир чистого духа и мир злой материи.

Наконец герою вспомнилась «отдаленная минута детства», когда он «шептал затверженные без смысла, но полные таинственно-святого значения слова молитвы», и в ответ на «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» был услышан им неистовый крик и адский хохот. Он упал без чувств на пол, но очнувшись, понял, что окончательно выздоровел.

Эта история болезни и выздоровления пародийно повторяет житийные рассказы о выздоровлении тех, кого в народе называли бесноватыми. Почему пародийно? Потому что вместо грешника, обременённого грехами, и по этой причине подверженного нападению духовно злых сил, лишаящих его здравости рассудка, мы видим неудачника, обременённого своими смешными и обидными неудачами, почти равнодушного к религии и Богу, на которого нападают злые субстанции, выражающие собой зло материального мира. Пародийное выздоровление лишь обнажает вопрос, на который писатель не смог ответить: от чего же наш неудачник исцелился? От неудач? Но они никуда не уйдут от него... Возвращение к молитве ничего не меняет в душе героя, кроме понимания, что существует область чистого духа, которая возвращает к забытым истокам. Но Криницкий не захотел продолжать рассказ – и мы не знаем, каковы эти «истоки», и что они изменили бы в жизни литературного героя...

Дисгармония ratio и чувств

Впрочем, рассказ «Порча (из воспоминаний детства)», идущий сразу после «Delirium tremens» в сборнике 1903 года («Чающие движения воды»), как будто специально был написан, чтобы служить объяснением тех странностей, которые произошли в судьбе героя-неудачника, ставшего объектом нападения злых материальных сил. Рассказ посвящен детству главного героя, который стал свидетелем грустных событий в семье, потерявшей отца.

Каждый персонаж рассказа иллюстрирует одну из сторон личной, семейной, общественной жизни, все то, что разом и целиком пытается понять мальчик. Он готов каждому взрослому в отдельности поверить, но что делать, если они, взрослые, не могут договориться между собой, демонстрируя глубокие разломы в самой этой русской жизни начала двадцатого века...

Бабушка – образец христианского поведения, верующая, мудрая, смиренная, всепрощающая, добрая, великодушная, готовая отдать ближнему последнее, что у нее есть. В ее представлении весь дом «битком набит бесенятами более или менее крупного калибра».

Мама погружена в горе по умершему мужу и никак не может избавиться от захватившей ее тоски, временами впадая в злобное состояние, ничем не объяснимое.

Обычными постояльцами в семье были преподаватели гимназии. Они столь отличались своими разговорами, что их так и называли в семье – «русские иностранцы».

– Вы басурмане что ли? За стол садитесь, не молясь!

– Нет, мы – русские! – отвечал разбитной физик, тряхнув волосами, подстриженными почти в скобку, – а не молимся потому, что это вздор: некому молиться!

– А Богу? – спросили мы

– Богу?.. Бога нет! – отрезал физик.

Мы разинули рты.

– А церкви для чего настроены?

– А так... по глупости!

– А кто-ж тогда на небе живет?

– Неба тоже не существует.

Нам казалось, что физик оспаривает факт. Мы подняли указательные персты вверх.

– А это что? Вишь!

– Что? – спросил он хладнокровно. – Облака... Вижу...

– А что за облаками?

- Воздух... А еще дальше пустое пространство.
  - А к чему же звезды приделаны?
  - А ни к чему: они движутся в бесконечном пространстве...
- [5 с. 75–76].

Бабушка Марфа и физик Калинов своими речами создавали в детском сознании путаницу мыслей.

...в нашей душе совершался смутный процесс борения двух начал: то великий страстотерпец казался нам гигантом-победителем: раз-верзались небеса, и оттуда вместе с мученическим венцом нисходили ангельские хоры; – то вдруг небеса пустели: там, за облаками, в пустых безднах катились звезды, и великомученик оставался на земле один, маленький, всеми покинутый. Сердце сжималось за него мучительным ужасом. Зачем он не принял выгодных предложений царя? Отказался от казны и почестей? Может быть, он еще примет, призадумается в последний момент?.. [5 с. 77–78]

Кульминация рассказа – демоническое наваждение, случившееся с матерью, которая якобы наяву видела своего мужа: он позвал... Покойник обнимал ее и целовал, уговаривая ехать с собой в тарантасе, запряженном двумя лошадьми. Наваждение повторилось. Бабушка Марфа отчаянно молилась и уверенною рукою крестила пространство. Дети в страхе, прижавшись друг к другу, не смели ни вздохнуть, ни пошевелиться.

– Это лукавый к тебе ходит, а не покойный муж! – говорила бабушка уверенно. – Покойничек-то был святой человек; он бы не стал ходить. Согрешила ты своим отчаяньем и скорбью; вот лукавый и ходит к тебе под видом покойника.

Как бы в подтверждение бабушкиных слов, однажды, во время подобного разговора, с шумом отворилась дверь в нашу кухню и вошла, кланяясь и тараторя, Матрена Гусева, известная сплетница и вестовщица на всю улицу. Охая и причитая, она объявила:

– А я, матушка, Меланья Сергеевна, вам прямо скажу: нехорошо, что вы все вдовой живете. К вам змей в трубу летает...

Мать побледнела и схватилась за сердце.

Бабушка многозначно перекрестилась [5 с. 85–86].

Все обошлось: матушка сходила в церковь, исповедовалась, причастилась, и вся ее хандра разом исчезла. Казалось бы, посрамлен физик Калинов, который не верит в Бога, в его силу. Но сам рассказчик, и он же герой повествования, пришел к другим выводам.

В конфликте объяснений он увидел ломку двух мировоззрений, двух эпох, непосредственно отразившейся в его личной судьбе...

Здесь обрывается нить моих собственно детских воспоминаний. Началась школа, учителя, новые влияния, новые впечатления. Чтобы описать этот сложный процесс *генеральной ломки двух мировоззрений* (курсив мой. – А. Ю.), одного – выработанного и старательно воспитанного в домашнем углу, и другого – усиленно навязывавшегося школою надо начать новую повесть. Но я и не хотел писать ее. Позднее, сидя в серенькой блузе за школьной партой, я не раз ставил себе те же вопросы, что и тогда, после разговора с учителем Калиновым... когда я узнал из учебника географии, что относительно неба был прав учитель скептик, а не мать и бабушка Марфа, и что матушка-Россия, в сравнении со своею великокультурною соседкою действительно «свиный хлев»... Тут я вспомнил не раз и св. Георгия великомученика, и страшное происшествие с моей матерью, и все, что я слышал проникновенного из уст бабушки Марфы, – и все перепуталось в моей голове.

Впрочем, об этом периоде я могу сказать кратко, что ничего единого, цельного, определенного я из школы не вынес. Я вошел в нее с большим и прочным нравственным капиталом, а вышел полным банкротом. Пусть бабушка Марфа, моя мать, а за ними и целая страна маленьких русских людей заблуждалась, но у них было цельное мировоззрение, помогавшее им твердо идти по жизненному пути.

Школа разбила это мировоззрение, не дав в замену его ничего положительного, – и я уже не мог с таким чистым и спокойным проникновением в глубокий смысл святой молитвы читать свой «Отче наш»: уста мои шептали о престоле Божиим, покоящемся на небесах, а ум рисовал мириады солнц, млечный путь, орбиты комет.

Я мучительно раздвоился [5 с. 86–87].

Неудачник из рассказа «*Delirium tremens*», который освободился от власти злых материальных субстанций, не мог получить истинное освобождение от Бога, потому что тоже испытал мучительное раздвоение – школа внушала ему (естествоиспытателю) одно, а традиционная семья (память детства) – другое: и то, и другое не было убедительным до конца. Сомнение порождало своеобразную ситуацию двоеверия – или сомнительную веру в нечто (Бог, ангелы) или несомненную веру в ничто – космос, бездна, пустые звезды, Млечный путь. Каков выход? Обращение к Богу с молитвой – это только надежда на возвращение гармонии для того, кто раз и навсегда возненавидел материальный мир и потому не в состоянии отрешиться от притягательной ненависти ради торжества утраченной гармонии.

*Экзистенция раздвоенности:
смерть как материальная сила*

Следующий рассказ «Необходимость жить» (идуший сразу после «Порчи») как бы продолжает тему человеческого страдания, тему раздвоенности личного сознания. Вновь главный герой – мальчик. Он как сирота живет в семье тети, только что потерявшей любимого мужа (дядю Нику); на глазах мальчика у тети складываются новые отношения с мужчиной, учителем Каблуковым.

Вскоре после свадьбы молодожены уехали путешествовать. В душе мальчика постепенно разворачивались тягостные размышления, находившие себе место в общей тоске по близкому человеку. Тетя полюбила другого? Будто и не было дяди Ники, значит, все забыто...

Когда они вернулись, мальчик нередко становился свидетелем их ночных разговоров, переходящих в ссору. Каблуков возревновал жену к ее бывшему мужу, полагая, что она душою предана не ему, а умершему. Он обвинял жену в том, что она отдает ему только свое тело, но не любит его сердцем. Мальчик не мог понять всей полноты драмы взрослых людей, но он наблюдал, как мучается тетя, как она страдает от того, что вынуждена подчиняться новым правилам жизни. В рассказе художественно воплотилась гностическая оппозиция души и тела...

Однажды ночью тетя бурно не соглашалась отдать Каблукову медальон с изображением дяди Ники. Став свидетелем этой сцены, мальчик попытался отомстить Каблукову в школе, где сам учился. Он бросил в него чернильный шарик, надеясь, что никто не выдаст. Но виновника нашли, и Каблуков возненавидел мальчика, хорошо понимая, почему он так сделал.

Меж тем в сознании мальчика тетя сдавала одну позицию за другой. Медальон перекечевал на стол Каблукова, но уже со взломанной сердцевинкой.

Наступала годовщина дядиной смерти. К удивлению мальчика тетя предложила ему посетить кладбище:

– Прости! Прости меня! Дорогой! Хороший...

Я видел, как что-то суровое и беспощадное согнула тетю, унизило ее в глазах самой себя, и сквозь жалось к ней у меня в первый раз проснулся смутный ужас перед жизнью. А полные скорби и смирения слова и напевы плавали в осеннем воздухе, и на смену грусти вырастала безнадежность. Не хотелось жить... Страшно и пусто делалось на душе [5 с. 95].

И вдруг, по выходе из кладбища, они увидели поджидавшего их Каблукова:

– Я знал, что вы здесь! – сказал он тете странным голосом, и мы в молчании отправились домой.

Вскоре после того, придя как-то незаметно из гимназии, я слышал из столовой урывки следующего разговора.

Пойми, – говорила тетя, – это несправедливо. Ведь это случайно, что он умер: это не от него зависело.

– Все равно! – сказал Каблуков, – мне это становится просто гадко... Мне кажется, что обнимая меня, ты мысленно воображаешь себе другого...

– Неправда! О, что ты говоришь! – воскликнула тетя.

– Я говорю то, что есть, иначе быть не может, – продолжал Каблуков. Любовь есть чувство столь же духовное, сколько и физическое... Мне это противно, повторяю тебе...

– Но как же по заказу разлюбить того, кого любишь? – горячо говорила тетя. – Я не могу это... Пойми!.. и никто не может... Если бы он был жив, то и теперь, конечно...

– Вот как? Благодарю тебя! – иронически сказал Каблуков.

– Что-ж я такого сказала? – оправдывалась тетя. – Конечно, если бы он не умер, мы любили бы друг друга и были счастливы...

– Уж лучше замолчи!

– Ты хочешь невозможного! – возразила тетя.

– Да, я вижу это! – сказал Каблуков злобным голосом. – Я вижу, что хочу от тебя невозможного. Я хочу от тебя любви полной, а не половинной... Я не желаю довольствоваться чьими-то, как ты предлагаешь мне, обедками...

– Но уверяю тебя, что я люблю тебя вовсе не этой половинной, как ты говоришь, любовью... Я люблю тебя так же, как и жизнь мою... Что-ж тебе?.. Вся, вся люблю тебя... Но я люблю и его, потому что я не разлюбила его, не имела возможности разлюбить... Его смерть только усилила мою любовь к нему... Ведь смерть это нечто материальное... Неужели ты хочешь, чтобы сила случая, слепая, материальная имела власть над моим сердцем? О, это было бы так мелко!.. Я стала бы презирать себя!.. [5 с. 96–97]

Каблуков выразил этот мирской взгляд. Он не признал дуализма духовного и материального начал. Он захотел быть собственником чужой души, распорядиться ею как непреклонный завоеватель, в гностическом смысле – душегубец.

Конфликт между тетей и Каблуковым развивался бурно. Мальчик прислушивался к каждому их разговору. Он вновь стал

свидетелем споров, но слышал их только фрагментами. Они повергли его в глубокое уныние.

Наконец, Каблуков решительно потребовал, чтобы тетя обещала «больше не ходить туда»: «Я почувствовал, как у меня дух захватило от негодования. Как? Запретить нам служить панихиды на дядиной могилке? Но это слишком! Неужели же тетя сдастся и в этом?»

Каблуков сделал попытку уехать из дома, собрав чемоданы. Мальчик, ставший свидетелем этой сцены, был потрясен. Ночью его разбудила тетя со словами «ты проводишь меня на кладбище». Он заметил, что ее лицо изменилось; в нем было «что-то мелкое и ничтожное, какой-то слепой животный ужас». Да тетя ли это?.. Чтобы Каблуков их не обнаружил, они с предосторожностями отправились на кладбище... ночью.

Описание природы соответствовало печальной развязке рассказа: «Небо было скучное, свинцовое. Дома стояли облитые дождем. Мы взяли извозчика, и наша пролетка запрыгала по грязной мостовой...» Приехав, они увидели, что ворота на кладбище закрыты.

Увидев плачущую тетю, слезы и дождевые капли на ее лице, мальчик не захотел ее жалеть. Он понял, что «необходимость жить» отнимает у человека часть его души, что-то чистое и прекрасное...

И странное дело! не сочувствие, не любовь и привязанность шевельнулись в моем сердце: я почувствовал к ней необъяснимую брезгливость и что-то вроде презрения. Мне хотелось быть мертвым и спать на кладбище... Я понял, что для того, чтобы жить, надо потерять из души что-то чистое и прекрасное, как это сделала она, которую я называл когда-то моей тетей.

Ведь она приехала сказать ему, что больше не будет за него молиться! [5 с. 103]

«Тоска»: научные и мистические начала познания

В рассказе «Тайна барсука» («Чающие движения воды», 1903) главный герой Володя Бубнов, «естественник второго курса», вернулся из летней поездки по Крыму и Кавказу в родовое имение, откуда привез с собою дюжину банок с заспиртованными морскими животными и целый ящик птичьих шкур. Он убил этих животных «для коллекции», чтобы затем их изучить. Володя узнает, что в деревенском овраге живет барсук. Его не раз видела деревенская девочка Саша. Володя ее видел раньше, но не думал, что теперь встретит красавицу. Саша как-то удивительно гармонировала с природой, будто она была ее неотъемлемой частью.

Саша посмотрела на него блестящими глазами:

– Пожалуйста... Только вы, барин, в него не стреляйте...

– Что-ж так?

– Он добрый: от него у нас вреда никому... Это вот лисы-с – те кур таскают, а за барсуком ничего такого. Никаких таких провинностей... Уж вы пожалуйста, барин!

– Вот глупости!

Ему нравилось казаться неумолимым.

– А на што он вам, барин? Его не едят... [5 с. 107]

В рассказе противостоят два мира – деревня, природа, деревенская девушка Саша – и город, наука, естествознание, Володя, с его упорством по превращению всего живого в мертвое... Противостоят разные типы знания – со-природные в буквальном смысле, и не-соприродные, т. е. естественно-научные... Одни чувствуют природу, соединяются с ней в одно целое, не возвышаясь над ней, другим необходимо умертвить живое, а затем классифицировать его с использованием латыни, мертвого языка.

У Володи происходит знаменательный спор с филологом-репетитором, проживавшим в том же имении.

– Рано или поздно я его, конечно, подстрелю.

– Зачем? – спросил Иван Григорьевич, и Володе почудилось в звуке его голоса враждебный и настойчивый вызов.

Володя нехотя поморщился.

– А хоть бы для коллекции...

– Это увеличит ваши знания?..

Спор натуралиста с филологом естественным образом перешел к обсуждению, что есть культура и цивилизация... [5 с. 108]

Нетрудно заметить, что в словах филолога Ивана Григорьевича нашла отражение позиция самого Марка Криницкого, для которого рационализм нового времени – идейный враг, отрицающий мистическое (иррациональное) познание природы *вовне и внутри* себя.

– Позвольте! – перебил Володя, – какого же вам надо знания? Неясного и запутанного?

– Видите ли, – отвечал Иван Григорьевич, – разум, *ratio*, охватывает лишь общее, чувство же стремится постичь индивидуальное. Я говорю «чувство» за неимением лучшего слова, чтобы передать это единство непосредственного постижения живой, никогда не повторяющейся действительности. С точки зрения разума вы, предпо-

ложим – млекопитающее такого-то вида, или еще что-нибудь в этом роде, с точки зрения «чувства» – Владимир Васильевич Бубнов. Научное знание захватывает лишь поверхностный абрис естества. Чтобы исследовать таким образом природу, мне кажется, надо иметь сердце суровое и равнодушное. Вообще, мне кажется, занятие естествоиспытателя способно вытравить из души сочувственный взгляд на природу и жизнь.

– Одно другому не мешает, – заметил Володя.

– Не мешает? А я думаю, что прямо-таки одно взаимно исключает другое. Я никогда не испытывал удовольствия, читая приключения африканских исследователей, погибающих где-нибудь у истоков Замбези, или полярных экспедиций на земле Франца-Иосифа: все подобные «страсти» с нападением белых медведей и скальпированием черепов действуют на мои, по крайней мере, нервы, как оглушительные звуки турецкого барабана. <...>

– Декадентство! – сказал Володя, чувствуя, как в груди у него поднимается глухое, тоскливое раздражение против этого человека, который будил в нем никогда ранее не звучащие струны. – Какая тайна? Никакой нет тайны! Все должно быть ясным... [5 с. 118–121].

Володя увлекся девушкой Сашей. И это увлечение в чем-то походило на его интерес к барсуку. Убить животное (ради коллекции) или сломать чужую жизнь (ради удовольствия)... Володя не слишком задумывался над последствиями своих поступков. Однажды ночью он совратил доверчивую девушку, не оставив ей даже надежды на любовное продолжение. Она была невестой другого человека – равного ей, деревенского и нелюбимого. Володя ничего не мог предложить взамен доброты, безыскусности, природной девственности.

Барсук и девушка Саша оказались на одном полюсе, а молодой естествоиспытатель на другом. Однако девственная природа не протестует, погибая от жестокости. Жалость к Саше, которую нещадно бьют за непослушание и позор, пронизывает Володю, но он не может переделать себя. Он лишь чувствует, что что-то не так устроено в этом мире и в нем самом, но не понимает, что же не так?

Володя возвращался к себе домой. Но ехал уже другим. И хотя запах города еще волновал кровь и было приятно видеть знакомый каменный оазис, но что-то случилось с ним необратимое. Возникла «сентиментальная тоска»: то и дело она прорывалась сквозь ряды привычных ощущений жителя города. Володя испытывал одновременно и радость, и тоску. Последние слова в рассказе не оставляют сомнений, что победу одерживало новое чувство глубочайшей скуки, которую

навалил теперь тот мир, который и породил естественнонаучный интерес Володи к природе... еще не обезображенной человеком.

– Здравствуй, жизнь! – хотелось ему крикнуть навстречу выплывавшему каменному оазису, с которым он был связан незримыми духовными узами. И он бы крикнул, если бы в то же время от этого закоптелого неба и этих затверженных, знакомых, изжитых контуров не пахло ему в душу одиночество беспросветной скуки [5 с. 141].

«Запросы мысли»

В 1906 г. была опубликована книга «Запросы мысли» Юлии Данзас под псевдонимом Ю. Николаев. В этой книге был выражен предельный мировоззренческий пессимизм, родственный Криницкому. Основная философская оппозиция: мистическая Тайна и метафизическая Тоска. Те же ключевые слова, что и в произведениях Марка Криницкого. Слова обнажают запросы мысли – актуальные для русского образованного общества начала двадцатого века.

Вот первые строки этой книги:

Тоска широкой волной разлилась по нашей жизни. В унылой, властной **тоске** слилось все разбитые стремления человека применить к жизни все смутно ощущаемые силы, весь гнет неудовлетворения, все обессиленные полеты обезличенной мысли, все бесплодные усилия найти смысл и цену существования, весь ужас мирового страдания.

В **тоске** замирает неудержимое стремление к познанию вечной Сущности, стремление мышления, сознающего себя бесконечно малой составной частицей великой Сущности и в ней ищущие глубины самосознания. В тоске замирает вечное мучительное неведение перед **мировой тайной**.

Порою чудится истомленному воображению, что мир весь объят **тоской**, что от нее поет море свою вечную песнь.

От **тоски** неведения тянется человечество к познанию, как окружающая его растительность – к солнечному свету. Но за расширенным познанием лежит гнет другой **тоски**, – тоски ужаса перед раздвинувшимся горизонтом, **тоски** от сознания ничтожности достигнутого и невозможности вместить тысячной доли раскрывшегося познания, тоски перед бесконечной далью цели, **тоски** атома перед разверзшейся бездной.

Тоска властвует над гордым духом, возмнившим отразить в себе вселенную и чующим свое бессилие познать альфу **великой тайны**. **Тоска**, рождающая и стремление к истине и отрицание ее, **тоска**, колеблющая устои мышления, раскрывающая бессмысленность сущего.

Тоска, толкающая на муки самоанализа, **тоска**, бросающая к алтарям неведомого Бога!..

Истина не дается, смысла не чуется, силам простора нет. Чем глубже, в поисках за разгадкой, прозревается жизнь, тем мучительнее загадка, тем неумолимо яснее познание разлитой в мире скорби. Над мыслью – гнет **тоски**; над повседневной, не продумываемой, жизнью – гнет страдания. Вопль мировой скорби неумолчно раздается и переливается по необъятным равнинам, где горе забывается в тяжелой работе, по дремучим чащам, где во мраке совершаются насилия и преступления, и над серыми городами, где столько грязи и стыда. Человечество боролось и борется с холодом, с голодом, с болью; но чем дальше, там виднее, что в этой борьбе победителей нет, и кого щадит холод, голод и насилие, того гложет **тоска**. **Тоска** за всех и за все, тоска от бесплодной жажды служения и борьбы со страданием, **тоска** от избытка духовных сил, не находящих применения, **тоска** от гнета **неразрешимых тайн**, от затхлости опошлившейся жизни, – **серая, безвыходная тоска**.

Тоска, ведущая к отрицанию жизни...

Процент самоубийств растет, говорит статистика. В смерти ищется выход из-под гнета **тоски**. Но и это последнее средство избавления не дает разрешения мучительных загадок. Самоубийство есть отрицание личного существования в данных рамках жизни, но оно не есть разгадка **тайны бытия**... [6 с. 3–5].

Ключевые слова-понятия стягивают вокруг себя всю семиосферу пессимистического объяснения мира и человека: Тоска и Тайна.

«Тоска» по смыслу – *от* чего-то. От чего же?

От бессилия познать «альфу великой тайны». Тоска «приходит от невозможности познавать так, как хочется, удаляясь от плотской приверженности к пошлости» [6 с. 4]. Здесь важен мотив пошлости, предсказуемой текучести обыденной жизни, ее материальный модус, а между тем «хочется» оторваться от материи и воспарить духом над ней. От «гнета неразрешимых тайн, от затхлости опошлившейся жизни». Хочется возвыситься, но материальный мир (понимаемый как «серая, безвыходная тоска») не дает вырваться за его пределы.

От «бесплодной жажды служения и борьбы со страданием».

От «избытка духовных сил, не находящих применения».

Возможна также тоска – *чего*: «тоска неведения»; «тоска бессилия» [6 с. 245].

Автор допускает и вариант: тоска – *до (чего)*: «Тоска, в опошленной условности жизни доводящая *до отрицания* жизни, *до* искания небытия» [6 с. 13]. Иными словами, градус пессимизма таков, что *от* бессилия познать «альфу великой тайны» *до* отрицания самой жизни всего один шаг.

Отрицание и тоска! Над ними раненой птицей кружится мысль. На все попытки созидания аксиом мышление отвечает взрывом тоскливого отрицания. Познание жизни открывает обманчивость всех теорий, всех представлений, всех впечатлений: познание сути ощущений раскрывает обманы зрения и слуха, игру нервов, фантастическую произвольность воображения; самоанализ обнажает физиологическую основу мысли и ее течений... Познание ведет к разрушению аксиом, к сознанию близости тайны, к анархии мысли. Бездна неведения, над которой носится дух тоски [6 с. 6].

Познание жизни ведет к разрушению всяких аксиом, к ощущению близости Тайны, но чем ближе Тайна, тем больше «анархии мысли», потому что никакая теория не может аксиоматически утвердиться в качестве истинной теории познания. Хаос (анархия) в мыслях – это признание невозможности вырваться за порочный круг привычной жизни. Открывается только «бездна неведения». Тоска одновременно порождает и стремление к истине, и отрицает ее вовсе; она колеблет устои мышления, раскрывая бессмысленность всего сущего. Отрицая истину вне человека, тоска толкает его на «муки самоанализа». Как в книге Юлии Данзас, так и в творчестве Марка Криницкого, соединение Тайны и Тоски ведет к масштабному переосмыслению жизни. Мотивы этого переосмысления оказываются общими – и в книге Данзас, и в рассказах Криницкого.

Единственное, что не подвергается сомнению, – это личность сомневающегося, личность, творящая и созидаящая свой духовный и свободный мир вопреки миру материальному.

Литература

---

1. *Торчинов Е.* Гнозис и гностицизм [вступительная статья] // Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). СПб.: Лань, 1998. С. 5–7.
2. *Слободнюк С.Л.* «Дьяволы» Серебряного века: (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб.: Алетейя, 1998. 427 с.
3. *Брюсов В.* Истины (начала и намеки) // Северные цветы на 1901. М.: Скорпион, 1901. С. 189–196.
4. *Криницкий М.* Цветы репейника: [Рассказы для взрослых]. М.: И.И. Поздеев, 1899. 145 с.
5. *Криницкий М.* Чающие движения воды. М.: Тип. М. Борисенко, 1903. 162 с.
6. *Николаев Ю.* Запросы мысли. СПб.: [Б. и.], 1906. 254 с.

References

---

1. Torchinov E. Gnosis and Gnosticism (introductory article). V: Jonas H. *Gnosticism (Gnostic religion)*. Sankt-Peterburg: Lan' Publ.; 1998. p. 5-7. (In Russ.)
2. Slobodnyuk SL. Devils Silver Age (ancient Gnosticism and Russian literature 1890-1930). Sankt-Peterburg.: Aleteiya Publ.; 1998. 427 p. (In Russ.)
3. Bryusov V. Istiny [Truths] (beginnings and hints). V: *Northern Flowers for 1901*. Moscow: Skorpion Publ.; 1901. p. 189-196. (In Russ.)
4. Krinitskii M. Flowers of burdock: [Stories for adults]. Moscow: I.I. Pozdeev Publ.; 1899. 145 p. (In Russ.)
5. Krinitskii M. Expecting movements of water. Moscow: Tipografiya M. Borisenko Publ.; 1903. 162 p. (In Russ.)
6. Nikolaev Yu. Requests for thought. St. Petersburg, 1906. St. Petersburg, 1906. 254 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Iurganov, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; iurganov@yandex.ru

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *Ж.П. Григорьева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 29.06.2018.

Формат 60×90^{1/16}.

Усл. печ. л. 8,3. Уч.-изд. л. 8,6.

Тираж 1050 экз. Заказ № 415

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru